

ОРВАНД 286 55
1718 56

Дубасов, И. И.

О Ч Е Р К И

— ИЗЪ ИСТОРИИ —

ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ I-А.

Исследование И. И. ДУБАСОВА.

ТАМБОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890.

О Ч Е Р К И

ИЗЪ ИСТОРИИ

ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ I-А.

Исслѣдованіе И. И. ^{Дубасов} ДУБАСОВА.

Е. Аквиланова.

1894. Октября 25.

Спб.

— отъ Автора.

ТАМБОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1890.

Доволено цензурою. Москва 6 Юня 1890 г.

Росс.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Занимаясь въ теченіе 9 лѣтъ изученіемъ Тамбовскихъ архивовъ, почти не тронутыхъ еще историческою наукою, пишущій это въ разныя времена случайно встрѣчался тамъ съ весьма любопытными документами, болѣе или менѣе обстоятельно изображающими прошлую жизнь мѣстнаго края. Результаты этихъ изысканій своевременно помѣщались въ нѣкоторыхъ историко-литературныхъ изданіяхъ и въ губернскихъ органахъ печати. Наконецъ, съ накопленіемъ матеріаловъ, намъ пришла мысль составить болѣе обширный и цѣлостный историческій трудъ и издать его особо. Въ этомъ случаѣ мы поступали по совѣту нѣкоторыхъ образованныхъ любителей мѣстной старины, въ особенности—недавно скончавшагося В. Н. Чичерина, но болѣе всего—по своей любви къ родному краю, прошлыя судьбы котораго такъ мало еще извѣстны. А между тѣмъ наша обширная родина въ массѣ русскихъ областей занимаетъ выдающееся культурно-экономическое положеніе.

Въ первомъ выпускѣ своего историческаго опыта мы излагаемъ факты мѣстной исторіи на основаніи однихъ Тамбовскихъ архивныхъ документовъ. А въ приготовляемомъ къ печати второмъ выпускѣ будутъ помѣщены статьи по матеріаламъ Московскихъ архивовъ, усиленное изученіе которыхъ нами уже предпринято.

Трудъ нашъ представляетъ рядъ самостоятельныхъ очерковъ, связанныхъ общою идеею уясненія прошлой жизни Тамбовскаго края съ разныхъ сторонъ нашего отжившаго быта.

Изображая мѣстную прошлую жизнь исключительно по архивнымъ источникамъ, мы, разумѣется, не думаемъ, что они совершенно исчерпываютъ предметъ нашего изслѣдованія. Есть и еще много общеизвѣстныхъ историческихъ памятниковъ...

Изученію архивовъ мы посвятили себя именно потому, что эти историческіе источники, несомнѣнно, представляютъ главный, наиболѣе разнообразный и достовѣрный историческій матеріалъ.

Къ сожалѣнію, архивныя хранилища даютъ намъ факты отжившей жизни по преимуществу отрицательнаго характера....

ТАМБОВЪ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

Русская историческая наука представляет намъ значительное количество своихъ авторитетовъ, немало и честно потрудившихся въ области своей научной спеціальности и, вельдствие этого, могущественно содѣйствовавшихъ развитію нашего народнаго самосознанія. Но ихъ работа далеко не кончена. Массы историческихъ матеріаловъ ждутъ еще своихъ изслѣдователей. Ждетъ научнаго изслѣдованія въ особенности наша безграничная провинція, составляющая сущность народной жизни и всячески питающая всероссійское отечество. Пока наши первоклассные ученые историки во всей широтѣ и подробностяхъ не овладѣютъ провинціальными архивными и иными источниками, до тѣхъ поръ ихъ задача не будетъ исполнена. Но провинціальныя архивы мало извѣстны ученому сословію и ихъ изученіе соединено съ величайшими затрудненіями, для одолѣнія которыхъ требуется самая безрасчетная энергія, мотивомъ для которой можетъ быть только безкорыстная преданность отечественной наукѣ. Тѣмъ тщательнѣе должны мы пользоваться всякими случайными открытіями въ провинціальныхъ архивахъ и при этомъ не пренебрегать и кажущимися мелочами.

Много лѣтъ работая въ Тамбовскихъ архивахъ, авторъ предлагаемыхъ очерковъ рѣдко всерьѣчался съ крупными историческими матеріалами, обстоятельно развивающими и освѣщающими факты наней государственно-общественной жизни. Причинъ на это много. Главныя изъ нихъ—централизація важнѣйшихъ провинціальныхъ источниковъ въ столицахъ, удаленность Тамбовскаго края отъ всѣхъ важ-

нѣйшихъ сферѣ національно-исторической жизни и, наконецъ, провинціальный архивный беспорядокъ. Тѣмъ не менѣе и при этихъ условіяхъ мы встрѣчались съ мѣстными архивными документами, достойными общаго вниманія. Пренебрегать этими историческими данными мы сочли себя не въ правѣ, иначе они могутъ погибнуть безслѣдно, и вотъ мы предлагаемъ вниманію читателей рядъ очерковъ, извлеченныхъ нами исключительно изъ Тамбовскихъ архивовъ и только отчасти провѣренныхъ и дополненныхъ Московскими документами министерствъ юстиціи и иностранныхъ дѣлъ.

1.

ТАМБОВСКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ Тамбовѣ сохранилось краткое лѣтописное сказаніе неизвѣстнаго автора объ основаніи нашего города и о судьбахъ его до 1708 года. „Лѣта 7144-го (1636 г.),—начинаеть словоохотливый лѣтописецъ,—по указу богоизбраннаго и святымъ слеемъ помазаннаго крѣпкаго хранителя и поборника святыхъ православныхъ вѣры, благовѣрнаго и Богомъ почтеннаго и превознесеннаго и благочестіемъ всея вселенныя въ концѣхъ возсіявшаго царя и великаго князя Михаила Феодоровича, создася градъ Тамбовъ на рѣкѣ Цнѣ. А строилъ тотъ городъ стольникъ Романъ Федоровичъ Бобарыкинъ и былъ воеводою три лѣта“.

Городъ Тамбовъ, заложенный 17 апрѣля, *совершенъ былъ* 1-го октября 7145 года. Почти все первоначальное населеніе его было военное, стрѣлцкое и казацкое, и только къ югу отъ крѣпости въ Покровской пригородной слободѣ поселены были тяглые крестьяне.

Цѣль построенія нашего города заключалась въ оборонѣ отъ Татаръ всей Московской юго-восточной украины. Это видно изъ слѣдующихъ словъ дошедшей до насъ грамоты царя Михаила Феодоровича отъ 1637 года: „въ прошлыхъ годѣхъ въ Шадкія и иныя Мещерскія мѣста Татарскіе и Ногайскіе воровскія люди прихаживали изгономъ и тѣ всѣ мѣста воевали, людей побивали и въ полонъ имали, и села и

деревни многія пожгли и до конца разорили и отъ тоѣ великія войны многія села и деревни запустѣли, а служилые люди оскудѣли и учинилися безлюдны и безлошадны и безоружейны. И мы то слыша, указали поставить городъ Тамбовъ“. Поэтому первые годы существованія новой крѣпости отличались военными тревогами по поводу ежегодныхъ Татарскихъ и Ногайскихъ нападеній. Уже въ самый годъ открытія крѣпости къ Тамбову приходили *Татарскіе воинскіе люди партією съ 100 человекъ*, но были отбиты и была за ними погоня.

„И зашли тѣхъ Татаръ,—говорить Тамбовскій лѣтописецъ,—лучшіе служилые люди 400 человекъ на степи и отбили у нихъ всѣхъ коней, а въ Тамбовъ полону привели 63 человека“.

Въ 7152 году, при воеводѣ Самуйлѣ Ивановичѣ Бискинѣ, на Тамбовъ было новое Татарское нападеніе. „Приходили къ намъ, сказано въ лѣтописи, воинскіе люди и побрали служилыхъ людей человекъ съ двадцать. И послана была за ними погоня въ 500 человекъ съ головою Иваномъ Кородыкинымъ и дошли ихъ въ степи и ничего имъ Татарамъ наши служилые люди не учинили, только нашихъ 30 человекъ порубили, а иныхъ въ полонъ взяли мѣсяца апрѣля въ 23 день“.

Въ 7156 году присланъ былъ въ Тамбовъ князь И. И. Ромодановскій *для великаго землянаго строенія, и того лѣта построень валъ отъ рѣки Цны до рѣки Челмовой на 20 верстахъ, а строень тотъ валъ седмю городими.*

Въ 7163 году началось христіанское просвѣщеніе Тамбовской Мордвы и Мещеры. Просвѣтителемъ края явился Рязанскій архіепископъ Мисаиль, который приводилъ инопородцевъ къ богопознанію, *обвеселяя ихъ царскою милостію и жалованною дачею, а суровѣйшихъ изъ нихъ претя казю.* Впослѣдствіи, какъ извѣстно, этотъ миссіонеръ погибъ мученическою смертію отъ Мордвы въ окрестностяхъ Шацкаго села Конобѣова. Лѣтопись сохранила намъ имя убійцы рязанскаго владыки. Это былъ мордвинъ Гаречишка, *навожденіемъ сатанинскимъ устрѣлившій вѣрнѣйшаго служителя Божія.* Окровавленная мантія архіепископа Мисаила и теперь еще хранится въ Рязанскомъ кафедральномъ соборѣ.

Въ слѣдующемъ 7164-мъ году къ Тамбову подошли Татары изъ-подъ Азова. Судя по лѣтописному сказанію, это нашествіе было особенно грозное. Азовскіе Татары,—говоритъ нашъ лѣтописецъ,—подъ Тамбовомъ на поляхъ многую школу народу Россійскому сотвориша, въ плѣнъ мужеска и женска полу многочисленно побраша и во своя отведоша“.

Черезъ три года на Тамбовъ напали Крымскіе Татары. Воевода Иванъ Михайловичъ Короваевъ вышелъ противъ нихъ *со стрѣльцами и казаками и со всякимъ оружіемъ*, потерявъ въ бою 90 человекъ и поспѣшно скрылся за городскими земляными валами и деревянными частоколами. Тѣ пушки, которыми воевода Короваевъ отстрѣливался во время Татарскихъ приступовъ, и теперь еще цѣлы и украшаютъ собою нѣкоторые мосты и площади города Тамбова. Всѣ они—чугунныя и маленькія и едва-ли особенно вредили степной ордѣ.

Между тѣмъ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича началось извѣстное казацкое и крестьянское движеніе на Волгѣ, коснувшееся и нашего края. „Божіимъ пощещеніемъ,—повѣствуетъ Тамбовскій лѣтописецъ,—воровскіе казаки измѣнника Степки Разина приходили къ намъ отъ града Шацкаго и обступили крѣпость мѣсяца ноябрія въ 9-й день и стояли тутъ до мѣсяца февраля и въ то время пало служилыхъ людей и измѣнниковъ многое число“.

Воровскихъ людей было подъ Тамбовомъ 5,000 человекъ и они до того стѣснили нашъ городъ, что у ратныхъ служилыхъ людей не стало вина. „А безъ того вина,—писалъ въ Москву Тамбовскій воевода Яковъ Хитрово,—намъ быть не мочно“.

Въ концѣ декабря 1670 года къ осажденной крѣпости подошли отряды полковниковъ *драгунскаго стрѣла* Грובה, Ульфа и Хрущова. Тогда мятежная шайка разбѣжалась по частямъ и временно утвердилась въ селахъ: Бокинѣ, Кузьминой гати, Лысыхъ горахъ и Челнавскомъ острожкѣ. Близъ послѣдняго *воровъ* переловилъ полковникъ Хрущовъ, главный мѣстный герой даннаго смутнаго періода.

Между тѣмъ Яковъ Хитрово, обезсиленный дряхлостію и боевыми тревогами, оставилъ воеводство и перѣѣхалъ въ Москву. На его мѣсто въ Тамбовъ назначень былъ Иванъ

Бутурлинъ. При немъ-то въ 1671 году и совершилось окончательное умиротвореніе нашего края.

Въ смутную Разинскую эпоху всей Тамбовской области особенныя услуги оказаны были Черніевымъ монастыремъ, который *царскимъ воинскимъ людемъ платилъ жалованье*. Бѣдный Шацкій монастырь истратилъ на этотъ предметъ 990 рублей и такимъ образомъ роль его въ данномъ случаѣ напоминаетъ намъ извѣстные патріотическіе подвиги Троицкой Лавры*....

Послѣдняя страница Тамбовской лѣтописи посвящена описанію Булавинскаго нашествія. Въ 1708 году мѣстнымъ воеводою былъ Василій Васильевичъ Даниловъ. Тогда же стоялъ въ Тамбовѣ съ своимъ отрядомъ полковникъ князь Григорій Ивановичъ Волконскій. Въ это время вторглись въ наши предѣлы съ рѣки Хопра шайки Кондратія Булавина. Лѣтопись говоритъ объ этомъ такъ: „приходилъ къ намъ отъ Кондрашки Булавина воронскій атаманъ Лушка Хармичъ и, приѣхавъ ко дворцу государеву за Кузьминою гатью, государевыхъ лошадей побралъ многое число: да отъ нихъ же казаковъ шкода учинилась великая въ селахъ и деревняхъ, а градскіе люди были въ осадѣ болѣе десятихъ дней“.

Булавинскую осаду снялъ съ города Тамбова драгунскій полковникъ Ефимъ Андреевичъ Гульцъ. Но съ его отбытіемъ, Тамбовскій край постигла новая бѣда. „Грѣхъ ради нашихъ, — повѣствуетъ лѣтописецъ, — на новоселенныя села и деревни Тамбовскаго уѣзда припли воронскіе калмыки и многихъ мужеска полу и женскаго людей въ полонъ побрали, и малыхъ ребятъ, и всякій скотъ смерти предавали, а иныхъ за рѣку Волгу отведоша и великую шкоду роду христіанскому учиниша“.

Дальнѣйшія событія изъ исторіи Тамбовскаго края довольно подробно выясняются документами Шацкаго провинціального архива и разныхъ Тамбовскихъ присутственныхъ мѣстъ. Съ особенною ясностію, хотя и отрывочно, представляется намъ эпоха Петра Великаго.

* Подробныя свѣдѣнія о Разинскомъ мятежѣ въ предѣлахъ Тамб. и Шацкой провинціи, на основаніи Моск. арх. документовъ, представлены будутъ нами во второй книгѣ, приготавливаемой къ печати.

Въ концѣ XVII столѣтія вся сѣверная часть нынѣшней Тамбовской губерніи была сплошь покрыта дремучими лѣсами-хвоей и чернолѣсьемъ. Въ этихъ дѣвственныхъ лѣсахъ на всей своей волѣ проживали Мордовскія и Мещерскія племена, укрываясь въ темныхъ трущобахъ отъ зоркихъ Московскихъ бояръ и воеводъ, и въ нихъ же свободно рыскали хищные звѣри, всячески донимая лѣсныхъ обитателей. То было время, когда многіе Спасскіе, Темниковскіе, Елатомскіе и Шацкіе лѣса, по всей справедливости, именовались *гоголевыми борами и бобровыми гонами*. Сѣверная Тамбовская глушь изрѣдка только нарушалась *бутами, майданами, станами и починками*, населеніе которыхъ, по указамъ приказа Казанскаго дворца, занималось гонкою смолы и поташа. Съ этою цѣлію выжигались сотни и тысячи десятинъ превосходнаго корабельнаго лѣса. И жгли этотъ лѣсъ Тамбовскіе аборигены безъ пощады, точно конца-краю не было ему.

Нерасчетливое истребленіе сѣверныхъ Тамбовскихъ лѣсовъ замѣчено было царемъ Петромъ—этимъ безпримѣрнымъ печальникомъ русской земли, отъ хозяйскаго глаза котораго едвали укрывалось хоть одно какое нибудь глухое мѣсто въ его обширномъ царствѣ. Поэтому въ 90-хъ годахъ XVII столѣтія присланъ былъ изъ Москвы въ Спасскъ и Темниковъ стольникъ Власовъ съ царскимъ наказомъ, *дабы лѣса по Мокшѣ, Вадѣ, Парцѣ и инымъ опадающимъ въ нихъ рѣкамъ были во всякомъ бережныи*. Съ тѣхъ поръ надолго, до самой смерти великаго императора, прекратилось у насъ лѣсное хищеніе и тогда же началась относительно правильная гражданская жизнь въ нашемъ Мордовско-Мещерскомъ захолустьи.

Всѣмъ извѣстно, что царь Петръ Алексѣевичъ слишкомъ занятъ былъ государственными дѣлами. Однако, это не мѣшало ему обстоятельно и дѣятельно слѣдить и за нашимъ Тамбовскимъ краемъ и могущественно втягивать его въ общіе интересы государства. Не легко было Шацкому народонаселенію нести тиготу государственную, но за то всѣми русскими силами сильнѣе и скорѣе создавалась Россійская имперія, теперь уже окрѣпшая физически и ожидающая своего нравственнаго обновленія и развитія.

Петръ Великій вель довольно частую переписку съ Шац-

кими и Тамбовскими воеводами, а также съ Воронежскимъ вице-губернаторомъ Степаномъ Андреевичемъ Колычовымъ, который послѣ Азовскаго губернатора графа Апраксина былъ главнымъ начальникомъ Шацкой и Тамбовской провинцій.

3-го ноября 1715 года царь Петръ написалъ Колычову слѣдующій рескриптъ: „господинъ вице-губернаторъ! Посланъ къ вамъ указъ для дѣланія юфтей, которое дѣло публичуи и смотри, по изшествіи двухъ лѣтъ, чтобы сей указъ былъ весьма исправленъ. Петръ“.

При этомъ рескриптѣ присланы были въ нашъ край извѣстные царскіе печатные указы *всѣмъ промышленникамъ, которые видаютъ юфть* „Повеже юфть, которая употребляется на обуви,—читали приказные во всѣхъ волостяхъ Тамбовской и Шацкой провинцій,—весьма негодна есть къ ношенію и, когда мокрота хватить, расплзается и вода проходить; того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланъ изъ Ревеля мастеръ къ Москвѣ для обученія того дѣла. И ежели кто будетъ дѣлать юфти старыя, такой будетъ въ жестокомъ наказаніи и посланъ будетъ на каторгу и лишонъ своего имѣнія. И то Шацкій фискаль Негоновскій смотрѣлъ бы накрѣпко.“

Выше мы сказали, что не легко жилось Тамбовско-Шацкому краю во времена Петра Великаго. Прежнія украинныя льготы исчезли навсегда. Всюду обнаруживался зоркій правительственный глазъ и ни одинъ обыватель не могъ уклониться отъ сложныхъ государственныхъ повинностей. Жители Тамбовской и Шацкой провинцій принимали дѣятельное участіе въ построеніи Петербурга и Кронштадта. Съ этою цѣлю у насъ набирали *работныхъ людей* по одному съ 16 дворовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ производились денежныя сборы на Петербургскихъ работниковъ. Въ 1715 году на этотъ предметъ со всей Азовской губерніи собрано было 7785 рублей. А также отдѣлили съ городовъ и сель Шацкой и Тамбовской провинцій 6% выборныхъ ямщиковъ и съ женами и дѣтьми отправили ихъ на *вѣчное житіе* въ С.-Петербургъ. Въ 1714 году усиленно собирали Тамбовскихъ и Шацкихъ недорослей *для государева дѣла*. Иныхъ отвозили въ школы, другихъ сдавали въ солдаты и матросы, но *оныя дворяне*,—

говорять мѣстные документы, — *къ государеву дѣлу были несклонны и въ томъ учинялись противны*. Тогда ихъ начали забирать посредствомъ военныхъ командъ.

Въ концѣ 90-хъ годовъ XVII столѣтія городъ Тамбовъ былъ однимъ изъ сборныхъ пунктовъ русскихъ полковъ, предназначенныхъ для Азовскаго похода. Въ то время маленькій нашъ городъ сдѣлался шумнымъ и веселымъ. Почти все *птенцы Петровы* собрались тогда у насъ, недоставало только самого орла-царя Петра Алексѣевича. За то часто и по долгу проживалъ великій импораторъ въ Липецкѣ, гдѣ онъ приказалъ даже выстроить собоѣ дворецъ. *Липецкій дворецъ* состоялъ изъ трехъ *покоевъ*, внутренніи стѣны которыхъ были обмазаны глиною, перемазанною съ соломою. Весь домъ былъ деревянный и окруженъ былъ необходимыми службами. Кругомъ усадьбы выведена была рѣшетчатая ограда. Царь Петръ обращалъ на Липецкъ особенное вниманіе: онъ основалъ въ немъ чугунно-литейный заводъ, на которомъ иногда самъ работалъ, и открылъ извѣстныя Липецкія минеральныя воды, для пользованія которыми имъ же составлены собственноручно гигиеническія и медицинскія правила.

Къ сожалѣнію, драгоценный Липецкій памятникъ не былъ сохраненъ нашими предками, а Липецкія минеральныя воды, по смерти Петра, надолго были забыты и заброшены. *Дворецъ* Петра Великаго, съ открытіемъ Тамбовскаго наместничества, въ 1779 году оставленъ былъ безъ призора и въ концѣ прошлаго столѣтія представлялъ собою слѣдующую картину запустѣнія. Ставни на дворцовыхъ окнахъ были оторваны, или же висѣли вдоль стѣнъ, дворцовыя печи разваливались, потолки отъ сгнившихъ балокъ выпятились, стѣны клонились на бокъ, ограда и надворныя постройки совсѣмъ разрушились.... Уже въ 1803 году вспомнили наконецъ про Липецкія воды и кстати обратили вниманіе на царскій дворецъ, сдѣлавшійся постоялымъ дворомъ для бѣдныхъ приѣзжихъ. Въ 1804 году его реставрировали. Любители родной старины настойчиво предлагали правительству *сдѣлать для царскихъ покоевъ каменный футляръ*. Но экономическія соображенія помѣшали осуществленію этого патріотическаго и научнаго дѣла. Вольдетвію этого реставрированный дво-

рецъ остался, какъ говорится, на вѣру и въ 1807 году сгорѣлъ до тла.

Эпоха Петра Великаго ознаменована между прочимъ улучшеніемъ полевого хозяйства въ предѣлахъ Тамбовской и Шацкой провинцій. Царь Петръ ввелъ у насъ косы съ граблями и присылалъ къ намъ съ культурными цѣлями нѣмецкихъ мастеровъ—земледѣльцовъ. Въ Тамбовскомъ губернскомъ правленіи и теперь виситъ на стѣнѣ копія съ одного изъ писемъ Петра Великаго къ Шацкому водводѣ Ляпунову по этому предмету. Въ свое время Петровское письмо было обнародовано нами въ „Древней и Новой Россіи“ и потому мы не приводимъ его въ текстѣ, а ограничиваемся лишь краткимъ изложеніемъ его содержанія. Петръ Великій посылаетъ въ Шацкую провинцію нѣмецкихъ мастеровъ и повелѣваетъ имъ научить Шацкое крестьянство нѣмецкимъ способамъ земледѣлія.

До конца XVII столѣтія заботы Московскаго правительства относительно Тамбовско-Шацкаго края по извѣстнымъ причинамъ выражались въ его укрѣпленіи засѣками и деревянными оборонными городками. Это видно изъ слѣдующаго указа царя Θεодора Алексѣевича отъ 25 Іюля 1680 года: „въ которыхъ Шацкихъ засѣкахъ на проѣзжихъ дорогахъ городки и острожки и башни и всякія засѣчныя крѣпости погнили и обвалились и рвы засыпаны, и тѣ всякія крѣпости сдѣлать противъ прежняго“. Съ началомъ же XVIII вѣка край нашъ уже не боялся Татарско-Ногайскихъ набѣговъ и потому въ немъ началась усиленная русская колонизація. Шли къ намъ многочисленныя переселенцы самаго разнообразнаго этнографическаго состава, увлекаясь извѣстнымъ плодородіемъ Тамбовско-Шацкой почвы; проникали въ наши дремучіе лѣса и дикія степи такъ называемыя *утеклецы*, укрываясь отъ самаго свѣту Божьяго, терпѣли они голодъ и холодъ и кормились чѣмъ Богъ послалъ; усиленно добивались нашихъ полевыхъ, сѣнныхъ и лѣсныхъ угодій многочисленныя служилые люди и сталъ нашъ край владѣльческимъ краемъ.... Съ тѣхъ поръ Тамбовскую и Шацкую провинціи стали называть *разбойнымъ краемъ*. *Разбойники ходили у насъ по селамъ и деревнямъ шуряднымъ дѣломъ и чи-*

или разбои и огнемъ людей жгли и было отъ нихъ огненное хоромное запансіе. Особенно много было *воровскихъ людей* около Морши, Пичаева, Кадома и въ Шацкомъ залѣсскомъ стану. Отсюда они выѣзжали иногда на добычу подводахъ на 70. Лѣсные обитатели копали себѣ въ лѣсныхъ дѣбряхъ обширныя пещеры и строили земляные городки. Тамъ они отдыхали отъ своей темной работы и дѣлили *полоны* и тамъ же въ крайности отчаянно боролись съ военными командами. Нѣкоторые городки и пещеры и теперь еще цѣлы въ бывшей Шацкой провинціи и своимъ существованіемъ поддерживаютъ въ простомъ народѣ массу легендарныхъ сказаній о былой жизни отщепенцевъ русскаго народа.

Съ особенною энергіею Тамбовско-Шацкіе разбои искоренялись при Петрѣ I-мъ. Онъ посылалъ многочисленныя военные команды противъ нашихъ *воровскихъ людей* и организовалъ въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ общественную охрану, между дѣятелями которой особенно выдается староста села Карамышь—Степановъ. Съ крестьянами односельцами углублялся онъ въ лѣсныя труппы и каждый разъ приводилъ оттуда домой *невдомыхъ людей* и сдавалъ ихъ въ провинціальную канцелярію.

Со смертію Петра Великаго разомъ прекратилась эпоха кипучей правительственной дѣятельности. Некому было позаботиться о всероссійской провинціи, о ея неурядицахъ и стремленіяхъ; всѣ наши захоlustья представлялись высшимъ властямъ только съ одной точки зрѣнія, съ чисто фискальной. Поэтому исторія Тамбовско-Шацкаго края, въ теченіе почти всего XVIII вѣка, есть рядъ фактовъ самаго отрицательнаго свойства. Въ обѣихъ провинціяхъ господствовалъ самый дикій и безсознательный произволъ мелкихъ властей. Представленія относительно общественнаго блага утратились совершенно. Высшій чинъ давилъ низшаго и въ этомъ видѣлъ непогрѣшимую прерогативу своего званія. Губернія побивала провинціи, провинція гнула воеводскіе округа. Такія начальственные отношенія очень ясно видны изъ слѣдующаго приказа Шацкой провинціальной канцеляріи солдату Григорію Ермакову: „взять тебѣ одну обывательскую подводу и ѣхать въ городъ Касимовъ, а по пріѣздѣ подать

указъ въ воеводскую канцелярію и отъ господъ присутствующих неотступно требовать дѣла и наряды о состоящей на городскомъ магистратѣ съ 1730-го года по 1745 годъ доимкѣ. И пока тѣ дѣла и наряды не будутъ отданы—присутствующих и секретаря держать тебѣ въ канцеляріи безъ выпуску и быть на ихъ коштѣ“.

Этотъ замѣчательный указъ Шацкой провинціальной канцеляріи, отдававшій подъ начало простаго солдата всю воеводскую канцелярію, составленъ былъ Шацкими властями въ 1746 году.

Сохранившіеся мѣстные архивные документы изображаютъ Тамбовскую и Шацкую внутреннюю жизнь за весь XVIII вѣкъ въ самомъ неприглядномъ видѣ. Въ Шацкихъ и Тамбовскихъ селахъ собирали недоимки, накопившіеся съ 1718 года. Невольныхъ неплательщиковъ содержали подъ карауломъ *безъ выпуску* и нещадно били. Все ихъ нищество продавали и всетаки край нашъ, богатый по природѣ, но поразительно бѣдный по условіямъ экономическаго быта, былъ въ неоплатныхъ казенныхъ долгахъ. Не легки были для Тамбовско-Шацкаго народонаселенія и прежніе подвиги Петербургской тайной канцеляріи. Безсиленъ былъ Петербургскій режимъ для поднятія культурнаго уровня нашихъ провинцій, за то, къ нашему несчастью, силенъ онъ былъ въ дѣлѣ *всякихъ изнуреній*. Сыщики брали нашихъ предковъ въ застѣнки за всякую малость: за *неприложія слова*, за имѣніе монетъ съ изображеніемъ Іоанна VI-го, за какую нибудь описку въ оффиціальной бумагѣ, а иногда просто по недоразумѣнію.... Иная страшная бѣда нашего края въ прошломъ столѣтіи была слѣдующая. Въ царствованіе Анны Іоанновны собирали у насъ съ 18 дунѣ по одной съ подводами и всѣмъ провіантожъ въ *судовую Донскую экспедицію* для постройки и доставки судовъ въ крѣпость св. Анны къ Азову. Эта повинность совершалась подъ *страхомъ жесточайшаго истребленія и съ самокрайней скорости*. Въ работу брали даже стариковъ, больныхъ и увѣчныхъ, провожали ихъ до мѣста военныя команды и часто *изнуряли голодомъ и побоями*. Работниковъ высылали къ Азовскому морю *демокъ и кошию съ великими носимыми*, партиями человекъ въ 1000 и болѣе и

шли съ ними суровые начальники: комисары, счетчики и подъячіе.

Но ужаснѣ всего для населенія была рекрутчина. Новобранцевъ обыкновенно заковывали въ кандалы и держали за крѣпкимъ карауломъ. Протестъ противъ этого лишенія свободы нерѣдко выражался въ открытомъ сопротивленіи рекрутскаго контингента властямъ. Многіе отчаянно ножами, вилами и рогатиными бились съ вербовщиками и уходили въ дремучіе лѣса. Менѣе рѣшительные бросали семьи и уходили въ степи. Третьи уродовали себя и шли за это подъ судъ, подъ кнутыи плети. Стоявъ стоялъ тогда надъ бѣдною русскою землею и некому было пожалѣть русскаго страдальца. Лишь матери рекрутскія да жены своимъ безсильнымъ и надрывающимъ душу воплемъ смущали всѣхъ....

Въ царствованіе Анны Іоанновны во всѣхъ Тамбовскихъ и Шацкихъ уѣздахъ проживало множество недорослей, укрывавшихся отъ ученія и службы. Всѣ они были болѣе или менѣе грубые и избалованные люди и широко пользовались въ своихъ захоlustьяхъ своими владѣльческими привилегіями. Правительство стремилось ихъ эксплуатировать въ государственныхъ интересахъ, но постоянно встрѣчало при этомъ рѣшительное сопротивленіе. Тогда составили особую экспедицію для поимки недорослей и было ихъ поймано въ Тамбовскихъ и Шацкихъ дѣбряхъ не мало. Почти всѣ недоросли были неграмотные и уже не молодые, отъ 35 до 50 лѣтъ. Грамотѣ пришлось имъ учиться въ Семеновскомъ полку, куда всѣхъ ихъ опредѣлили въ солдаты.

Всѣ города Тамбовской и Шацкой провинцій отличались въ прошломъ вѣкъ замѣчательною убогостію. Можно сказать, что у насъ не было тогда ни одного города, хоть сколько нибудь достойнаго своего имени. Главные города провинцій: Тамбовъ и Шацкъ были въ такомъ состояніи, что даже воеводскіе дворы были въ нихъ *весьма ветхи и стили и жить въ нихъ было невозможно*. При этомъ ницета присутственныхъ мѣстъ доходила до того, что въ нихъ не доставало дровъ, свѣчь, чернилъ, бумаги и сургуча. А приказные чины не получали жалованья и питались *отъ приказныхъ трудовъ*. Въ 1729 году провинціальные подъячіе жаловались

Воронежской губернской канцеляріи, что *отъ неусыннаго письменнаго затрудненія претерпѣваютъ они немалую нужду и помираютъ и домишки ихъ развалились*, но губернскія власти не обратили вниманія на эту жалобу и такимъ образомъ послужили косвенною причиною развитія отжившихъ приказныхъ порядковъ. Поэтому на канцелярскую службу шли самые сомнительные люди и многіе изъ нихъ были крайне подозрительны даже относительно грамотности. Канцелярская безграмотность иногда обнаруживалась съ совершенною ясностію и тогда неудачныхъ канцеляристовъ назначали на должности сторожей.

Въ 1738 году, во время извѣстной Турецкой войны, вѣльно было для предосторожности отъ Крымскихъ татаръ исправить и перевооружить крѣпость Тамбовъ. Земляныя и деревянныя работы должны были совершить обыватели *по наряду*. Затѣмъ на остальные расходы по вооруженію крѣпости ассигновано было 200 рублей. Въ концѣ года въ Тамбовѣ оказалась слѣдующая чугунная артиллерія: 12-ти фунтовая пушка—1; 8-ми фунтовыхъ 3; 6-ти фунтовыхъ—5; 4-хъ фунтовыхъ—2, да зативныхъ пупекъ 10. Поправлялъ крѣпость и орудія штыкъ-юнкеръ Апанинъ. Пушкарей наскоро набрали изъ обывателей, преимущественно изъ подъяческихъ дѣтей, обучалъ ихъ сержантъ Мигатинъ. При крѣпостныхъ работахъ въ Тамбовѣ было только 2 плотника и 1 лафетный ученикъ. Слѣдовательно работы шли крайне вяло.

Въ то же время были вооружаемы и другіе наши города, но тамъ вооруженіе было еще хуже нашего. Въ Краснослободскѣ, напримѣръ, оказалось слѣдующее оружіе: одинъ негодный бердышъ, негодныхъ желѣзныхъ пицалей—3, стволинъ мушкетныхъ—3, тесаковъ негодныхъ—5 и фузей негодныхъ 5....

Въ 1741 году, при императорѣ Іоаннѣ VI, въ городѣ Тамбовѣ зимовало Персидское посольство Надирь-Шаха. Посломъ былъ Хуссейнъ-Ханъ. Такъ какъ городъ нашъ былъ тогда крайне бѣдный, то, подъ страхомъ *немалого штрафа и жесточайшаго отвѣта*, вѣльно было заготовить для Персіянъ цѣлый провіантныи складъ, напримѣръ, сахару 157 пудовъ 20 фунтовъ, салныхъ свѣчъ 45 пудовъ и вина 105 ве-

дерь. Все это было уничтожено многочисленными Персїанскими къ началу весны, когда посольство отправилось въ Петербургъ, и въ нашемъ городѣ снова потекла обычная захолустная жизнь. Все припасы собраны были для Персидскаго посольства съ обывателей Тамбовской и Шацкой провинцій, а платили имъ за все квитанціями*)....

Въ 1758 году Тамбовъ снова сталъ епархіальнымъ городомъ и встрѣчалъ своего епископа Пахомія, прославившагося жестокостью и любовью къ звучнымъ колоколамъ.**) А въ 1771 и 1775 годахъ нашъ край посѣтили двѣ бѣды: чума и пугачевщина. Первая бѣда съ особенною яростію разразилась надъ городомъ Козловомъ, а вторая чувствительно коснулась обѣихъ провинцій: Тамбовской и Шацкой. Въ обѣихъ случаяхъ была у насъ масса погибшихъ обывателей, но объ этомъ рѣчь послѣ, во второй книгѣ. Здѣсь мы скажемъ только то, что самого Пугачева въ нашей провинціи не было, вмѣсто его *орудовали* многочисленные пугачи, изъ которыхъ одинъ шелъ уже къ Тамбову, но въ с. Разказовѣ былъ разбитъ Тулиновскими фабрикантами.

Въ 1779 году было открытіе Тамбовскаго намѣстничества. Это торжество совершилось очень просто. Не было при этомъ торжественныхъ рѣчей, потому что все Тамбовскіе обыватели были люди не книжные, и не собирались деньги на учебныя стипендіи, потому что тогда въ Тамбовѣ не было еще ни одного училища, кромѣ гарнизонной школы, въ которой слабо обучали грамотѣ и болѣе энергично *барabanной наукой*. Губернское торжество выразилось только въ томъ, что у мѣстнаго епархіальнаго архіерея Θεодосія былъ парадный обѣдъ, на который ассигнована была правительствомъ тысяча рублей. Въ числѣ почетнѣйшихъ гостей у епископа Θεодосія находились Тамбовскій и Владимирскій генералъ-губернаторъ графъ Р. И. Воронцовъ и правитель Тамбовскаго намѣстничества генералъ-маіоръ А. И. Салтыковъ.

4 Марта 1786 года въ Тамбовъ прибылъ, въ званіи правителя намѣстничества, извѣстный Г. Р. Державинъ. Съ это-

*) Статья о пребываніи въ Тамбовѣ Персидскаго посольства войдетъ во вторую книгу нашего труда.

**) Съ 1682 года по 1689-й годъ въ Тамбовѣ было 3 епископа: Леонтій, Питиримъ и Пиватій. Съ улаженіемъ послѣдняго епархіи была надолго закрыта.

го времени въ нашемъ краѣ начинается новая жизнь. Темная, захолустная сторона пробуждается. Въ общественныхъ дѣлахъ энергично выдвигается принципъ честности. Начинается понемногу просвѣщеніе неграмотнаго края.

Намъ приходилось не разъ читать похвальные статьи о Державинѣ и вездѣ выдвигалась преимущественно его литературная дѣятельность. Между тѣмъ, на основаніи Тамбовскихъ архивныхъ источниковъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что лучшая эпоха жизни Г. Р. Державина — это его Тамбовское губернаторство. Державинъ былъ самымъ неутомимымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ своего времени и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ только одного современнаго ему соперника: извѣстнаго Новгородскаго губернатора Сивереа. Г. Р. Державинъ былъ чловѣкъ неподкупной честности и потому его губернаторство отличалось систематическимъ и неутомимымъ преслѣдованіемъ казнокрадства. Это-то обстоятельство и было едва ли не главною причиною того озлобленія, съ какимъ напустились на него мѣстные губернскіе бюрократы и помѣщики, потому что честный начальникъ края, карая мелкихъ воровъ, не давалъ пощады и крупнымъ хищникамъ, напримѣръ, вице-губернатору Ушакову и богачу купцу Бородину. Державина скоро поняли Тамбовскіе обыватели и потому онъ пользовался совершеннымъ довѣріемъ всего мѣстнаго престопадаря. Велѣдствіе этого крестьяне, однодворцы, мѣщане, церковники и всѣ обездоленные люди, минуя присутственныя мѣста, съ просьбами своими относились болышею частью къ нему лично и онъ уже отъ себя предлагалъ обывательскія прошенія разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, являясь такимъ образомъ ходатаемъ за всю Тамбовскую *голытбу*.

Но ближе всего къ сердцу своему Г. Р. принималъ интересы народнаго образованія и въ этомъ главныя его услуги, оказанная нашему краю. Самый домъ Державина былъ лучшею школою для взрослыхъ и малолѣтнихъ Тамбовскихъ обывателей. Въ извѣстные дни тамъ были уроки по разнымъ научнымъ предметамъ, танцевальныя вечера и спектакли, причемъ нерѣдко игрались пьесы Тамбовскихъ авторовъ, напечатанныя въ основанной Державинимъ первой Тамбовской

типографіи. Слѣдовательно, Г. Р. былъ не только основателемъ мѣстной школы, но и реформаторомъ мѣстной общественной жизни, грубыя формы которой не даромъ смущали лучшихъ представителей XVIII вѣка, напримѣръ, третьяго правителя Тамбовскаго намѣстничества П. П. Коновницына.

Открытіе главнаго Тамбовскаго училища послѣдовало, по инициативѣ Державина, 22 сентября 1786 года. Утромъ этого памятнаго для насъ дня всѣ чиновники, дворянство и народъ собрались въ Казанской церкви. Обѣдню служилъ епископъ Θεодосій. Во время многолѣтія производилась пушечная пальба. По окончаніи молебствія церемонія началась въ училищномъ домѣ. Тогда при выходѣ преосвященнаго изъ залы собранія произошло неожиданное обстоятельство: у самой двери училища публика остановлена была рѣчью, которую произнесъ Козловскій одноквартылецъ Захарыинъ. Самый патетическій моментъ рѣчи былъ тотъ, когда Захарыинъ взялъ у жены своего маленькаго ребенка и отнесъ его въ училищную залу къ портрету Государыни. Многіе слушатели при этомъ заплакали и, по старинному русскому обычаю, поторопились выразить свое сочувствіе скромному оратору деньгами. Въ заключеніе торжества въ губернаторскомъ домѣ былъ парадный обѣдъ, а народъ *предъ намѣстническими привѣтствіями довольствованъ былъ нитѣмъ и лствами отъ купца Матвѣя Бородини.*

Что открытіе Тамбовскаго училища было дѣломъ административнымъ, а не общественнымъ, это видно изъ того, что нѣсколько лѣтъ сряду мѣстные родители добровольно не хотѣли отдавать чадъ своихъ въ училищную науку. При такихъ обстоятельствахъ Г. Р. Державинъ принялъ на себя обязанности опекуна всей молодежи города Тамбова. По его распоряженію, крестьянскихъ и мѣщанскихъ мальчиковъ забирали въ классы насильно, чрезъ полицію. Вслѣдствіе этихъ чрезвычайныхъ мѣръ произошло то, что въ 1787 году училищныхъ воспитанниковъ во всей Тамбовской губерніи считалось около 400 человекъ.

За открытіемъ училищъ послѣдовало въ городѣ Тамбовѣ открытіе первой мѣстной типографіи, въ которой первоначально печатались сенатскіе указы, распоряженія губерни-

скаго начальства, публикаціи, справочныя цѣны и разныя извѣстія. Такимъ образомъ Державину должно быть приписано первое изданіе Тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостей, окончательно узаконенныхъ уже въ царствованіе императора Николая I-го. Кромѣ официальныхъ документовъ, въ Тамбовской типографіи стали печататься мѣстные литературные опыты, напимѣръ, прологъ на открытіе въ Тамбовѣ народнаго училища, ода Державина на взятіе Измаила и переводы мѣстныхъ писательницъ: Ниловой и княгини Голицыной. Первая напечатала „приключенія англичанина Эдуарда Вальсона“, а вторая—„заблужденія отъ любви“.

Городъ Тамбовъ во времена Державина представлялся въ самомъ непривлекательномъ видѣ. На двѣ тысячи домовъ-избъ въ немъ было только два просторныхъ дома со всѣми барскими угодіями; казенныя строенія походили на развалины; по улицамъ въ дождливое время не было проѣзда. И только обширный генераль-губернаторскій деревянный дворецъ, на половину занятый многочисленными губернскими присутствіями, не много скрашивалъ скудную картину города-деревни.... Во дворцѣ была просторная тронная зала съ великолѣпнымъ императорскимъ трономъ.

Тѣмъ не менѣе знаменитый поэтъ очень доволенъ былъ Тамбовскою жизнью. Ему правилась Тамбовская дешевизна жизни и выдающаяся его самого дѣятельность. Въ письмѣ къ Капнистамъ Державинъ однажды писалъ такъ: „Гавриль, Тамбовскій губернаторъ, и Екатерина, Тамбовская губернаторша, здравья вамъ желаютъ и нарочнаго курьера о здравьи вашемъ навѣдаться отиравляютъ и о себѣ объявляютъ, что они весело и покойно поживаютъ и всю скуку позабываютъ и васъ къ себѣ въ гости приглашаютъ и балъ для васъ дѣлать обѣщаютъ“. Игривый тонъ этого письма, безъ всякаго сомнѣнія, весьма ясно указываетъ на пріятное настроеніе нашего поэта.

Къ сожалѣнію, Державинъ былъ правителемъ Тамбовскаго намѣстничества недолго, до конца декабря 1788 года. Сломали его бюрократически-хищническія продѣлки. Дѣло было такъ. Въ 1788 году князь Потемкинъ отправилъ въ Тамбовскую губернію комиссіонера Гарденина съ предписа-

нісмъ губернскому начальству о содѣйствіи въ покупкѣ и доставкѣ провіанта для арміи. Закупивши хлѣбъ, Гарденинъ явился въ казенную палату за деньгами, но не получилъ ихъ. Тогда Державинъ, опасаясь бѣдственныхъ для арміи послѣдствій отъ неисполненія операцій Гарденина, далъ предложеніе палатѣ удовлетворить комиссіонера. Однакожь тогдашній вице-губернаторъ Ушаковъ наотрѣзъ отказалъ Гарденину и выѣхалъ изъ Тамбова для осмотра Кутлинскаго винокуреннаго завода. Такимъ образомъ Державинъ оказался въ довольно странномъ положеніи, но онъ былъ не изъ такихъ администраторовъ, чтобы кривить душою и ронять достоинство правителя намѣстничества. Онъ счелъ себя въ правѣ дѣйствовать на свой страхъ, чтобы *превозмочь упорство палаты и найти скрытныя деньги*. Съ этою цѣлью онъ приказалъ коменданту Булдакову съ совѣтникомъ и секретаремъ намѣстническаго правленія освидѣтельствовать палатскую казну. Неожиданная ревизія обнаружила въ казенной палатѣ 177,600 рублей... Послѣ этого Державинъ приказалъ выдать Гарденину всю сумму въ размѣрѣ исполненнаго имъ подряда, *отнеся сію выдачу, — писалъ онъ, — на мой отвѣтъ*. Именно съ этого времени Г. Р. Державина возсенавидѣли всѣ мѣстные власти съ генераль-губернаторомъ Гудовичемъ во главѣ. Тогда начали усиленно заботиться о его удаленіи изъ Тамбова. Къ бюрократамъ усердно примкнуло и большинство дворянства, которому не нравилась честная и безкорыстная служба нашего поэта, отличавшагося кромѣ того излишнею и рѣзкою откровенностью...

Въ это время положеніе Державина стало до того невыносимымъ, что онъ *намырсился навсегда ухватить изъ Россіи*. «Еслибъ не царствовала Екатерина II-я, — писалъ онъ въ послѣдствіи императрицѣ, — то, какъ Богу, Вашему Величеству исповѣдую, долженъ бы я давно оставить мое отечество». Въ особенности Г. Р. Державину повредила по службѣ извѣстная скандальная исторія, происшедшая между суругою его Екатериною Яковлевной и женой предсѣдателя гражданской палаты В. П. Чичерина. Молва объ этой исторіи дошла до самой государыни и истолкована была не въ пользу Державиныхъ. Въ этомъ случаѣ больше всѣхъ постарался генераль-прокуроръ князь Вяземскій.

Съ 1788 года много поколѣній смѣнилось въ нашемъ городѣ, но имя Державина и доселѣ хранится въ памяти жѣстнаго населенія. Цѣлы также до настоящаго времени казенныя постройки, исполненныя по распоряженію и подъ наблюденіемъ Гавріила Романовича. Слѣдовательно, Державинъ былъ администраторомъ безкорыстнымъ, что въ XVIII столѣтіи было далеко не зауряднымъ явленіемъ...

Въ старости незлобивый поэтъ простилъ всѣхъ своихъ Тамбовскихъ враговъ и въ 1810 году вотъ что писалъ онъ о злѣйшемъ изъ нихъ, вице-губернаторѣ Ушаковѣ: «я исполнялъ мой долгъ по моимъ чувствованіямъ, а М. И. Ушаковъ по своимъ, или въ чью либо благоугодность, но когда все это прошло, какъ сонъ, то несправедливъ бы онъ былъ, ежели бы по сіе время злобился на сновидѣнія. Мы всѣ здѣсь на театрѣ, и когда съ него сойдемъ, то всѣмъ объяснится, кто какъ свои роли игралъ.» И дѣйствительно, высокая роль Державина, какъ Тамбовскаго губернатора, теперь объяснилась. Это былъ образцовый по честности, уму и трудолюбію администраторъ. Заключаемъ рѣчь о немъ его же собственными правдивыми словами: «къ службѣ я способенъ, неповиненъ руками и чистъ сердцемъ.»

Послѣ Державина Тамбовскіе губернаторы до 1815 года мѣнялись съ чрезвычайною быстротою. Вотъ ихъ фамиліи: Звѣревъ, Неклюдовъ, Лаптевъ, Ланской, Тейльсъ, Литвиновъ. Кудрявцовъ, Бахметевъ, Львовъ, Палицынъ, Кошелевъ, Ниловъ и Шишковъ. Всѣ они не оставили о себѣ въ Тамбовскомъ краѣ прочной памяти. А Неклюдовъ и Лаптевъ за разныя злоупотребленія по службѣ, выразившіяся преимущественно въ превышеніи власти и хищеніи, безъ прошеній уволены были въ отставку съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицу.

Въ 1802 году, при губернаторѣ Кошелевѣ, въ Тамбовской губерніи случилось одно происшествіе, о которомъ слѣдуетъ упомянуть. 14 октября этого года въ Липецкомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ въ пяти селахъ было землетрясеніе. При этомъ всѣ избы, какъ доносилъ Тамбовскому прокурору Лебедянской стряпчій, *качались въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и шумъ былъ подъ землею и панель на всѣхъ великій страхъ.* Въ деревнѣ Мордовкѣ, по словамъ помѣщика Коло-

бова, дѣло это происходило такъ: «во второмъ часу я съ гостями сѣлъ обѣдать. Вдругъ столъ нашъ зашатался и всѣ мы выбѣжали изъ столовой въ другія комнаты, полагая, что тронулись своды. Землетрясеніе продолжалось минутъ пять. Около господскаго дома стояла дворовая изба, въ которой повѣшены были дѣтскія колыбели и всѣ они разомъ начали качаться. Въ каретномъ сараѣ бабы рубили капусту и корыта безъ всякой видимой причины стали подпрыгивать». Къ сожалѣнію, въ 1802 году въ Тамбовской губерніи не было людей, которые могли бы обратить должное вниманіе на это чрезвычайно рѣдкое явленіе, происшедшее, вѣроятно, вслѣдствіе осадковъ какихъ нибудь рыхлыхъ пластовъ Лебедянской и Липецкой почвы.

Къ тому же 1802 году относится открытіе въ Тамбовѣ дворянскаго училищнаго корпуса для бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей. Это былъ первый опытъ усердія Тамбовскаго дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія, вызванный *всенародною радостію* по поводу вступленія на престолъ императора Александра 1-го, смѣнившаго суровый режимъ Павловскаго царствованія.

Манифестъ о кончинѣ императора Павла Петровича и о восшествіи на престолъ Александра 1-го полученъ былъ въ Тамбовѣ ночью, 22 марта 1801 года, и уже въ 6 часовъ утра слѣдующаго дня почти весь городъ посѣщилъ въ Казанскій монастырь для принятія присяги. Восшествіе на престолъ молодаго императора было привѣтствуемо всеми, какъ *всерадостнѣйшее событіе*. Тамбовскій губернаторъ Нахметевъ по этому поводу писалъ извѣстному Беклешову, что чувства *неизъяснимаго народнаго восторга словесно не могутъ быть выражены*. Живѣе всѣхъ Тамбовскихъ сословій патріотическую радость чувствовали дворяне, по поводу подтвержденія жалованной грамоты дворянству; они-то и поспѣшили выразить свою радость добрымъ дѣломъ. Быстро составлена была скромная учебная программа дворянскаго корпуса примѣнительно къ тремъ классамъ съ русскимъ, французскимъ и цѣмекимъ языками, съ исторіей и географіей, физикой, гражданской архитектурой и закономъ Божіимъ. Предположено было, чтобы окончившіе курсъ воспитанники Тамбовскаго училищна-

го корпуса безъ экзамена поступали въ кадетскіе корпуса и университеты. Корпусные ученики были раздѣлены на три группы: бѣднѣйшіе учились бесплатно, нѣкоторые платили за право учении по 50 рублой, а пансіонеры за все платили 150 рублой. Самыхъ бѣдныхъ мальчиковъ доставлено было изъ 12 уѣздовъ Тамбовской губерніи *по одному отроку*. Открытіе училища послѣдовало 22 іюня 1802 года въ домѣ Веклемишева, гдѣ теперь Екатерининскій Учительскій Институтъ. Усерднѣе всѣхъ Тамбовскихъ уѣздовъ къ училищу отнесся Кирсановскій уѣздъ, дворяне котораго внесли въ училищную кассу 1500 рублей. Между тѣмъ Темниковскіе дворяне *пожертвовали* на дѣло народнаго просвѣщенія только 15 рублей.

Учебно-воспитательная часть бывшаго дворянскаго училища, въ послѣдствіи преобразованнаго въ кадетскій корпусъ, а теперь упраздненнаго, была далеко не въ блистательномъ положеніи. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ.

1 ноября 1805 года инспекторъ Веденяпинъ доносилъ училищному совѣту: «учитель французскаго языка Гессингъ замѣченъ мною въ безпечности и нерадѣніи къ своей должности, а наипаче въ поведеніи, крайне противоположномъ добродравію и качествамъ, приличнымъ званію наставника». Въ то же время учитель исторіи Нащинскій, нуждаясь въ деньгахъ, вздумалъ доставать ихъ такъ: онъ являлся въ извѣстныя семейства, гдѣ были взрослые дочери, и объявлялъ себя женихомъ. Дѣлалъ онъ это съ тою цѣлію, чтобы въ качествѣ будущаго зятя получить нѣсколько денегъ, послѣ чего остроумный педагогъ начиналъ искать другихъ довѣрчивыхъ и денежныхъ родителей. Понятно, что при подобныхъ педагогахъ Тамбовскіе дворянскіе воспитанники не могли получать удовлетворительнаго образованія и воспитанія. При этомъ самое зданіе училищнаго корпуса было такъ бѣдно, что въ классы проходилъ дождь, а нравы училищнаго начальства выражались между прочимъ въ публичной и грубой брани инспектора Зайцева, адресованной ко всѣмъ преподавателямъ.

Всѣхъ дворянскихъ капиталовъ на Тамбовскій училищный корпусъ поступило 60 тысячъ рублей, не считая суммъ

фиктивныхъ, т. е. подписанныхъ и оставшихся въ вѣчной недоимкѣ... Во всякомъ случаѣ эта жертва была значительная, вызвавшая особенное вниманіе императора Александра 1-го, доказательствомъ чего служитъ слѣдующій императорскій рескриптъ на имя Тамбовскаго губернатора А. Л. Львова.

«Господинъ тайный совѣтникъ, Тамбовскій гражданскій губернаторъ Львовъ!

Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего подвигъ Тамбовскаго дворянства на заведеніе утилитнаго корпуса, нахожу истинное удовольствіе отдать всю справедливость благонамѣреннымъ его видамъ и поручаю вамъ изъяснить ему мою признательность. Относя начало этого предпріятія ко дню моей коронаціи, дворянство избрало самый лестный мнѣ знакъ своего усердія... Чѣмъ пріятнѣе мнѣ сіе его заключеніе, тѣмъ считаю я справедливымъ быть предупредительнымъ къ самому содержанію вашего рапорта, что сумма, опредѣленная на сіе заведеніе, не падаетъ на крестьянъ и не сдѣлаетъ новаго налога, но составитя единственно изъ избытковъ собственныхъ дворянскихъ доходовъ, въ чемъ и не оставите кому слѣдуетъ сдѣлать внушеніе. Александръ.»

Однако, не смотря на нѣкоторое оживленіе Тамбовской жизни во времена Державина и отчасти въ началѣ Александровскаго царствованія, мѣстная культура пребывала въ самомъ жалкомъ состояніи. Это видно изъ слѣдующаго.

Въ 1803 году вышло правительственное распоряженіе, чтобы въ губернскихъ городахъ не было домовъ, крытыхъ соломою, и чтобы начальство приняло все мѣры къ *искорененію такого безобразія, соединеннаго съ опасностію отъ пожаровъ*. И вотъ, въ видахъ осуществленія этого распоряженія, Тамбовскій губернаторъ Палицынъ приказалъ полиціи снять въ г. Тамбовѣ все соломенные крыши. Тогда нашъ городъ, вслѣдствіе слишкомъ рьянаго полицейскаго усердія, внезапно представилъ картину почти полного разрушенія: точно ураганъ пронесся надъ Тамбовомъ и сорвалъ съ него чуть не все крыши... По неволѣ пришлось, послѣ этого, дозволить снова крыть дома соломою, или дерномъ, даже на главныхъ улицахъ.

Въ то же время Тамбовъ отличался совершеннымъ от-

существомъ каменныхъ мостовыхъ и тротуаровъ. Правда, на нѣкоторыхъ улицахъ дѣлали насыпи изъ глины, песку и мелкаго щебня, но отъ этого жителямъ не было лучше. Лишь только начинались осенніе дожди, какъ насыпи расплывались врозь и превращались въ грязь, *непроходимую для пешеходовъ и затрудняющую проѣзжающихъ съ экипажамъ*. Съ наступленіемъ же лѣта на всѣхъ улицахъ показывались глубокія ямы, колеи и рвы, отъ которыхъ пѣшимъ и коннымъ было еще хуже, тѣмъ отъ грязи.

Первая попытка къ моченію Тамбова сдѣлана была по распоряженію Г. Р. Державина. Съ Тамбовскихъ обывателей собрали 140,000 рублей и заготовили уже бутовый камень, но вѣдствіе отставки Державина дѣло стало и камень пролежалъ безъ употребленія около 40 лѣтъ.

Освѣщеніе улицъ въ Тамбовѣ въ началѣ настоящаго столѣтія было такое же жалкое, какъ и состояніе путей сообщенія. Кое-гдѣ по улицамъ видѣлись фонари съ разбитыми стеклами и на гнилыхъ столбахъ. Нѣкоторые изъ нихъ валялись на землѣ и никому не приходило въ голову поднять ихъ. Вѣдствіе этого, при совершенной темнотѣ, наступавшей въ безлунныя ночи, открывался полный просторъ для воровства и разбоевъ.

Къ довершенію городского безобразія обыватели свободно вывозили со дворовъ навозъ къ собору и тутъ, въ центрѣ города, возвышались на берегу Цны цѣлыя смрадныя горы. А иные жители бросали навозъ прямо въ рѣку, которая и безъ того никогда не отличалась доброкачественностію воды.

Неудивительно послѣ этого, если Тамбовскія общественныя и казенныя зданія поражали Петербургскихъ правительственныхъ ревизоровъ своею крайнею неопытною и совершеннымъ безпорядкомъ. Это такъ шло къ общему характеру города Тамбова.

Въ 1805 году чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Виень ревизовалъ Тамбовскія заведенія приказа общественного призрѣнія и вотъ въ какихъ выраженіяхъ доносилъ онъ министру В. П. Кочубею о губернской тюрьмѣ: «тюремный острогъ въ Тамбовѣ находится въ самомъ дурномъ состояніи, ибо всѣ колодники помѣщены въ двухъ тѣсныхъ и

сырыхъ казармахъ, гдѣ не только варятъ для нихъ пищу, но оставляютъ заразительныхъ больныхъ и женщинъ въ родахъ».

«Смирительный и рабочій доха, — доносилъ тотъ же чиновникъ, — находятся въ одинаковомъ состояніи съ острогомъ и помѣщаются въ одной казармѣ. И замѣчательно, что о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ неоднократно губернскому начальству было доношено безъ всякаго успѣха».

Жалкое состояніе зданій Тамбовскаго приказа общественаго призрѣнія обратило на себя вниманіе Петербургскаго начальства. «Увидя, — писалъ по этому поводу министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей Тамбовскому губернатору Кошелеву, — съ величайшимъ удивленіемъ безпорядки, столько существенныя въ заведеніяхъ, на пользу человѣчества устроенныхъ, необходимымъ почелъ я по долгу своему просить ваше превосходительство доставить мнѣ подробное объясненіе о причинахъ сихъ неустройствъ и о средствахъ къ немедленному ихъ исправленію».

Въ отвѣтъ на это Кошелевъ оправдывался тѣмъ, что, въ бытность г. Віена въ Тамбовѣ, онъ уѣзжалъ въ Липецкъ, *следовательно безпорядки въ приказѣ общественаго призрѣнія произошли помимо его*. Кромѣ того онъ сваливалъ свою вину на тогдашняго губернскаго прокурора, *человѣка весьма нерадиваго*.

Какъ бы то ни было, Петербургская ревизія осталась безъ всякихъ послѣдствій. Больные арестанты попрежнему лежали въ тюремныхъ казармахъ на голыхъ доскахъ, безъ подушекъ, и тутъ же по необходимости производили всѣ естественныя отправления. Равно и внѣшнее благоустройство города долго не измѣнялось къ лучшему. Въ 1817 году Тамбовъ былъ посѣщенъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, при этомъ высокому гостю представили рапортъ о состояніи города, изъ котораго мы видимъ, что въ Тамбовѣ на 16 тысячъ жителей каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ было только 3. Когда великому князю понадобилось кое-что купить для стола, то въ городскихъ лавкахъ подходящаго товара не оказалось, такъ что чай, вино и разныя закуски вы-

писали для великокняжескаго обихода по почтѣ изъ Москвы*).

Въ настоящее время городъ Тамбовъ, по количеству городскихъ доходовъ (болѣе 200,000 рублей), занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ имперіи. Еще большаго вниманія онъ заслуживаетъ по способу расходования городскихъ суммъ. Тамбовъ тратитъ ежегодно на дѣло народнаго просвѣщенія около 60,000 рублей и такимъ образомъ по своему сочувствію къ народной школѣ представляется намъ не только единственнымъ во всемъ русскомъ царствѣ, но и весьма замѣтнымъ городомъ въ Европѣ. А это даетъ намъ основаніе предполагать, что со временемъ Тамбовская культура разовьется на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Между тѣмъ въ началѣ текущаго столѣтія всего менѣе можно было ожидать отъ нашего города существующаго развитія городской жизни. Въ 1804 году въ Тамбовѣ всѣхъ городскихъ доходовъ было только 4680 рублей, которые главнымъ образомъ получались съ городской земли и съ торговыхъ свидѣтельствъ. При этомъ главные расходы шли на полицію, напримѣръ, одному полиціймейстеру платили въ годъ по 500 рублей. Тѣмъ не менѣе Тамбовскій полицейскій институтъ въ 1804 году былъ до того неудовлетворителенъ, что въ полицейской службѣ *по наряду* принимали участіе даже мѣщане и однодворцы, которымъ городскія власти обыкновенно поручали охраненіе колodниковъ.

Городъ Тамбовъ подвергался частымъ и опустошительнымъ пожарамъ. Убогія Тамбовскія жилища горѣли отъ поджоговъ, издавна излюбленныхъ разными отверженцами нашей всенародной жизни, горѣли они отъ нашей неосторожности и было великое пожарное раздолье велѣдствіе скученности и воспламенимости построекъ и почти совершеннаго отсутствія огнегасительныхъ снарядовъ. Въ 1804 году, по обыкновенію, значительная часть города Тамбова выгорѣла. На это обратилъ вниманіе самъ императоръ Александръ 1-й и пожертвовалъ въ пользу погорѣльцевъ 1440 рублей въ даръ

*) Въ описываемое нами время всѣхъ жителей въ Тамбовской губ. было 1,041,983 челоѣкъ. Отъ оныхъ яровыхъ посяговъ получено четвертей 8,742,609. Городской расходъ города Тамбова равнялся 10,000 рублей. Домовладѣльцы 1-го класса платили въ городскую казну съ сажени по 4 коп., 2-го—по 1 коп., 3-го—по двѣ четверти коп. Съ лавокъ 1-го класса брали по 25 коп., 2-го—по 15 коп., 3-го—по 10

и 13,355 рублей въ ссуду безъ процентовъ. Тогда городское управленіе приняло мѣры къ обезпеченію города отъ пожаровъ. Съ этою цѣлю сдѣланы были и теперь существующіе спуски къ рѣкѣ Цнѣ, противъ женскаго монастыря для регулированія рѣки Студенца устроена была мельница, и въ то же время позаботились о мѣстной пожарной командѣ, которая до того времени была по истинѣ въ ужасномъ положеніи. При трехъ Тамбовскихъ стѣзжихъ избахъ подрядчики держали по 4 лошади для возки пожарнаго инструмента, т. е. бочекъ, бигровъ, щитовъ и маленькой ручной трубы. Этотъ пожарный инструментъ былъ въ полномъ разстройствѣ. «Пожарныя сани,—доносили одинъ частный приставъ своему начальству,—у насъ сломаны, щиты съ войлоками пришли въ ветхость, крышки у бочекъ требуютъ починки, телѣжныхъ колесъ подмазывать нечѣмъ»...

Вѣроятно, городъ слишкомъ мало сдѣлалъ для улучшенія пожарнаго инструмента, потому что и послѣ 1804 года у насъ нерѣдко выгорали цѣлыя улицы и сотни семействъ подолгу оставались безъ всякаго крова. Особенно памятенъ въ этомъ отношеніи 1815-й годъ, когда губернаторъ А. М. Безобразовъ принужденъ былъ объявить Тамбовъ на военномъ положеніи. Кругомъ Тамбова день и ночь стояли тогда солдатскіе караулы, пути сообщенія были прерваны; производились многочисленныя аресты и допросы поджигателей... То было время поголовной паники и особенно было жутко тогда воспитанникамъ военно-сиротскаго училища, которыхъ городскіе обыватели не безъ основанія обвиняли въ поджогахъ. Тогда же попалъ подъ судъ мѣстный Катилина, совѣтникъ казенной палаты Гороховскій*). Гороховскій, знаменитый взяточникъ и хищникъ своего времени, составилъ смѣлый планъ, къ осуществленію котораго привлекъ массу бѣдной учащейся молодежи. Цѣль его заключалась въ поджогѣ города и грабежѣ... Странно это, конечно, но не вѣроятно, потому что лѣтописи русской исторіи представляютъ намъ не мало такихъ ужасныхъ типовъ, которые всю цѣль жизни своей поставляли въ одной наживѣ, преслѣдуя ее всѣми средствами. Видѣли эти темные отщепенцы русскаго народа

*) Древняя и Новая Россія, Февраль 1878 г.

истиннаго Бога въ одномъ *золотомъ тельцѣ* и ему одному всячески служили...

Между прочимъ Тамбовское городское управленіе озачено было въ 1804 году исправленіемъ городскихъ путей сообщенія. Долгія и поперечныя улицы весною и осенью были тогда положительно непроѣзжны. На одной изъ нихъ чуть не затонулъ архіерей Теофилъ. Тогда начали дѣлать на этихъ улицахъ гати, но всѣ они болѣе или менѣе скоро потонули въ Тамбовской вязкой тинѣ. Въ особенности грязно было въ слободахъ, которыя въ 30-хъ годахъ были выселены изъ Тамбова и составили въ настоящее время такъ называемыя выселки.

Однимъ былъ хорошъ Тамбовъ въ 1804 году, именно, дешезивною съѣстныхъ припасовъ. Лучшая говядина стоила тогда 3½ копѣйки фунтъ, четверть лучшей ржи—2 рубля 75 копѣекъ, четверть гречихи—2 рубля, фунтъ печенаго хлѣба—копѣйка, фунтъ осетрины—13 копѣекъ, фунтъ паюсной икры—25 коп., фунтъ зернистой икры—15 коп. и фунтъ меду тоже 15 копѣекъ. О дровахъ, приводящихъ въ отчаяніе современныхъ Тамбовскихъ обывателей, и говорить нечего: базарный возъ хорошихъ дровъ стоилъ тогда только 5 коп.

Съ половины втораго дѣсятилѣтія XIX вѣка въ Тамбовѣ начинаются нѣкоторыя культурныя усовершенствованія. Въ 1815 году помѣщикъ Масловъ положилъ начало Тамбовскому городскому театру. Труппа была набрана пріѣзжимъ актеромъ Бобровскимъ изъ мѣстныхъ жителей и, конечно, была весьма невысокаго достоинства. Самое помѣщеніе для спектаклей было весьма неудобно и некрасиво; оно состояло изъ деревяннаго балагана, выстроеннаго на площади противъ присутственныхъ мѣстъ. Цѣны на мѣста назначены были отъ 4-хъ рублей до 1 рубля. Тѣмъ не менѣе губернская публика отнеслась къ этому нововведенію съ сочувствіемъ. Мѣстное начальство распорядилось было отнять для театральныхъ представленій двѣ просторныя залы въ главномъ народномъ училищѣ, но, къ счастью, за интересы учебнаго дѣла вступился Петербургскій генералъ-губернаторъ Вязмитиновъ, который напелъ неприличнымъ жертвовать школою для театра*).

*) Вотъ какія пьесы играли были на Тамбовской сценѣ до 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія: Лица или торжество благодарности, Россы въ Италіи, мена-

Съ мая 1818 года въ Тамбовѣ начали производиться значительныя гидротехническія работы на сумму около 150,000 рублей. Въ это время исправленъ большой старинный каналъ, проходящій посреди города и въ настоящее время. Инженерныя работы произведены были подполковникомъ Янишемъ и поручикомъ Сомовымъ. Рабочіе были вызваны изъ Лебедянскаго уѣзда и изъ Витебской губерніи. Къ несчастію, работа шла весьма медленно и неискусно. Строители получали награды и наживались, а каналъ такъ и не получилъ свѣжей и чистой воды *до сего дни*. Только въ теченіе двухъ лѣтъ до 1824 года городъ Тамбовъ имѣлъ у себя бассейнъ чистой воды, въ 60 сажень ширины и 8 сажень глубины.

Въ 1822 году нашъ городъ начали мостить. При этомъ воспользовались прежде всего бутовымъ камнемъ, заготовленнымъ еще по распоряженію Г. Р. Державина. Въ виду дороговизны камня открыта была подписка по всей губерніи для сбора денегъ на устройство Тамбовской мостовой. Собрано было 140 тысячъ рублей, но все эти деньги, можно сказать, потонули въ Тамбовской грязи, потому что и послѣ 1822 года только двѣ улицы въ Тамбовѣ были удобны для конныхъ и пѣшихъ.

Нѣсколько ранѣе описываемаго нами времени обращено было вниманіе на общественную гигиѣну. Виновникомъ этого былъ врачъ Риккеръ. Риккеръ имѣлъ въ Тамбовѣ продолжительную и обширную медицинскую практику. Тѣмъ не менѣе онъ умеръ бѣднякомъ, потому что большинство его паціентовъ пользовались его услугами даромъ. Житейскіе практики, по обычаю, смѣшивали его безкорытіе съ умственною ограниченностью, а богатые купцы-бакалейщики положительно ненавидѣли его за стремленіе имѣть судебномедицинскій надзоръ за ихъ комерціею. Риккеръ былъ одинокъ въ своей борьбѣ съ темнымъ хищеніемъ и потому, понятно, въ честныхъ предпріятіяхъ своихъ имѣлъ слабый успѣхъ. Въ 1805 году онъ обратился къ Тамбовскому губернатору Кошелеву съ слѣдующею докладною запискою: „въ продол-

нись къ людямъ и раскаяніе, Сынъ любви, Казаки въ Швейцаріи (драма). Комедіи: мужья-женки своихъ женъ, ссора или два сосѣда, Донъ-Иванъ. Оперы: Медвѣдь на постолѣ, Жидъ въ бочкѣ, Правдивый лежецъ. Не обходилось и безъ трагедій. Давали Поликсену, Фивага, Ксеною и Темпра, Сорену и Замира.

женіе моей практики я замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ больныхъ отъ продающихся въ погребѣхъ по Тамбову виноградныхъ винъ дѣлаются спазматическія колики. Изъ сего я заключаю, что оныя вина для удобренія въ одномъ только цвѣтѣ и крѣпости подмѣшиваются какими нибудь вредными и ядовитыми составами, какъ точно и случилось въ городѣ Шацкѣ. Тамошнія вина, по освидѣтельствованіи во врачебной управѣ, оказались подмѣшанными вредными составами: сулемою, цилибухой, крѣпкой водкой, купороснымъ и янтарнымъ масломъ. Посему не соблаговолено ли будетъ приказать полиціи обще съ медицинскими чинами отправиться въ погребѣ и трактиры города Тамбова для освидѣльствованія оныхъ съ наблюденіемъ медицинскихъ правилъ“.

Съ этою докладною запискою Риккерьъ обратился къ губернатору лично и уговорилъ его назначить слѣдственную комиссію. Но дѣло пошло слишкомъ формально. 15 февраля 1805 года врачебный инспекторъ Отто Гиршъ съ маіоромъ Клементьевымъ свидѣтельствовали Тамбовскіе погребѣ и трактиры, при чемъ какимъ-то образомъ *все вина оказались хорошими*. „А спазматическія колики,—докладывала кому слѣдуетъ врачебно-полицейская комиссія,—быть можетъ происходить отъ излишняго употребленія тѣхъ виноградныхъ винъ или по несходству въ сложеніи тѣла для употребленія оныхъ“.

Послѣ этой неудачи Риккерьъ всетаки не оставилъ честной и полезной своей дѣятельности. Онъ первый потревожилъ Тамбовскую уличную грязь и настоялъ на томъ, чтобы осенью и весною вывозили навозъ, соръ и падалъ за городъ *въ предупрежденіе смрада и болѣзней*.

Темныя стороны Тамбовской жизни прошлаго вѣка, между прочимъ, объясняются весьма неудовлетворительнымъ составомъ губернской администраціи, тогда всесильной. Припожу нѣсколько примѣровъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II-й правителемъ Тамбовскаго намѣстничества былъ нѣкто С. Н. Неклюдовъ. Это былъ человѣкъ крайне податливый на взятку и при томъ замѣчательный самодуръ. Вотъ что писалъ о немъ въ прошеніи на высочайшее имя Козловскій купецъ Мосилинъ:

„Тамбовскіе стряпчіе Хвоцинскій и Каверинъ разорили и арестовали меня, но они на сіе не осмѣлились бы, если бы правитель памѣтничества Неклюдовъ для жаднаго своего корыстолюбія не избралъ ихъ самыми лучшими насосами, глотающими въ его пользу кровавый трудъ, и отъ сего нашего разоренія стенають все тамбовскіе крестьяне, а я вздыхаю о погибшемъ капиталѣ. И какъ узналъ правитель о моихъ жалобахъ, то пріѣхалъ въ Козловъ и посадилъ меня въ тюрьму и велѣлъ выключить изъ купечества для отдачи въ солдаты, или же для отсылки на поселеніе“.

Жалобы купца Меселина впоследствии подтвердились и другими просителями и Неклюдовъ былъ отставленъ отъ службы съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицы. Главныя обвиненія противъ него заключались въ томъ, что онъ бралъ большія взятки во время рекрутскихъ наборовъ, изъ своекорыстія освобождалъ отъ суда и слѣдствія разбойниковъ и смертоубійць, не выдавалъ губернскимъ и уѣзднымъ воинскимъ командамъ ремонтныхъ денегъ, противозаконно торговалъ виномъ, изъ барышей открывалъ трактиры и *за недачу взятковъ* наказывалъ просителей кнутомъ.*)

Вторымъ лицомъ въ Тамбовской губерніи въ описываемое нами время былъ комендантъ полковникъ Булдаковъ, память о которомъ, какъ о легендарномъ героѣ, еще доселѣ живо сохраняется среди мѣстнаго народонаселенія. „Комендантъ Булдаковъ,—разсказываютъ Тамбовскіе старики,—былъ не простой человекъ, а чародѣй и умѣлъ *живою водою* воскрешать мертвыхъ. Онъ леталъ на коврѣ—самолетѣ и однажды, по его велѣнію, противъ его дома въ одну ночь выросъ цѣлый островъ на рѣкѣ Цнѣ и кто осмѣливался подплывать къ тому острову, тотъ уже не возвращался домой, а неизбежно тонулъ. Умеръ старый комендантъ необыкновеннымъ образомъ. Желая показать силу своей живой воды, онъ приказалъ своему лакею изрубить себя и потомъ вспрыснуть живою водою. Первое приказаніе немедленно было исполнено, а отъ исполненія втораго приказанія лакей воздержался и тайно похоронилъ своего господина на берегу рѣки Цны, гдѣ и теперь еще лежитъ огромный камень“.

*) Арх. Тамб. Губернскаго Правленія № 2564.

Та мѣстность, на которой жилъ Булдаковъ, до настоящаго времени называется *комендантомъ* и суеверные Тамбовскіе обыватели, напуганные разказами своихъ дѣдовъ о грозномъ когда-то начальникѣ г. Тамбова, все еще боятся проходить ночью мимо бывшаго комендантскаго дома, въ которомъ мерещатся имъ разные страхи: то жалобный плачь и стоны, то грозные окрики, то привидѣнія самаго стараго коменданта. Таковъ былъ Булдаковъ по мѣстному легендарному сказанію. Вотъ какимъ онъ представляется по свидѣтельству официальныхъ архивныхъ актовъ.

Въ 1796 году Булдаковъ былъ уже дряхль и потому Тамбовская полиція была въ полномъ разстройствѣ. *Отъ сего, жаловались обыватели, — вмѣсто соблюденія порядка отъ самыхъ блюстителей онаго происходитъ неустройство, безчиніе и дерзость.*

Въ это время почтенный градоначальникъ исключительно занялся матеріальнымъ обезпеченіемъ своего семейства. Съ этою цѣлію онъ отдавалъ казенныя деньги въ ростъ подъ росписки и векселя и такъ усовершенствовался въ этомъ родѣ дѣятельности, что однихъ солдатскихъ ремонтныхъ денегъ въ 1795 году роздано имъ было 11,000 рублей. Между прочимъ Булдакову поручено было охраненіе казеннаго имущества въ бывшемъ Тамбовскомъ генераль-губернаторскомъ домѣ и почти все оно пропало безслѣдно. Императорскій тронъ оказался впоследствии *на погребницѣ*. Тарелки и вся домашняя утварь *были разбиты мышию*. Про генераль-губернаторскіе ковры Булдаковъ отзывался такъ, что *они избиты и изорваны отъ долговременнаго лежанія*. Стулья и столы всё объявлены были *переломанными*. Между тѣмъ всё эти вещи всякій могъ видѣть въ домахъ самого Булдакова, губернатора Лаптева, губернскаго прокурора Замятина и въ *редутномъ домѣ*...

Въ ранніе годы своего служебнаго поприща полковникъ Булдаковъ отличался въ Тамбовѣ примѣрною распорядительностію и, къ несчастію, жестокостію. Еще и теперь Тамбовскіе старожилы разказываютъ о тѣхъ пыточныхъ инструментахъ, разныхъ кольяхъ и кобылахъ, бытогахъ и нагайкахъ, которыми суровый комендантъ неудержимо и невозбранно

смирить правыхъ и виновныхъ... Именно этимъ обстоятельствомъ и объясняется та продолжительная популярность, которую доселѣ пользуется въ Тамбовѣ имя этого бывшаго градоначальника.

По прихѣру губернатора Неклюдова и коменданта Вулдакова и всѣ остальные губернскія власти поступали болѣе или менѣе безшабашно. Рассказывать объ ихъ позорныхъ дѣяніяхъ, отчасти сохранившихся въ мѣстныхъ архивныхъ документахъ, мы не имѣемъ никакого желанія, потому, что это *всроссійская исторія*. Замѣтимъ только, что всѣ злоупотребленія Тамбовской администраціи совершались людьми весьма заурядными, необразованными и даже малограмотными. И все это нисколько не мѣшало ихъ олимпійско-бюрократическому величію.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ средѣ Тамбовской администраціи мы можемъ указать только на одну образованную, симпатичную и почтенную личность, именно на перваго директора Тамбовскихъ училищъ А. А. Жохова. Всецѣло преданный дѣлу народнаго просвѣщенія, директоръ Жоховъ между прочимъ горячо стоялъ за интересы своихъ сослуживцевъ--учителей и этимъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы другихъ начальниковъ частей, которые преслѣдовали всегда только свои личныя выгоды, а подчиненныхъ всякими неправдами старались держать *въ черномъ тѣлѣ*. Къ сожалѣнію, А. А. Жоховъ не долго стоялъ во главѣ училищъ Тамбовскаго намѣстничества. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія мы встрѣчаемъ его уже въ должности совѣтника мѣстной уголовной палаты.

Въ грозную эпоху отечественной войны Тамбовская губернія была виѣ района военныхъ дѣйствій. Однако состояніе ея было весьма тревожное. Между обывателями Тамбовскихъ городовъ и селъ шли преувеличенные разговоры о чрезвычайныхъ непріятельскихъ успѣхахъ. По большимъ проселочнымъ дорогамъ ѣхали многочисленные Московскіе бѣглецы, направляясь на Пензу и Саратовъ. Начальство спѣшно и усиленно собирало ратниковъ, коней и воловъ. Губернская администрація, напуганная слухами о Французскихъ и Польскихъ шпионахъ, изъ которыхъ нѣкоторые (графъ Плятеръ)

дѣйствительно проникли и въ нашу глушь, распечатывала на почтѣ подозрительныя частныя письма, ловила на улицахъ и площадяхъ неосторожныхъ собесѣдниковъ, учреждала чрезвычайныя военныя и полицейскіе караулы и въ то же время была крайне смущена и въ сущности не знала, что дѣлать. Нѣкоторыя письма, обнаруженныя перлюстраціей, особенно тревожили городъ Тамбовъ таинственнымъ своимъ содержаніемъ. Таковы были письма, адресованныя надворному совѣтнику Рубцу полякомъ Дробышевскимъ. «Граль Могилевъ, писалъ Дробышевскій, — засыпалъ и дальніе около него города, а нашего дождя не слышно. Надивиться тому не можно, что все сіе значить. Слышно, что ничего дурнаго не дѣлаетъ, но много и много есть слуховъ дурныхъ.» Въ другомъ письмѣ тотъ же авторъ писалъ: «извѣстная туча разсыпала свои дожди уже около Борисова. Донь въ день идутъ обыватели чрезъ Оршу до Смоленска. Мы еще ничего опаснаго не слышимъ. А жена моя не пишетъ отъ того, дабы въ этомъ мѣстѣ не было ничего русскаго.» Тогда за Рубцомъ стали наблюдать и противъ него оказались новыя улики. Однажды Рубецъ говорилъ въ своемъ дождѣ предъ многочисленнымъ обществомъ: «Французы Вильну взяли и народъ встрѣчаль Наполеона съ колѣнопреклоненіемъ и тотъ полководецъ Французскій обѣщаль всемъ русскимъ крестьянамъ вольность». Рубецъ, повидимому, былъ весьма дѣятельнымъ польскимъ агентомъ и велъ съ своими корреспондентами оживленную и нѣкоторымъ образомъ шифрованную переписку на польскомъ языкѣ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ письма, полученнаго имъ отъ сестры изъ Стародуба: «читаю твои письма очоно внятно, а моихъ писемъ ты не понимаешь»^{*)}).

Тревога въ Тамбовской губерніи по поводу событій отечественной войны увеличилась еще болѣе потому, что мѣстныя власти долго ничего не знали объ участи русской арміи. Къ этому присоединились замѣшательства въ сосѣдней Пензенской губерніи. Такъ, въ Инзарѣ собраны были Пензенскіе ополченцы въ количествѣ 2400 человекъ, которыхъ почему-то долго не приводили къ присягѣ, тогда они сами потребовали присяжной церемоніи. Это принято было за бунтъ.

^{*)} Арх. Губер. Правленія № 77.

Начались обычные экзекуціи... Инзарское движеніе было настолько серьезно, что въ Пензенскую губернію вступилъ генераль-лейтенантъ Толстой и оружіемъ усмирилъ волненіе. Велѣдъ за тѣмъ Пензенскіе ополченцы двинуты были на Ромны чрезъ Тамбовъ. Здѣсь они присягали и успокоенныя двинулись далѣе.

Между тѣмъ Тамбовское народонаселеніе дѣятельно готовилось къ борьбѣ противъ Наполеона. Во всѣхъ мѣстныхъ городахъ, селахъ, и деревняхъ сформированы были дневные и ночные караулы и конные разъѣзды. «Хитрость разбойниковъ,—писалъ въ одномъ изъ своихъ бюллетеней губернаторъ Ниловъ,—не позволяетъ предаваться дремотѣ и безпечности. Пока не будетъ истребленъ врагъ человѣчества и его злодѣйскія полчища, надлежитъ всемірно остерегаться. Надобно непремѣнно во всѣхъ селеніяхъ усилить караулы для поисковъ, не скрываются ли разбойники гдѣ либо въ лѣсахъ или оврагахъ и ловить ихъ, а въ случаѣ сопротивленія бить, какъ непріятелей». Военственный духъ Тамбовскихъ земскихъ стражниковъ поддерживался печатными объявленіями относительно партизанскихъ подвиговъ, разившихся въ районѣ расположенія непріятельскихъ армій.

Впрочемъ, Тамбовскимъ стражникамъ не пришлось дѣйствовать противъ непріятеля оружіемъ. Тамбовская губернія выразила свое участіе въ трудахъ и подвигахъ отечественной войны сформированіемъ на свои средства мѣстнаго ополченія и Тамбовскаго пѣхотнаго полка. Кромѣ того Тамбовскіе обыватели доставили въ дѣйствующую армію массу всякаго провіанта. По всѣмъ городамъ и селамъ открыта была подписка для сбора денежныхъ и вещественныхъ приношеній, при чемъ нѣкоторые Тамбовскіе граждане, напримѣръ, генераль Н. П. Архаровъ, жертвовали тысячами. Въ городѣ Елатмѣ устроены были обширные военные лазареты. По этому поводу губернаторъ Ниловъ обратился ко всѣмъ Тамбовскимъ дамамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «къ вамъ и обращаюсь, почтенныя Россійскія боярыни, съ просьбою приготовить кто сколько можетъ бинтовъ и корпій. Ваше хозяйство ничего не потерпитъ, если вы нѣсколько часовъ удѣлите на заготовленіе испрашиваемыхъ мною потребно-

стей, которыя зависятъ отъ вашей чувствительности. Помѣщицы Тамбовскихъ округъ! Вамъ особенно предоставлена честь успокоить русскихъ воиновъ и слезою умиленія облегчить ихъ боль, отъ нанесенныхъ злодѣями ранъ терпимую.»

Между тѣмъ событія отечественной войны шли своимъ путемъ. Начались неслыханныя бѣдствія великой арміи. Совершился Березинскій погромъ и театръ громадной войны, по волѣ императора Александра I-го, перенесенъ былъ на равнины Германіи и Франціи. Быстро передъ всѣмъ свѣтомъ промелькнули факты первостепенной важности: отреченіе Наполеона отъ престола, заточеніе его на Эльбѣ, сто дней, Ватерлоо... Вся Россія ликовала и всѣ жертвы ея пошли въ прокъ, въ особенности широко воспользовалась русскою кровію и русскою доблестію западная Европа... 24 іюня 1815 года въ Тамбовѣ было торжественное молебствіе по случаю побѣды, одержанныхъ *надъ всообщимъ врагомъ*. Священнодѣйствовалъ епископъ Іона. Въ тотъ же день была открыта подписка между дворянствомъ и купечествомъ на патятникъ въ честь Александра I-го. Подписка эта не состоялась. За то Тамбовская губернія вмѣстѣ съ другими устроила своему побѣдоносному императору торжественную встрѣчу въ С.-Петербургѣ.*) Во главѣ Тамбовскихъ депутацій находились слѣдующія лица: губернскій предводитель Озобишинъ, тайный совѣтникъ Лаптовъ, генераль маіоръ Адамовичъ и дворяне: Сабуровъ и Новосильцевъ.

Въ это время во главѣ Тамбовской губерніи находился недавно прибывшій (4 марта 1815 года) къ своему посту губернаторъ А. М. Везобразовъ. Съ его прибытіемъ во всѣхъ уѣздахъ губерніи начались новые, лучшіе порядки. Весь край разомъ почувствовалъ, что губернаторская власть находилась въ сильныхъ, умѣлыхъ и честныхъ рукахъ. Административная энергія А. М. Везобразова въ особенности обнаружилась по слѣдующему поводу. Въ маѣ 1815 года Тамбовъ былъ опустошаемъ сильными пожарами. Въ одинъ мѣсяць было 30 пожарныхъ случаевъ. Въ городѣ начали ходить не безосновательные слухи о поджогахъ и жители стали выбираться со всѣмъ имуществомъ на выгонъ и въ каменные лавки гостини-

*) Тамб. Губер. Вѣд. 1882 года, № 42.

наго двора. Тревога распространилась по всей губерніи. Губернаторъ Безобразовъ, бывшій въ то время въ городѣ Козловѣ, немедленно прибылъ въ Тамбовъ и принялъ самыя рѣшительныя мѣры противъ пожаровъ и поджигателей. Тамбовъ окружили сторожевой военною цѣпью, а между тѣмъ составлена была комиссія для открытія безпачпортныхъ и подозрительныхъ людей. Пока эта комиссія работала, самъ губернаторъ по ночамъ объѣзжалъ сторожевую цѣпь и городскіе кварталы. Въ началѣ іюня пожарная паника въ Тамбовѣ прекратилась. Жители вернулись домой. Всѣ они были увѣрены, что Тамбовъ спасенъ отъ истребленія А. М. Безобразовымъ и на этомъ основаніи поднесли ему благодарственный адресъ съ многочисленными подписями (197 подписей). И Безобразовъ вполнѣ заслуживалъ этой общественной признательности. Въ теченіе трехъ недѣль пожарной паники, онъ почти непрерывно, днемъ и ночью, находился въ хлопотахъ. Спалъ часа по два въ сутки. Результатомъ всего этого было то, что доблестный начальникъ края заболѣлъ: кровь пошла у него горломъ.

Затѣмъ дѣятельность А. М. Безобразова выражалась главнымъ образомъ въ устройствѣ гражданскаго благоустройства губерніи. Такъ, онъ велѣлъ по всѣмъ Тамбовскимъ уѣздамъ привести въ порядокъ дороги, гати, мосты и перевозки. Кроме того онъ самъ былъ безукоризненно честнымъ чиновникомъ и вслѣдствіе этого съ неумолимою строгостію преслѣдовалъ разныя злоупотребленія по службѣ.

Лихоимственные поступки Лебединскаго казначея Яковлева, — писалъ онъ однажды, — касаются болѣе нежели 1110 человекъ, посему я отдаю его подъ судъ уголовной палаты. «Тамбовская казенная палата, не смотря на губернаторскую резолюцію, вздумала защищать казначея Яковлева и перевела его на ту же должность въ Козловъ. Но Безобразовъ настоялъ на своемъ и вовсе удалилъ прворовавшагося чиновника отъ службы.

Преслѣдуя губернскія злоупотребленія, А. М. Безобразовъ имѣлъ въ виду не однихъ мелкихъ чиновниковъ. И богатые помѣщики не ускользали отъ его вниманія. Въ 1817 году Тамбовскій богатъ бригадиръ Пашковъ выкуривъ на

своемъ заводѣ 17,212 ведеръ спирта, неоплаченнаго акцизной пошлиной. Тогда губернаторъ въ интересахъ казны привлекъ его къ суду, не смотря на то, что у Пашкова были обширныя связи въ Петербургѣ, и взыскалъ съ него огромный штрафъ.

Съ энергією дѣйствовалъ Безобразовъ также и противъ скопцовъ, которые обнаружались въ Тамбовской губерніи, въ селахъ Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, еще въ 1775 году. Въ 1816 году въ указанныя нами села командированы были полицейскіе чиновники, бабки и врачи для освидѣтельствованія всѣхъ тамошнихъ жителей.

Губернаторъ А. М. Безобразовъ, несомнѣнно, былъ образованнымъ человѣкомъ. Это видно изъ того, что, по его инициативѣ и подъ его наблюденіемъ, составлено было первое историко-статистическое описаніе Тамбовской губерніи. Это описаніе, одинъ изъ рѣдкихъ экземпляровъ котораго хранится въ настоящее время въ возникающемъ Тамбовскомъ губернскомъ музеѣ, изложено весьма кратко, но въ то же время обстоятельно и толково. Изъ него между прочимъ видно, что въ 1818 году въ Тамбовской губерніи жителей обоего пола было 1,350,800 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время число ихъ значительно превышаетъ 2,300,000 *).

9 января 1819 года Безобразовъ произнесъ во время дворянскихъ выборовъ слѣдующую рѣчь въ мѣстномъ дворянскомъ собраніи: «Чѣмъ, говорилъ онъ, — превознесете вы себя въ глазахъ всѣхъ сословій — согражданъ вашихъ? Чѣмъ совѣсть вашу успокоите, что по истинѣ вы сыны отечества, объ общемъ благѣ пекущіеся? Несомнѣнно тѣмъ, милостивые государи, когда вы сохраните въ памяти своей, что въ сей день предъ престоломъ Спасителя клялись вы, подъ страхомъ отчета въ будущности, быть въ выборѣ достойныхъ мужей безпристрастными, и злобу, вражду, месть, буде оныя гдѣ либо вкрались, истребить и изгнать изъ среды васъ. Избраніемъ представителей почтенныхъ, судей благоразумныхъ, исполнителей высочайшихъ указаній ревностныхъ и дѣятельныхъ, вы откроете путь въ огражденію права слабago отъ

*) Въ 1719 году въ Тамбовскомъ краѣ всѣхъ жителей было только 250,000. А въ 1764 году число Тамбовскихъ жителей увеличилось до 870,000.

сильнаго и къ искорененію гнуснаго лихоиства, толико подавляющаго общее благосостояніе и нерѣдко проникающаго въ самую даже хижину мирнаго поселеннаго*)).

Въ заключеніе нашего краткаго очерка административной дѣятельности А. М. Безобразова мы считаемъ нужнымъ сказать, что городъ Тамбовъ въ его времена былъ всетаки слишкомъ далекъ отъ такъ называемаго городского благоустройства. Это видно изъ слѣдующаго. 30 января 1815 года губернской операторъ Стриневскій такъ доносилъ губернатору о состояніи богоугодныхъ заведеній: «у насъ въ больницѣ нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ, вина, травъ, камфорнаго масла, корпій; бѣлье не мыто съ открытія больницы, т. е. съ прошлаго столѣтія; трудно больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ». Неудивительно послѣ этого, что нѣкоторые больные бѣжали изъ больницы...

Не смотря на донесеніе Стриневского, Тамбовская больница долго не исправлялась. Нѣкоторыя больничныя кровати стояли безъ соломы и трудно больные лежали или на голыхъ доскахъ, или на веревочныхъ переплетахъ.

Въ 1814 году для разслѣдованія разныхъ злоупотребленій прибылъ въ Тамбовъ сенаторъ Львовъ. Вотъ что онъ написалъ губернатору Д. С. Шишкову, предшественнику Безобразова: «въ зданіяхъ приказа общественнаго призрѣнія я не нашелъ даже малѣйшей и необходимой для жизни чистоты. Во внутренности комнатъ до того несносный и смрадный воздухъ, что свѣжому человѣку ни малѣйшаго времени вытерпѣть его невозможно**).

Все эти безпорядки приказа оправдались недостаткомъ денежныхъ средствъ. Но эта неправда. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Тамбовскій приказъ общественнаго призрѣнія ежегодно на наличныя деньги покупалъ болѣе 3000 дюжинъ картъ. Такимъ образомъ оказывается, что въ Тамбовѣ много было денегъ на пустое и разорительное дѣло и не было ихъ вовсе на предметы первой важности. То было время знаменитыхъ Тамбовскихъ картежныхъ оргій... Сытые и празд-

*) Арх. Дворян. собр. № 15-й.

**) Ревизія сенатора Львова и доселѣ памятна въ Тамбовѣ, потому что результатомъ ея было удаленіе отъ мѣстъ губернатора, вице-губернатора и предсѣдателя уголовной палаты.

ные мѣстные обыватели темными ночами проигрывали и выигрывали десятки и сотни тысячъ, проигрывали деревни и семьи крѣпостныхъ. На удовлетвореніе искусственныхъ картежныхъ прихотей шли потовые и кровавые труды крестьянскіе... Такъ дѣло шло до 1830 года. Въ это время край нашъ посѣтила новая бѣда. Изъ Астрахани шла къ намъ первая русская холера.

26 августа названнаго года въ Тамбовѣ получено было слѣдующее официальное письмо отъ Пензенскаго дворянскаго предводителя: «Въ Пензѣ—холера. При самомъ явленіи сей болѣзни приняты все мѣры, городъ раздѣленъ на кварталы, кои поручены смотрѣнію служащихъ чиновниковъ и господъ дворянъ; продажа фруктовъ и овощей воспрещена; кромѣ того на границахъ губерніи и кругомъ губернскаго города устроены заставы для того, чтобы пропускъ производился не иначе, какъ по билетамъ здоровымъ». Послѣ этого чаще и чаще стали доходить до Тамбова тревожные слухи о холерѣ въ сосѣднихъ губерніяхъ. По обыкновенію, народная молва преувеличивала опасность и такимъ образомъ вызывала повсемѣстную панику. Между тѣмъ въ городахъ Тамбовской губерніи учреждались холерные комитеты и противъ грозной азіатской гостыи принималась дѣятельная, хотя и безсильная мѣра. На границахъ всехъ Тамбовскихъ уѣздовъ устроили кордоны подъ начальствомъ особливо избранныхъ дворянъ. Кордоны составляемы были изъ гарнизонныхъ, инвалидныхъ и отставныхъ солдатъ и изъ конныхъ крестьянъ, которые перемежались чрезъ каждые 5 двой. При въѣздахъ и выѣздахъ во всехъ селахъ поставлены были *мирскіе* караулы. Такими строго охранительными мѣрами думали не пустить холеры въ предѣлы Тамбовской губерніи. Съ тою же цѣлію все тюки и пакеты, получавшіеся на пограничныхъ почтовыхъ станціяхъ губерніи, окуривались хлоровымъ газомъ, а проѣзжіе подвергались двухъ-недѣльному карантину, при чемъ cadaго изъ нихъ ежедневно обмывали растворомъ хлора. Сверхъ того, кругомъ селъ и деревень жгли навозъ.

14 сентября 1830 года кругомъ Тамбова былъ крестный ходъ, на который, по распоряженію епископа Евгенія, жите-

ли явились послѣ предварительнаго поста, о чемъ временно разосланы были полицейскія объявленія. Однако, холера взяла свое. Первый холерный случай въ Тамбовской губерніи былъ 1-го сентября. Въ селѣ Каравай-Пушинѣ, Кирсановскаго уѣзда, умерла *невдомомо смертію* 60-ти лѣтняя старуха Ирина Иванова. Послѣ обѣда вдругъ почувствовала она сильную головную боль, при чемъ обнаружались въ рукахъ и ногахъ, сильныя судороги; пальцы у заболѣвшей окостенѣли до того, что ихъ съ величайшимъ трудомъ можно было развести, когда рука сжималась въ кулакъ. Ирина Иванова умерла 3 сентября. 4 сентября эпидемія началась въ селѣ Алабухахъ, Борисоглѣбскаго уѣзда. Въ 4 дня умерло 6 женщинъ и 3 мужчинъ. Село оцѣнили, а въ Борисоглѣбскій уѣздъ отправили совѣтника губернскаго правленія Попова и врача Грамбаума для принятія мѣръ противъ холеры. Въ началѣ ноября холера обнаружилась наконецъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ. 14 ноября стали появляться случаи эпидемическаго заболѣванія въ селѣ Никольскомъ. Но крестьяне ни за что не соглашались на то, что въ ихъ селѣ—эпидемія. „Все это выдумки господь, да лѣкарей“, — говорили они. А отъ словъ перешли къ дѣлу. Выпустили изъ больницы всѣхъ больныхъ, сняли оцѣпленіе, врача Гоффа приковали къ трупу умершаго отъ холеры и такимъ образомъ произвели такъ называемый бунтъ, для подавленія котораго отправился въ село Никольское самъ губернаторъ И. С. Мироновъ съ военною командою.

Замѣчательно, что иногда въ крестьянскихъ движеніяхъ по поводу холеры принимали участіе духовныя лица. Напримеръ. Въ селѣ Озеркахъ, Козловскаго уѣзда, уже стали было принимать извѣстныя мѣры противъ холеры и устроили холерныя больницы. Тогда священники Захаровъ и Фроловъ объявили своимъ прихожанамъ: „если вы не уничтожите больницъ, то мы васъ отлучимъ отъ геркви“. Чтобы усилить впечатлѣніе этихъ грозныхъ словъ, пастыри села Озерокъ перестали ходить въ приходъ*). Конечно, послѣ этого крестьяне совершенно убѣдились въ томъ, что никакой холеры нѣтъ и не было въ ихъ мѣстности.

15 ноября холера обнаружилась въ самомъ Тамбовѣ. Заболѣли: жена титулярнаго совѣтника Митянина, крестьянка

*) Арх. дух. вѣст. № 1458-й.

Власова, губернская секретарша Евсигѣева и вольно-отпущенный Дмитрій Ивановъ. Немедленно оцѣпили дома заболѣвшихъ, но холера нашла себѣ дорогу и стала собирать жатву по всему городу. Тогда Тамбовскій холерный комитетъ обнаружилъ чрезвычайную и крайне непрактичную энергію. Всѣхъ больныхъ, и пьяныхъ въ томъ числѣ, стали забирать въ холерную больницу, гдѣ всѣхъ пациентовъ сажали въ горячія ванны и открывали имъ кровь. Эти операціи производились нетрезвыми фельдшерами и цирюльниками, слѣдовательно процентъ смертности въ Тамбовской холерной больницѣ былъ ужасающій. Понятно, какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на Тамбовское населеніе. Всѣ прятались въ своихъ домахъ и въ дѣйствіяхъ губернской администраціи видѣли одно *злумышленіе*... Между тѣмъ власти упорно стояли на своемъ. Съ утра до глубокой ночи по Тамбову разѣзжали крытыя *холерныя* повозки и всюду забирали больныхъ. При этомъ случалось, что въ больницу попадали пьяные, которыхъ въ торопяхъ принимали за больныхъ холерою. Очнувшись отъ хмѣля, они въ ужасѣ ломились изъ больницы вонъ, разбивали окна, выскакивали на волю и пугали народъ рассказами о больничныхъ порядкахъ. Въ это время появились нелѣпные слухи о томъ, что лѣкаря и начальство морятъ народъ... Среди Тамбовскаго простонародья поднимался ропотъ. Тамбовскій мѣщанинъ Данила Ильинъ собирался идти отъ общества къ самому государю и жаловаться на начальство *).

17 ноября 1830 года толпа собралась предъ городскою думою и грозно требовала отъ мѣстныхъ властей признанія, что никакой холеры нѣтъ. Нѣкоторые мѣщане и одиодворцы отдѣлились отъ шумѣваго общества и пошли къ колокольнямъ, чтобы ударить въ набатъ. Къ счастью, всѣ колокольни оказались запертыми, а веревки къ сингальнымъ колоколамъ—перерѣзанными. Разумѣется, всѣ увѣщанія губернскаго начальства были бесполезны при этомъ. Три дня бушевало Тамбовское мѣщанство, не признавая властей; оно уничтожило холерную больницу, подвергло личнымъ

*) Променіе, составленное на высочайшее имя Тамбовскими кунцами и мѣщанами, имѣло 153 подписи.

оскорбленіямъ почтеннаго старца И. С. Миронова и сняло всё городскіе караулы. Вслѣдствіе прибытія изъ города Липецка конно-піонернаго экадрона и другихъ войскъ Тамбовскій *холерный бунтъ* кончился 20 ноября. А 1-го сентября 1831-го года была эзкокуція надъ болѣе виновными Тамбовскими гражданами *). Всѣхъ зачинщиковъ бунта считали 31 человекъ, а примеченныхъ къ суду было 176 человекъ.

Заключая нашу рѣчь о первой Тамбовской холерѣ, мы не можемъ не помянуть добрымъ словомъ Тамбовскихъ общественныхъ дѣятелей памятнаго холернаго года. Во главѣ ихъ мы ставимъ врачей: Кашинскаго, Барицкаго, Герасимова и Венецкаго. Кромѣ того мы отмѣчаемъ здѣсь слѣдующій замѣчательный фактъ, свидѣтельствующій о всеобщей паникѣ: во время холернаго 1830 года во всей Тамбовской губерніи значительно увеличилось количество сумашедшихъ...

Тяжелый 1830 годъ въ особенности памятенъ Тамбовскому духовенству. Среди нашихъ церковныхъ причтовъ всегда было слишкомъ много бѣдности, гораздо больше, чѣмъ сколько могли вмѣстить неприхотливые наши пастыри. Общественное ихъ положеніе тоже было далеко не блистательное. Всякій самый праздный и порочный человекъ считалъ себя въ правѣ свысока отнестись къ священнику и поглумиться надъ ними, въ особенности недѣ его сребролюбіемъ, хотя многіе критики всю жизнь свою спеціально занимались безпредѣльнымъ хищеніемъ. Къ этому бѣдствію присоединялись еще нерѣдкіе *разборы*, вслѣдствіе которыхъ масса церковниковъ и штрафныхъ церковно-служителей переходила въ сословіе однодворцевъ, мѣщанъ, крестьянъ и въ солдаты. Самый тяжкій для мѣстнаго духовенства *разборъ* совершился въ 1830 году при энергическомъ содѣйствіи Тамбовскаго епископа Евгенія.

Епископъ Евгеній былъ человекъ строгій и потому знархіальныя безпорядки вызывали въ немъ крайнее негодованіе. Именно это негодованіе и опредѣлило потомъ весь характеръ суровой дѣятельности епископа Евгенія по отношенію къ Тамбовскому духовенству. Когда грозный архипастыръ ѣздилъ по

*) „Русская старина“ 1875 года, декабрская книжка.

эпархіи, то это было истинною бѣдою для всѣхъ Тамбовскихъ причтовъ, потому что всѣ виновные неизбежно подвергались наказаніямъ. А наказанія были тогда жестокиа. Священниковъ наказывали при консисторіи рогатками и колотками, розгами и батогами. Если на кого надѣвали рогатку, то тому нользя было лечь, если же кого сажали въ колодку, то это было еще хуже, потому что у такого арестанта шея обхватывалась широкимъ желѣзнымъ кольцомъ. Въ случаяхъ особенной виновности духовныхъ лицъ, епископъ Квгеній неумолимо подвергалъ ихъ лишенію сана, при чемъ такъ называемое разстриженіе производилось съ церемонією. Приговореннаго къ лишенію сана монахи приводили въ церковь и тамъ въ послѣдній разъ облачали. Облаченный священнослужитель входилъ въ алтарь, прикладывался къ престолу и дѣлалъ предъ нимъ три поклона. По выходѣ изъ алтаря тоже самое дѣлалъ онъ предъ царскими дверями, а среди церкви молился на всѣ четыре стороны. Послѣ этого прощанія со святыней, монахи вели его въ консисторію, гдѣ одинъ изъ протоіереевъ читалъ ему синодскую конфирмацію, а потомъ консисторскій сторожъ ножницами стригъ *несчастному разстричь* волосы на головѣ и бородѣ. Въ заключеніе подсудимаго приводили въ консисторскую канцелярію и брали съ него подписку въ томъ, что онъ не будетъ именоваться священникомъ или дьякономъ. Надобно замѣтить, что эта церемонія, совершавшаяся въ присутствіи народа, производила всегда на ея виновниковъ самое тяжелое впечатлѣніе. Одинъ изъ Тамбовскихъ священниковъ, приговоренный къ разстриженію, даже повѣсилъ въ консисторскомъ карцерѣ въ ожиданіи позорной церемоніи.

Суровому архіерею Евгенію весьма естественно приходила мысль, какъ бы очистить Тамбовское духовенство отъ лишннихъ и порочныхъ его членовъ. Въ это время припелъ къ нему синодскій указъ, разрѣшавшій ему отдавать въ солдаты исключенныхъ семинаристовъ и штрафныхъ церковниковъ. Этотъ указъ рѣшилъ сразу судьбу Тамбовскаго духовенства. Съ безпримѣрною строгостію Квгеній началъ ставить *подъ красную шапку* семинаристовъ, дѣлчковъ, пономарей, послушниковъ, звонарей, семинарскихъ и консистор-

скихъ сторожей, консисторскихъ канцеляристовъ, даже священниковъ и дьяконовъ, лишенныхъ сана. Всѣхъ новобранцевъ съ Тамбовской епархіи поступило на службу 476 человекъ. При спѣшномъ *разборѣ* угодили въ солдаты и совершенно невинные люди, которые весь вѣкъ свой плакались на свою горькую судьбу и на безсердечнаго владыку...

7 апрѣля 1831 года привели въ Тамбовское губернское правленіе для отдачи въ солдаты нѣсколько старшихъ учениковъ семинаріи. Все это были хорошіе ученики и люди весьма способные, особенно ученикъ Ареопагитскій, которому мѣстное преданіе приписываетъ сочиненіе пѣсни, обращенной имъ къ его товарищамъ по несчастію. Пѣсня эта, которую и доселѣ поютъ Тамбовскіе семинаристы, начинается такъ:

- «Не страшитесь. друзья,
- «Что судьба къ намъ груба,
- «Вудьте тверды такъ, какъ я,
- «Противъ стрѣлы роковой»...

Нѣкоторые Тамбовскіе семинаристы состояли уже на службѣ копистами или канцелиристами. Но и это не спасло ихъ отъ красной шапки.

Между прочимъ епископъ Евгеній отдавалъ церковниковъ въ солдаты за малограмотность. Ихъ приводили къ нему толпами и онъ производилъ имъ строжайшій экзамень. Если кто изъ церковниковъ плохо пѣлъ или читалъ, такого немедленно отсылали въ солдаты.

Во время *Евгеніевскаго разбора* нерѣдко происходили факты, достойные сожалѣнія. При одной Лебедянской церкви церковнымъ сторожемъ былъ нѣкто Автономовъ. Это былъ человекъ уже пожилой, многосемейный и больной грыжею. Но и онъ не избѣгъ бѣды и изъ церковнаго сторожа превратился въ солдата Воронежскаго гарнизоннаго баталіона. А дѣтямъ его, и безъ того обреченнымъ на суровую жизнь, представилась незбѣжная и тяжелая карьера кантонистовъ...

Города Шацка указной дьячекъ Михайловъ, отданный епископомъ Евгеніемъ въ солдаты, впоследствии такъ жаловался ему самому: «безъ благоразсмотрѣнія твоего въ слушаніи чтенія и пѣнія моего отосланъ я въ военную службу.

И оставшіеся сироты, какъ жена моя въ молодыхъ лѣтахъ, такъ еще и двѣ сестры ея и братъ, остались безъ всякой надежды къ пропитанію. Родственниковъ у нихъ нѣтъ и должны они отъ горести прежде времени умереть. Непрестанныя слезы и вопль вынудили меня утруждать Ваше Пресвященство: внемли моей просьбѣ, ибо я не принадлежалъ къ отсылкѣ въ военную службу».

Мѣстные старожилы съ особеннымъ сожалѣніемъ вспоминаютъ о томъ, что Евгеній загубилъ многихъ хорошихъ учениковъ семинаріи. Одинъ изъ нихъ, Павелъ Хитровъ, уволился изъ философскаго класса, въ теченіе года приготовился къ экзамену въ медико-хирургическую академію и прибылъ въ Петербургъ пѣшкомъ, такъ какъ отецъ его былъ человѣкъ бѣдный и къ тому же не сочувствовалъ затѣямъ своего сына. Приемный экзаменъ выдержанъ былъ Хитровымъ вполне удовлетворительно и даровитый юноша мечталъ уже о докторской карьерѣ. Все, повидимому, благопріятствовало осуществленію его завѣтныхъ думъ. Конференція медицинской академіи отравила уже отъ себя въ Тамбовскую консисторію требованіе о высылкѣ Хитрову увольнительнаго свидѣтельства. Но вмѣсто такого свидѣтельства въ Петербургъ пришло консисторское увѣдомленіе: «исключенный ученикъ Павелъ Хитровъ, какъ подлежащій отдать въ солдаты, долженъ быть немедленно высланъ въ Тамбовъ». Такъ безжалостно разрушены были думы и мечты одного изъ лучшихъ учениковъ Тамбовской семинаріи...

Нерѣдко случалось, что семинаристы попадали подъ красную шапку по разнымъ недоразумѣніямъ. Какъ люди молчаго ранга, безъ связей и покровительствъ, пали они солдатскою дорогою безвинно и безответно, насильственно оторванные отъ школьной скамейки. Все тогда приносилось въ жертву суровой идеѣ очищенія Тамбовской епархіи...

Многочисленная партія Тамбовскихъ семинаристовъ и церковниковъ, отданныхъ въ солдаты, нѣсколько мѣсяцевъ обучалась военному ремеслу въ Тамбовѣ. Наконецъ всю эту партію, уже переодѣтую изъ подрясниковъ, халатовъ и сюртуковъ въ сѣр्या шинели, велѣно было отправить въ Москву. Собрались бывшіе семинаристы и церковники на Варварин-

ской площади и стройно по главной улицѣ пошли къ Московской заставѣ. Вѣсть съ ними и за ними шли толпы народа. Процессія поравнялась съ Казанскимъ монастыремъ. Въ это время всѣ новобранцы, безъ всякой команды, по единодушному религіозному порыву, упали на колѣни и заплѣли: «Заступница Усердная.» Минута была дѣйствительно торжественная и потому въ то время въ Тамбовѣ пролито было не мало слезъ. Плакали семинаристы, навсегда оторванные отъ своей сравнительно выгодной карьеры; плакали церковники, оставлявшіе на произволъ судьбы женъ и малыхъ дѣтей; плакали эти самыя жены и дѣти; плакали наконецъ зрители, которымъ жаль было несчастныхъ людей.

Сохранилась мѣстная легенда объ участи семинаристовъ-солдатъ. Будто они поступили въ Московскій учебный полкъ, гдѣ какой-то полковникъ часто ихъ сѣкъ, дурно кормилъ и изнурялъ работой и службой. Дошло это до свѣденія императора Николая 1-го и вотъ однажды пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то генераль, полковника арестовали и съ тѣхъ поръ пропалъ онъ безъ вѣсти. А солдатъ-семинаристовъ поставили въ ряды и велѣли имъ быть готовыми къ встрѣчѣ самого государя. Николай Павловичъ не заставилъ себя долго ждать. Прибылъ онъ, одѣтый въ сѣрую солдатскую шинель. «Дѣти мои, сказалъ онъ семинаристамъ-новобранцамъ, — то-то, думаю, матери ваши плакали, проважая васъ...» Вслѣдъ за тѣмъ привезли калачей и сейчасъ же самъ государь началъ раздавать ихъ бывшимъ семинаристамъ и церковникамъ*).

Прошли тяжелыя времена холеры и *церковнаго разбора*. Губернская жизнь снова вступила въ свою мирную колею. Въ 1832 году въ Тамбовъ прибылъ новый губернаторъ Н. М. Гамалѣй, управлявшій краемъ до 1838 года, и глухая провинція наша видимо ожила. Этимъ оживленіемъ она обязана была исключительно Гамалѣю, потому что мѣстныя общественныя силы безмятежно спали. То было время, въ особенности у насъ, когда дѣйствовали отдѣльныя энергическія и уполномоченныя лица, а масса старательно удаляема была отъ всякаго дѣла. Не веселыя были эти времена, но тѣмъ

*) Смотри объ этомъ сентябрьскую книжку „Историч. Вѣстника“ за 1880 годъ, наша статья.

охотнѣе отмѣчаемъ мы свѣтлыя страницы изъ нашего прошлаго.

6 декабря 1833 года Гамалѣй открылъ у насъ публичную библиотеку, при чемъ выпущено 500 сторублевыхъ акцій. Дѣятельность нашей публичной библиотекы всегда развивалась крайне слабо и даже въ настоящее время вліяніе ея на умственную жизнь города крайне сомнительно, но въ этомъ случаѣ всего менѣе виноватъ Н. М. Гамалѣй.

5 февраля 1834 года, при содѣйствіи Гамалѣя, рѣшено было приступить къ постройкѣ женскаго Александринскаго института, при чемъ Тамбовское дворянство обязалось платить въ пользу этого дѣла по 20 копѣекъ съ каждой крестьянской души. А такъ какъ въ 1834 году всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ было у насъ 377,915 душъ, то въ томъ же году собрана была значительная сумма и работы быстро начались. Основаніе института мотивировалось желаніемъ *ознаменовать пламенную благодарность къ государю императору за всѣ милости его и щедроты и дабы увековѣчить имя его въ памяти потомковъ.*

7 февраля того же года, при сильномъ участіи неутюжимаго Гамалѣя, принято было дворянствомъ рѣшеніе устроить зданіе дворянскаго собранія. Эта мысль принята была потому, что дворянскій училищный корпусъ, въ которомъ обыкновенно бывали дворянскія и депутатскія засѣданія, преобразованъ былъ въ описываемое время въ военно-учебное заведеніе.

Особенное вниманіе обращалъ Гамалѣй на вѣдшее благоустройство города Тамбова. При немъ началось мощеніе главныхъ городскихъ улицъ, выстроены были мостъ около Дѣвичьяго монастыря и отдѣланъ заново Никольскій мостъ, который прежде назывался Галкинскимъ; тротуары отдѣланы столбиками, произведена первая невелировка города и углублены канавки для болѣе удобнаго стока воды; Студенецъ пересѣченъ плотинами; на главныхъ улицахъ и около присутственныхъ мѣстъ появились фонари, при вѣздахъ въ городъ исправлены и украшены были гербами заставы. Главнымъ мастеромъ и подрядчикомъ по части мощенія улицъ былъ Козловскій купецъ Влазпинъ. Въ тоже время начали рыть на базарѣ Атрезіанскій колодезь и уже вырыли его глубиною въ 109 аршинъ, но послѣ Гамалѣя бросили работы.

Въ слѣдующемъ году Н. М. Гамалѣй поручилъ нѣкому П. Е. Протасову разведеніе Тамбовскаго городского сада. Въ теченіе 9 лѣтъ Протасовъ обязался устроить садъ съ дорожками, аллеями, цвѣточными клумбами, оранжереями, теплицами и питомниками для всевозможныхъ садовыхъ и огородныхъ растений и съ училищемъ садоводства. Къ сожалѣнію, послѣ отъѣзда Гамалѣя въ Петербургъ, куда онъ вызванъ былъ на должность товарища министра государственныхъ имуществъ, предпріятіе Протасова уже не могло осуществиться по назначенному плану, не смотря на то, что предприниматель просилъ у города ежегодной субсидіи только 400 рублей.

Въ тѣ же Гамалѣевскія времена устроены у насъ конскіе бѣга, и доселѣ составляющіе славу нашего скромнаго города, и сдѣланъ былъ первый опытъ выставки произведеній Тамбовской губерніи. Выставка организована была по случаю пріѣзда въ Тамбовъ въ 1837 году наследника-цесаревича Александра Николаевича, *почтнвшаго ее продолжителнымъ посѣщеніемъ и одобреніемъ*. Такимъ образомъ оказывается, что мысль о выставкѣ Тамбовскихъ произведеній при губернскомъ музеѣ, медленно возникающая въ послѣднее время, повсе не новая и еще въ 30-хъ годахъ находились умные люди, вполне понимавшіе ея пользу и желавшіе ея осуществленія.

Какъ человекъ вполне образованный, Гамалѣй заботился о подъемѣ мѣстной умственной жизни. Съ этою цѣлью онъ основалъ скромный мѣстный органъ—губернскія вѣдомости. Рѣдкая въ его время просвѣщенность выражалась, между прочимъ, съ его стороны постоянною внимательностію и вѣжливостію относительно просителей и подчиненныхъ и, конечно, авторитетъ власти отъ этого не колебался, а укрѣплялся...

Къ особенной чести Гамалѣя относится составленный имъ проектъ Моршанской желѣзно-конной дороги. Проектъ этотъ въ 1835 году представленъ былъ высшимъ властямъ; тогда же Тамбовскіе крупные владѣльцы Ниловъ и князь Голицынъ выразили рѣшительное намѣреніе содѣйствовать осуществленію Моршанской дороги; но главное управленіе путей сообщенія нашло это дѣло *неудобоисполнимымъ и не-*

общающимся особенной пользы. Въ 1838 году желѣзно-конную дорогу дозволено было строить, но уже было поздно: Гамалѣя перевели на службу въ Петербургъ, Нидовъ и князь Голицынъ умерли, остальные капиталисты отозвались *немногими свободными капиталами*. Такъ кончилось дѣло, обѣщавшее большія выгоды дѣлому Тамбовскому краю. Къ сожалѣнію, высшая Петербургская бюрократія отнеслась къ добрымъ начинаніямъ въ нашемъ краѣ съ полною и чисто капцеларскою небрежностію. Иначе мѣстная культура стояла бы теперь гораздо выше, потому что одновременно съ Гамалѣевскимъ проэктомъ представлялись высшему правительству соображенія Тамбовскаго маіора Осинскаго объ углубленіи фарватера рѣки Цны и о проведеніи желѣзной дороги отъ Саратова чрезъ Тамбовъ и Москву въ С.-Петербургъ.

Губернаторство Гамалѣя ознаменовано было широкимъ развитіемъ раскола и сектанства въ Тамбовской губерніи. Темные и наивные умы мѣстнаго простонародья по своему искали Божіей правды и истины, рвались изъ своихъ потемковъ къ познанію истинной жизни, неудержимо проявляли релігіозныя стремленія и такимъ образомъ нечаянно оказывались въ рядахъ враговъ господствующей церкви. Скопцы, хлысты, духоборцы, молокане, субботники и раскольники разныхъ толковъ въ нѣкоторыхъ Тамбовскихъ селахъ начали совершать свое божеское дѣло открыто. Но противъ этого движенія епископомъ Арсеніемъ приняты были репрессивныя мѣры. У сектантовъ и раскольниковъ стали дѣлать строгіе обыски и конфисковать изъ священныя книги. Въ это время у раскольниковъ села Казанка, Карсаковского уѣзда, была отлучена очень интересная книга подъ заглавіемъ: „Страсти Христовы“. Въ ней критика выдержана изъ этой книги: „Матюша Божія къ Луцѣ обращается:— а любимый мой пріятелю Луцъ Ты бо слышь еси во Іерусалимѣ, не слышалъ ли еси како дамъ отъ иудейскихъ жидовъ и не возмилелъ ли еси что о немъ иудейскіи сажетъ? О любимый мой дружокъ Луцъ! Не имамъ бо якому кому поучить сына моего, только тобѣ, не имамъ якому родителю и преподавателю о немъ, вѣдѣю бо ты иудейскіи языкъ и евреѣвскіи, ты же о славнѣ еси буди оны сироты“.

Въ концѣ 30-хъ годовъ и въ началѣ 40-хъ Тамбовскимъ губернаторомъ былъ А. А. Корниловъ, братъ знаменитаго адмирала. При немъ Тамбовскую губернію посѣтилъ сильный голодъ. Люди ѣли лебеду, мякину; пухли у нихъ животы отъ безкормичи и они массаи умирали. Уже въ половинѣ 30-хъ годовъ въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи обнаружались неурожаи то отъ морозовъ, то отъ засухи, града и вѣтровъ, то отъ червя. Наконецъ въ 1840-мъ году голодъ принялъ грозный характеръ. Вотъ что писалъ Корнилову по поводу этого народнаго бѣдствія чиновникъ особыхъ порученій Побѣдоносцевъ: „людей, просящихъ милостыню, развелось по городамъ и селамъ множество. Истомленные и обезсиленные они бродятъ по дворамъ и выжидаютъ подални, но напрасно. Каждый думаетъ теперь о себѣ и про себя бережетъ скудную крохи насущнаго хлѣба. Большинство питается теперь мякиннымъ хлѣбомъ, гдѣ едвали найдется и четвертая доля чистаго продукта,—все остальное состоитъ изъ отрубей или гречишной мякины. Иные ѣдятъ одну мякину, есть и такіе, у которыхъ и той немного въ запасѣ. Одна приправа тяжелой и нездоровой крестьянской пищѣ—слезы несчастныхъ“ *).

Въ это время могли бы помочь голодавшему Тамбовскому крестьянству богатые мѣстные помѣщики, но они, по словамъ чиновника особыхъ порученій Петрова,—не давали крестьянамъ своимъ хлѣба и продавали его по высокимъ цѣнамъ въ столицахъ **).

Тогда Тамбовская администрація приняла противъ города энергическія мѣры. Палата государственныхъ имуществъ разрѣшила выдачу хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ. Стали раздавать голодающему населенію зерновой и молотый хлѣбъ, но, къ несчастію, при этомъ въ Лебединскомъ уѣздѣ обнаружались злоупотребленія: съ крестьянъ стали брать деньги... ***) Съ цѣлію смягченія народнаго бѣдствія сдѣлано было распоряженіе, чтобы на всѣхъ базарахъ губерніи до 12-ти часовъ дня продавали хлѣбъ съ возовъ только частнымъ покупателямъ. Уже послѣ полудня народные хищники-кулаки могли начинать свою темную дѣятельность. Въ то же время

*) Донесеніе Корнилову, № 7-й.

***) Донесеніе Петрова Корнилову, № 13.

***) Донесеніе Побѣдоносцева, № 13.

обратились съ просьбою о помощи къ высшему правительству и открыли благотворительную подписку. Голодъ волѣдствіе этого началъ ослабѣвать, особенно потому, что нѣкоторые частныя лица щедрою рукою раздавали пособія. Такъ, Липецкій купецъ Небучиновъ пожертвовалъ крестьянамъ на сѣмена 10,000 рублей.

Въ началѣ 40-хъ годовъ А. А. Корниловъ удалился съ своего губернаторскаго поста. Мѣсто его занялъ энергичскій П. А. Булгаковъ—гроза чиновниковъ и бичъ всѣхъ мѣстныхъ проходимцевъ. Булгаковъ не отличался такими способностями, какъ Державинъ и Гамалѣй, онъ былъ только честнымъ слугою тѣхъ принциповъ, какими въ его время руководилось правительство. Поэтому съ его стороны не было ни одной прогрессивной инициативы..

Губернаторство П. А. Булгакова ознаменовано однимъ крупнымъ мѣстнымъ событіемъ. Въ селѣ Елань-Козловкѣ произошло крестьянское движеніе, вызванное въ темной и наивной массѣ неспособностію и недобросовѣстностію уѣздныхъ (Борисоглѣбскихъ) чиновниковъ. Крестьянъ грубо заставляли сѣять картофель и брали съ нихъ двойныя подати. Сельскія власти были при этомъ самыми усердными помощниками администраціи. Тогда Елань-Козловцы связали своихъ сельскихъ начальниковъ и ждали высшаго суда. Въ это время честные представители закона могли еще остановить движеніе, но такихъ дѣятелей не оказалось во всемъ уѣздѣ. Въ губернской городѣ дали знать о бунтѣ и дѣло рѣшено было выстрѣлами гарнизоннаго батальона, при участіи самого губернатора, смущеннаго шумомъ и гамомъ толпы въ его присутствіи... Ближайшимъ результатомъ выстрѣловъ были убитые и изувѣченные крестьяне, а дальнѣйшимъ—*усмиреніе бунта*. Распорядительные чиновники получили награды и повышенія по службѣ, а народная жизнь отмѣчена была новымъ фактомъ бюрократическаго невѣжества и отсутствія патріотизма...

При К. К. Данзасѣ, преемникѣ Булгакова, произошли у насъ величайшія событія текущаго вѣка: крымская война и реформы Александра II-го. Захолустная сторона наша, нѣсколько вѣковъ пребывавшая почти въ совершенномъ усы-

плёни, тогда очнулась и приняла дѣятельное и могущественное участіе въ отечественной жизни. Съ этого времени начинается настоящая наша исторія, до послѣдняго слова которой еще слишкомъ далеко... *Не тридцать лѣтъ сидѣли Тамбовскіе обыватели, и не одними Ильями Муромцами подарилъ Русь Тамбовскія губерніа.*

Тамбовскія дружины, знамена которыхъ и доселѣ сохраниются въ мѣстномъ кафедральномъ соборѣ, окончательно снаряжены были къ походу въ 1855 году и немедленно выступили на Ростовъ, Таганрогъ и Мариуполь тремя колоннами, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-маіора Жихарева. Проводы ополченцевъ были самые задушевные. Тогдашній губернаторъ Данзасъ напутствовалъ дружины слѣдующею рѣчью:

„Дружины Тамбовскаго ополченія! Въ эти трудныя, но славныя минуты, когда вѣрные сыны Россіи какъ милости и съ нетерпѣніемъ ждутъ своей очереди повергнуть достояніе и жизнь къ стопамъ возлюбленнаго государя своего, настала и ваша желанный часъ и вы, сопровождаемые жаркими молитвами цѣлаго края, станете грудью за вѣру и царя, за отечество и семейства ваши, за все однимъ словомъ, что такъ безцѣнно дорого всякому русскому сердцу. Съ пламенными мольбами ко всевышнему, но безъ тревогъ и опасеній, напутствуемъ мы васъ, избранные достойные сыны отечества и да сбѣнятъ васъ среди нечестивыхъ полчищъ вражескихъ священныя слова вашего знамени и крестъ, который, какъ богоявленное видѣніе благочестиваго Константина, припадетъ вамъ успѣхъ и славу: симъ побѣдиши. Друзья! Славныя имена, славныя примѣры живы въ душѣ каждаго русскаго! Покажите же и вы себя достойными вашихъ предковъ и новой безсмертной славой украсьте имя русскаго. Этого ожидаетъ отъ васъ царь и вся Россія“.

Вооруженные старыми кремневыми ружьями, плохо дисциплинированные, голодные и больные Тамбовскіе дружинники вступили въ Донскую землю подъ главное начальство Донскаго атамана Хомутова, который 30 апрѣля отдалъ имъ слѣдующій приказъ:

„По высочайшей волѣ я удостоился начальствовать надъ

вами, Тамбовскія дружины! Каждому радостно было видѣть, какъ усердно спѣшили вы на зовъ отечества, а я, встрѣчая васъ, восхищался молодецкими ратниками и готовностію каждаго изъ васъ выполнить геройски долгъ вѣрноподанныхъ. И не ошибся! Вы единодушно принялись за службу царскую и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ дружины были уже въ состояніи состязаться съ опытными войсками. И твердо былъ убѣжденъ, что при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, грудь мирнаго Тамбовскаго жителя доказала бы отечеству, какъ она тверда и какъ бьется въ ней сердце русское за святую родину! Готовясь разделить съ вами боевую жизнь, я много ждалъ отъ вашей доблести, но миръ, дарованный Богомъ и царемъ, драгоценнѣе всѣхъ военныхъ подвиговъ. Миръ возвращаетъ васъ въ нѣдра семействъ вашихъ! Радуюсь вашему счастью. Прощаясь съ вами, вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ объявить мою душевную признательность всѣмъ офицерамъ, а молодецкимъ ратникамъ—душевное мое спасибо!“

Что же дѣлало Тамбовское ополченіе, призванное къ охраненію отъ непріятеля Азовскаго побережья?

Тамбовскіе ополченцы, прикрывая родную окраину, усиленно занимались приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ и въ особенности стрѣльбою. Нѣкоторые изъ лучшихъ ополченскихъ стрѣлковъ были уже вооружены отличными штуцерами, пожертвованными главнымъ образомъ Тамбовскимъ помѣщикомъ графомъ Беккендорфомъ.

Надобно замѣтить, что стоянка Тамбовскихъ дружинъ около Азовскаго моря была далеко не удовлетворительна. Велѣдствіе крайне дурнаго содержанія и такового же состава большинства офицеровъ между ратниками открылись сильныя болѣзни и честные Тамбовскіе крестьяне погибали массами, не вида непріятеля. Тяжелое положеніе заставляло многихъ Тамбовскихъ ополченцевъ подавать въ разныя мѣста жалобы. Вотъ что, наприимѣръ, писали въ своемъ прошеніи на имя военнаго министра ратники Моршанской дружины:

„Вьютъ насъ начальники палками, сами предаются баламъ, провіанту не даютъ, ни казеннаго, ни жертвованнаго. Особенно обижаютъ насъ Пановъ, нашъ дружинный начальникъ“.

Прошёнiе заключается слѣдующимъ патетическимъ воззванiемъ: „разступись, земля сырая, встань императоръ Николай Павловичъ и погляди на своихъ бѣдныхъ ратниковъ“.

Больныхъ Тамбовскихъ ратниковъ было такъ много, что они не помѣщались въ госпиталяхъ. Тщетно вступался за нихъ дружинный врачъ Триденцовъ; изъ этого выходили однѣ только непрiятности съ начальствомъ, особенно съ дружиннымъ командиромъ Пановымъ. Пановъ постоянно придирался къ Триденцову. Такъ, онъ однажды написалъ ему: „околоточное отдѣленiе открыто и туда въ назначенные часы по госпитальнымъ правиламъ вы не ходите на визитацію“. На это Триденцовъ отвѣчалъ: „открытiе околоточного отдѣленiя извѣстно только вамъ, а не мнѣ. Я знаю только, что вы уничтожили прiемный покой, котораго учрежденiе постановлено министерствомъ. Въ госпитальномъ же правилѣ не означены часы являться на визитацію несуществующихъ госпиталей“.

Пановъ не унимался и давалъ Триденцову, напримѣръ, такiя предложенiя: „Когда вы въ городѣ (Таганрогѣ) или куда выѣзжаете по чьему либо повелѣнiю, доносите мнѣ“.

На это Триденцовъ отписывался такъ: „въ городѣ я бываю постоянно, то постоянно и долженъ доносить вашему высокоблагородiю ежедневно и ежечасно?“

Однажды Триденцовъ выѣхалъ за городъ осматривать больныхъ ратниковъ, стоявшихъ въ окрестныхъ деревняхъ. Тогда немедленно послѣдовалъ къ нему слѣдующiй запросъ Панова: „по чьему повелѣнiю врачъ Триденцовъ выѣхалъ изъ города?“

Триденцовъ отвѣчалъ: „по приказу начальника ополченiя, назначившаго меня дружиннымъ врачомъ. Въ назначенныхъ для медиковъ ополченiя инструкцiяхъ я нигдѣ не вычиталъ, чтобы испрашивать повелѣнiя для исполненiя своей обязанности у начальника дружины“.

Такимъ образомъ оказывается, что дѣятельность Тамбовскихъ дружинъ, слабо подготовленныхъ къ боевой жизни, плохо дисциплинированныхъ и снаряженныхъ, была не блестящая. Тамбовскiе ополченцы не только не одерживали побѣдъ надъ непрiателемъ, но и вовсе не были въ бою съ нимъ.

Тѣмъ, не мѣсто никто не имѣеть права дѣлать отсюда какія либо неблагопріятныя для Тамбовскихъ дружинъ заключенія. Тамбовскія дружины честно, какъ могли, исполнили долгъ свой предъ царемъ и отечествомъ. Во все время кампаніи они прикрывали отъ непріятеля Азовское побережье и этимъ дали возможность другимъ военнымъ силамъ, болѣе готовымъ къ бою, принять активное участіе въ войнѣ. Правда, отъ пуль непріятельскихъ Тамбовскіе дружинники не пострадали, за то они очень пострадали отъ болѣе опаснаго врага, отъ болѣзней, голода и всякихъ походныхъ невзгодъ, и чрезъ это пріобрѣли несомнѣнное и вполне заслуженное право на благодарную память потомства.

Грозная Крымская эпоха прошла. Наступило свѣтлое, многообѣщавшее царствованіе царя-освободителя и мученика. Вся Русская земля встрепенулась, очнулось отъ безпрерывной спячки и Тамбовское захолустье, и стала съ тѣхъ поръ Тамбовская земля, густонаселенная и плодородная, одною изъ самыхъ живыхъ силъ нашей обширной имперіи. Край нашъ, полноправнымъ членомъ принятый въ великую русскую семью, съ особенною признательностію долженъ чтить память императора Александра II-го...

Къ числу величайшихъ эпохъ русской (слѣдовательно и Тамбовской) исторической жизни, безъ сомнѣнія, нужно отнести событіе 19-го февраля 1861 года, слегка коснувшееся мелкихъ интересовъ привилегированнаго меньшинства и могущественно воскресившее всенародную массу. Крестьянскою реформою положенъ краеулыбный камень нашего народнаго развитія. Въ свободѣ народа сказался неизсякаемый источникъ національной прогрессивной исторіи...

Наканушъ 19-го февраля многіе Тамбовскіе пессимисты сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ русской крестьянской реформы. Къ счастью, эти зловѣщія сомнѣнія эгоистической толпы не оправдались.

Предъ крестьянской реформой Тамбовская губернія, за исключеніемъ сѣверныхъ своихъ уѣздовъ, представляла самое глухое и широкое поприще для развитія крѣпостнаго права, такъ какъ для дворянскаго сословія и крѣпостнаго крестьянства было въ ней въ то время едва ли не болѣе, чѣмъ

въ другой какой нибудь губерніи. Многіе мѣстные крѣпостники дикимъ своимъ самосудомъ напоминали простому народу тяжкія времена Монгольскаго ига. Къ числу такихъ лицъ нельзя не отнести извѣстнаго князя и пѣвца Ю. Н. Г-на. Пылкій, избалованный барскою обстановкой и вовсе не умѣвшій сдерживать своихъ аристократическихъ порывовъ, этотъ князь приказывалъ иногда давать своимъ провинившимся крестьянамъ по 1000 ударовъ и потомъ къ избитымъ мѣстамъ прикладывать шпанскія мушки. А когда не хотѣлось ему *раз-влекаться* сѣченіемъ своихъ крестьянъ, онъ ставилъ ихъ въ маленькую башню на крышѣ барскаго дома и держалъ тамъ, не смотря ни на какую погоду, по нѣскольку сутокъ безъ пищи. Желая иной разъ поглумиться надъ своими дворовыми, князь собственноручно мазалъ ихъ дегтемъ или смолою. Мазалъ онъ стариковъ, не щадилъ также женщинъ и дѣтей. Нерѣдко приходила ему фантазія наказывать крестьянъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Такъ, однажды, онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и въ ихъ присутствіи приказалъ сѣчь одну изъ нихъ, а самъ въ это время игралъ на билліардѣ. Сѣченію продолжалось цѣлый часъ и результатомъ его было то, что изувѣченную крестьянку немедленно послѣ экзекуціи приобщили. Кое-когда князь Г-нъ впадалъ въ игривый тонъ и въ такомъ случаѣ позволялъ себѣ относительно крестьянъ самыя безперомонныя выходки. Напримѣръ въ такомъ родѣ. Крестьяне его, положимъ, только что возвратились съ поля, съ его барщины. Имъ, разумѣется, отдохнуть бы слѣдовало, а Г-нъ прикажетъ для потѣхи ударить въ набатъ и вотъ всѣ усталые труженики, по заведенному разъ навсегда обычаю, принимаются безъ толку скакать по селу изъ конца въ конецъ. Баринъ смотритъ на все это и потѣшается, а въ заключенію потѣхи прикажетъ разобрать чью нибудь крестьянскую избу. „По крайней мѣрѣ, говаривалъ онъ при этомъ, — не даромъ скакали по селу, всетаки хоть немного похоже на пожаръ“.

Нисколько ни жалѣя своихъ крестьянъ, съ которыхъ онъ бралъ по 30 рублей оброку и въ то же время отнималъ у нихъ землю, Г-нъ не щадилъ и женской стыдливости своихъ крѣпостныхъ. Случалось, что онъ приказывалъ сгонять всѣхъ

своихъ крестьянокъ въ рѣку, при чемъ присутствовалъ и самъ лично, а затѣмъ онѣ въ природительскомъ видѣ должны были бѣгать по селу.

Все это, что мы только что сказали о дѣятельности князя Г-на, практиковалось имъ такъ часто, что въ послѣдствіи на судѣ одинъ свидѣтель показалъ слѣдующее: «крестьяне Г-на самыя несчастныя и угнетенныя существа, которыя имѣютъ имущества свои и самую жизнь ежедовно въ опасности.»

Между прочимъ князь Г-нъ любилъ издѣваться надъ своимъ приходскимъ духовенствомъ. Обѣдню онъ приказывалъ иногда начинать въ первомъ часу и оканчивать не позже пятого. Это приказаніе тяжелое для сельскаго причта, издавалось главнымъ образомъ съ тою цѣлю, чтобы сдѣлать вредъ винному откупу, съ которымъ Г-нъ былъ въ ссорѣ. Однажды Г-нъ прѣхалъ откуда-то въ свое имѣніе и прямо подѣхалъ къ церкви, гдѣ въ это время совершалось богослуженіе, влѣдствіе чего священникъ не могъ встрѣтить князя. Тогда, разсерженный невниманіемъ къ своей особѣ, помѣщикъ живо вошелъ въ алтарь, схватилъ священнодѣйствующаго іерея за бороду и привелъ его на паперть. «Вотъ гдѣ, — сказалъ онъ оторопѣвшему священнослужителю, — долженъ ты встрѣтить меня.» Въ другой разъ Г-нъ вздумалъ *пошутить* надъ приходскимъ дьячкомъ.

Дѣло было на Пасху. «На святую пришли мы, — рассказывалъ потомъ на судѣ самъ пострадавшій дьячекъ, — къ нашему князю и послѣ молебна велѣно намъ было пить. У нашего барина такой порядокъ: хочешь не хочешь, а пей. Миѣ сразу поднесли три стакана. Охмѣлѣлъ я. Тогда князь приказалъ отвести меня на круглыя качели и качать. У меня и безъ того голова кружилась, а тутъ я сталъ совѣтъ безъ памяти и уже не помню, какъ привезли меня домой.»

Даже посторонніе люди боялись встрѣчаться съ грознымъ княземъ и со страхомъ проѣзжали чрезъ его владѣнія. Оно и понятно: если какойнибудь священникъ или мелкій купецъ встрѣчался съ надменнымъ владѣльцемъ и, по разсѣяности, не снималъ передъ нимъ шапки, то неизбѣжно получалъ за это розги. Вслѣдствіе этого проѣзжіе нечиновные путешественники обыкновенно стороной объѣзжали Г-нское имѣніе.

«И сами животные, — писалъ шефу жандармовъ нѣкто Сычевъ, долгое время служившій у князя Г-на, — при встрѣчѣ съ Ю. Н-чемъ инстинктивно прятались куда попало.»

Княжеская необузданность выражалась также въ слѣдующемъ: проѣзжая черезъ разныя села и деревни, князь Г-нъ обыкновенно стрѣлялъ собакъ, которыя осмѣливались лаять на него. А однажды на почтовомъ трактѣ изъ Нижнедѣвица въ Тамбовъ онъ отрѣзалъ у почтовыхъ лошадей хвосты и гривы. «Самъ виноватъ, — приговаривалъ онъ при этомъ ямщику, — не проси съ меня денегъ.»

Надменный князь не церемонился даже съ лицами привилегированныхъ сословій. Разъ онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ офицера Аронова. Во время обѣда гость чѣмъ-то не угодилъ своеправному хозяину и за это былъ подвергнутъ немедленному изгнанію прямо на улицу. То же самое сдѣлалъ Г-нъ съ однимъ дворяниномъ Беккеромъ, который вздумалъ по знакомству замѣтить ему о неприличіи его поведенія: напрасно де ты, князь, съ своей крѣпостной дѣвкой, разодѣтой въ бархатный кафтанъ, пирuishь на базарахъ на виду у своего народа...

Но странное дѣло, князь Г-нъ щадилъ и уважалъ тѣхъ людей, которые давали ему отпоръ. Однажды онъ встрѣтилъ въ полѣ священника Орлова и ударилъ его кнутомъ. Тогда удивленный и разобиженный о. Орловъ нѣсколько разъ ударилъ своихъ пастырскимъ жезломъ самого князя и съ этихъ поръ вошелъ въ княжескую милость.

Всѣ эти отчасти только указанные нами подвиги Г-нъ продѣлывалъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Главною ареною его дѣятельности былъ Усманскій уѣздъ.

Дикихъ самодуровъ крѣпостнаго режима въ нашей губерніи было множество и, разумѣется, ихъ помѣщичьи выходки не могли быть благопріятными прецедентами спокойной крестьянской реформы. Нѣкоторые помѣщики *въ сердцахъ* обливали своихъ крѣпостныхъ кипяткомъ и потомъ выводили ихъ на морозъ. Иные засѣкали свою *челядь* до смерти. *) Были и такіе, которые выдѣлялись изъ толпы своихъ современ-

*) Арх. Губсри. правлен. по описи № 129.

никовъ чрезвычайною грубостію семейныхъ нравовъ и этимъ возбуждали противъ себя *безсмыльное* негодование общества разныхъ сословій. То были самодуры особеннаго типа, незнавшіе удержу именно въ семейной сферѣ.

Вотъ что доселѣ рассказываютъ въ Тамбовской губерніи о дворянинѣ К-ровѣ, сынѣ знаменитаго въ свое время вотчиннаго тирана.

К-ровъ поссорился съ своей женою чрезъ недѣлю послѣ свадьбы. Эта первая ссора произошла за чайнымъ столомъ. К-ровъ въ припадкѣ безпричиннаго гнѣва ударилъ кулакомъ по самовару и опрокинулъ его на жену. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого несчастная жена попала въ новую бѣду: мужъ началъ съ ожесточеніемъ щипать ее и вывертывать ей руки и пальцы и съ этого времени истязанія пошли безпрерывно. Истязуя жену, мужъ запрещалъ ей кричать и она прятала голову въ подушки, чтобы невольный крикъ не привлекъ постороннихъ свидѣтелей ея семейнаго горя и чтобы чрезъ это не подвергнуться ей еще болѣе жестокимъ мученіямъ. Съ особеннымъ озлобленіемъ и цинизмомъ описываемый мною герой щипалъ тѣ части женина тѣла, *наименованіе которыхъ*, какъ говорится въ прошеніи пострадавшей шефу жандармовъ, *не допускается женскою стыдливостію*. А иногда К-ровъ принимался душить подушками жену до тѣхъ поръ, пока съ ней не начинались судорожные припадки.

Однажды супруги ѣхали изъ деревни въ Тамбовъ. Дѣло было ночью и на глухомъ трактѣ. Въ это время мужу пришла мысль пошутить съ женою, онъ приказалъ ей выйти изъ экипажа, а кучеру велѣлъ ударить по лошадамъ. Крикъ маленькаго брата несчастной женщины и просьбы дворовыхъ людей заставили разсвирѣпѣвшаго мужа остановить лошадей, но когда усталая и перепуганная жена садилась въ тарантасъ, то получила такой ударъ кулакомъ отъ своего супруга, что отъ боли вскрикнула. Надобно замѣтить, что въ это время она была въ послѣднемъ періодѣ беременности. По пріѣздѣ въ Тамбовъ со стороны К-рова пошли новыя истязанія. Въ сентябрѣ 1860 года онъ однажды возилъ жену по городу три часа и во все это время билъ ее. Долго выносила свою злую долю ни въ чемъ не повинная женщина, на-

конецъ и у нея терпѣнія не стало. Разъ она вырвалась отъ мужа и въ одной сорочкѣ побѣжала вонъ изъ дому. Но ее догнали и вернули въ спальню. Въ это время съ мужемъ сдѣлалась рвота, въ которую онъ и бросилъ внизъ лицомъ свою жену. Съ теченіемъ времени К-ровскія истязанія стали принимать все болѣе и болѣе разнообразный характеръ. Зимую бѣдную женщину запирали въ холодную комнату, легко одѣтую водили по двору и заставляли при всей дворнѣ просить у барина прощенія.

Описываемый мною герой не щадилъ и своего ребенка. Ночью онъ подносилъ къ колыбели свѣчку и руками открывалъ у младенца глаза, вслѣдствіе чего съ нимъ сдѣлались припадки, отъ которыхъ онъ скоро и умеръ. Когда ребенка отпѣвали, отецъ его въ то время былъ въ людской избѣ и развлекался голубями. А черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ привелъ къ убитой горемъ женѣ своего незаконорожденного сына и заставилъ ее цѣловать его. К-рова повиновалась, но и за это подверглась побоямъ...

Впослѣдствіи К-рова переселилась къ своей матери и скоро умерла. Имѣніе мужа ея взяли въ опеку. Среди крѣпостныхъ память о К-ровой сохранилась такая: «барыня у насъ смирная и никто не слыхалъ отъ нея дурнаго слова».

При такихъ условіяхъ началась въ Тамбовской губерніи крестьянская реформа. Можно было ожидать, что въ ней произойдутъ беспорядки, которыми такъ пугали правительство крупнаго и мелкаго ранга консерваторы, но все обошлось благополучно. Въ свое время получили силу крестьянскіе надѣлы, при чемъ болѣе сообразительные владѣльцы надѣлили своихъ бывшихъ крѣпостныхъ *какъ можно меньше и какъ можно хуже*. Были, однако, у насъ и такіе помѣщики, которые честно раздѣлялись съ даровыми своими работниками и горячо стали за крестьянскую реформу...

Внутренняя жизнь массы Тамбовскаго народонаселенія наканунѣ великой крестьянской реформы не красна была и по внѣшнимъ случайнымъ ея проявленіямъ. То было время особенно сильныхъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ по всей Тамбовской губерніи. Горѣли Тамбовскіе города и веи отъ исконной русской неосторожности, при извѣстныхъ благопрі-

ятныхъ пожарамъ условіяхъ; горѣли они также и отъ поджигателей.

Въ 1860 году былъ пожаръ въ городѣ Моршанскѣ. Въ это время сгорѣла крестьянка Розова съ снохою и трехлѣтнею дочерью. Пожаръ произошелъ отъ поджога. Поджигатели даже не скрывались.

Во время самаго пожара крестьянинъ Паршинъ встрѣтился съ солдатомъ Несчукомъ. Несчукъ сказалъ ему:

— Черезъ день вамъ опять горѣть, я—человѣкъ Польскій и всѣхъ насъ трое.

На это Паршинъ отвѣтилъ:

— И такъ трое сгорѣло.

— Мало этого,—перебилъ его Несчукъ,—и ты сгорѣшь, и жена твоя, и какъ махну я рукою, такъ вамъ и горѣть.

Несчука схватили и посадили въ острогъ. А въ Моршанскѣ между тѣмъ произошла такая паника, что жители стали являться на пожары безъ огнегасительныхъ снарядовъ. «Все равно сгоримъ всѣ,—говорили они,—потому что настала пора чистилища и бѣдствій»...

Поджигатели дѣйствовали съ замѣчательною дерзостію.

Во время Моршанской пожарной паники неизвѣстный злоумышленникъ подкинулъ дьякону Тихонову такую записку: «у тебя нынче ночью пожаръ будетъ». Дали знать объ этомъ полици, которая приняла, разумѣется, всѣ зависящія отъ нея мѣры къ предупрежденію пожара—и встали домъ Тихонова сгорѣлъ.

Во время этой же пожарной эпидеміи, охватившей всю Тамбовскую губернію, въ городѣ Темниковѣ появилась какая-то неизвѣстная личность, переедѣвавшаяся то мужикомъ, то бабою, и страдала обывателей пожарами: придетъ де Тройцынъ день и горѣть тогда Темникову съ трехъ сторонъ.

Особенно сильный переполохъ былъ между жителями города Борисоглѣбска. Многіе изъ нихъ выбирались съ своими пожитками за городъ, а которые оставались въ городѣ, тѣ прятали свое имущество въ погребахъ и подвалахъ. Причиною такого переполоха была слѣдующая записка, подброшенная въ одинъ домъ неизвѣстными людьми. „Во имя Господа Иисуса Христа,—писали неизвѣстные авторы,—будетъ

горѣть городъ Борисоглѣбскъ въ 6 часовъ вечера непремѣнно. Въ трехъ мѣстахъ будетъ подождено нами и вы, жители, вѣрьте себѣ: правильно будетъ сей горестный ужасъ. Вы извините насъ, что мы не хорошо писали, но мы лучше не умѣемъ. Писалъ Дмитрій, а сочиняли 117 человекъ. За тѣмъ прощайтесь съ городомъ Борисоглѣбскомъ“ *).

Велѣдъ за городами начали горѣть болѣе значительныя села. Поджигали ихъ какіе-то мальчики, бабы, солдаты и нищіе. Разъ черезъ село Чемлыкъ, Уманскаго уѣзда, проходила партія нищихъ. И эти нищіе мазали сельскія избы какимъ-то горючимъ составомъ. Нѣкоторые злоумышленники поджигали въ селахъ кабаки и при этомъ удобномъ случаѣ грабили ихъ.

Самые сильныя пожары въ описываемое нами время были въ Тамбовѣ, который лишился своей *дворянской улицы*, и въ Козловѣ. Въ послѣднемъ сгорѣло около 700 домовъ и 4 церкви, всего на сумму до 3 милліоновъ рублей серебромъ.

При такихъ-то тревожныхъ обстоятельствахъ объявленъ былъ въ Тамбовской губерніи великій манифестъ 19 февраля. Повидимому должна была произойти народная смута и не однажды должна была пролиться русская кровь. Но все обошлось, какъ мы замѣтили выше, сравнительно благополучно, благодаря исторически сложившейся великой покорности русскаго народа своему правительству. Правда, въ слѣдствіе разныхъ недоразумѣній между властями и крестьянами выдвигались и у насъ на сцену военныя и полицейскія силы, въ народѣ ходили самые нелѣпныя слухи и несбыточныя надежды и все это, повторимъ опять, прошло мирно и Тамбовская губернія такимъ образомъ вступила въ новую эпоху своего историческаго существованія.

Вотъ что произошло въ Тамбовской губерніи во время крестьянской реформы.

Крестьянинъ Тамбовскаго уѣзда Леоновъ весною 1861 г. разглашалъ на одномъ базарѣ: „всѣхъ помѣщиковъ велѣно искоренить, а крестьянамъ порѣшили отдать всю землю и сдѣлать ихъ совершенно вольными. И кто изъ нихъ до Пасхи не отобьется отъ своихъ помѣщиковъ, тотъ апаѣма проклятъ“.

*) Новое ежеднев. Врем., 1830-го г. № 2-й

Вокругъ красная столпились мужики и бабы; тогда Леоновъ продолжалъ: „въ одномъ уѣздѣ крестьяне взяли у своего помѣщика всю землю и за это обязались кормить его вѣчно, но ихъ позвали въ Питеръ и самъ царь сказалъ имъ: уходите вы отъ меня съ помѣщикомъ своимъ на Китайскую границу и кормите его тамъ, а не здѣсь въ Россіи“ *).

Въ это время въ разговоръ вмѣшался Моршанскій крестьянинъ Торгановъ.

— Все это такъ и очень обидно намъ, что господа и поны скрываютъ настоящую о насъ грамоту. Настоящее положеніе о крестьянахъ выдано съ золотымъ крестомъ и золотыми буквами написано и при немъ приложена медаль.

Около того же времени крестьянинъ Скопытухинъ рассказывалъ въ городѣ Спасскѣ дворянину Жукову слѣдующее: „былъ я во Владимірѣ въ трактирѣ и слышалъ тамъ, какъ неизвѣстные мнѣ люди говорили вотъ что: господа получили въ руки книжки, а въ книжкахъ сказано, что если кто изъ молодыхъ ребятъ пойдетъ въ услуженіе къ господамъ, того отдадутъ въ солдаты, а изъ старыхъ кто наймется, того сошлютъ въ Сибирь, и по такимъ запрещеніямъ работниковъ у господъ не будетъ и земля сама собою поступитъ къ крестьянамъ“ **).

Въ 1861 году въ городѣ Спасскѣ пріѣхали изъ Нижняго Новгорода два молодыхъ человека, Маевскій и Олехновичъ. Оба они были поляки. Такъ какъ они показались подозрительными Спасской полиціи, то ихъ арестовали, при чемъ нашли у нихъ экземпляры самыхъ нелѣпыхъ прокламацій, которыя они называли манифестами. „Всѣмъ крестьянамъ даруется, значилось въ этихъ мнимыхъ манифестахъ,—свобода и земля безвозмездно. Уничтожается рекрутская повинность и солдатамъ всей арміи повелѣвается возвратиться на родину. Уничтожается подушная подать. Въ волостяхъ и городахъ назначается выборъ депутатовъ для избранія властей и членовъ государственнаго совѣта, который предлагается учредить въ Москвѣ для управленія имперіей“ ***).

*) Арх. Тамб. окруж. суд., № 2419-й.

**) Арх. Тамб. губ. правл. № 86-й.

***) Донесенію Тамб. губ. Давдаса министру внутр. дѣлъ, № 82-й.

Между тѣмъ въ имѣніи княгини Гагариной былъ такой случай. Въ ночь на 19 марта 1861 года крестьянинъ Зубковъ сталъ звонить въ большой колоколъ. Сбѣжался народъ. Тогда Зубковъ сталъ рассказывать: „старецъ въ монашеской одеждѣ явился мнѣ въ сновидѣніи и велѣлъ созвать народъ къ богослуженію, дабы всѣ крестьяне молились за дарованныя права и смѣнили все вотчинное начальство, а также и помѣщницу“ *).

Всѣ эти болѣе или менѣе нелѣпые слухи часто приводили легкомысленныхъ Тамбовскихъ крестьянъ къ разнымъ противозаконнымъ дѣйствіямъ. Напримѣръ, 14 сентября 1860 года къ одному Усманскому помѣщику Ханыкову пришелъ пастухъ Силинъ и спросилъ: „но сколько намъ будетъ отъ васъ земли? Потому—всѣ мы теперь вольные и про это есть грамота у нашего священника“. Силина за такія рѣчи схватили и начали везать, но онъ сталъ обороняться и при этомъ плевалъ на Ханыкова и называлъ его злодѣемъ и тираномъ, а барскаго прикащика Барѣева ударилъ по щекѣ. Вестяки его связали и объявили ему, что его повезутъ въ судъ. Тогда онъ сказалъ Ханыкову: „ты грозилъ мнѣ судомъ, а я не боюсь его и за мной весь міръ пойдетъ туда же поголовно“. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Силину дали 50 ударовъ розгами и потомъ отпустили на волю **).

Подъ влияніемъ слуховъ о волѣ нѣкоторые Тамбовскіе крестьяне собрались переселиться на какія-то новыя земли. Однажды крестьянинъ Тарасовъ пришелъ въ Ново-Николаевское волостное правленіе (Козловскаго уѣзда) и съ угрозою сталъ требовать у старшины царскаго указа о перебеленіи бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлыми деревнями въ любія губерніи. „Въ селѣ Грубетчинѣ,—говорилъ онъ,—попъ прочиталъ уже тотъ указъ всему народу“.

Нѣкоторые предупредительные Тамбовскіе помѣщики въ ожиданіи крестьянской воли начали продавать своихъ крѣпостныхъ *на свозъ*. Покупателями у нихъ могли быть, разумеется, только такіе дворяне, которые положительно не вѣрили въ законность и возможность великой реформы... Въ

*) Арх. Тамб. губ. правл. № 99-п.

***) Арх. Тамб. окруж. суда, № 940-п.

1860 году Елатомскій помѣщикъ Ярышкинъ продалъ своихъ крестьянъ соли Виряева нѣкому Королькову. Такъ какъ Виряевцамъ приходилось переселяться въ Нижегородскую губернію, а они между тѣмъ со дня на день ждали царской освободительной грамоты, то всѣ и разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ съ малыми дѣтьми и стариками, съ своею убогою рухлядью и скотиною. Въ лѣсныхъ труппахъ Виряевскіе крестьяне пробыли недолго, голодъ вернулъ ихъ домой. Тогда полиція силою хотѣла переселить ихъ къ новому помѣщику, но они снова въ полномъ составѣ своемъ убѣжали и уже въ лѣсахъ и оврагахъ Елатомскіе полицейскіе чины ловили ихъ и потомъ препровождали въ уѣздный острогъ *).

Въ имѣніи Осипова, Козловскаго уѣзда, неповиновеніе помѣщицкой власти оказали одиѣ женщины. Розданный имъ для обработки господскій лѣсъ онѣ побросали въ воду и при этомъ шумѣли: „не хотимъ работать на барина, мы теперь вольныя“.

Въ селѣ Русскомъ, Тамбовскаго уѣзда, крестьянъ волновалъ солдатъ Войкинъ, по своему разъясняя имъ крестьянскія права. Результатомъ этого было то, что крестьяне начали грубить своему управляющему Юревичу. Юревичъ, какъ человѣкъ благоразумный и осторожный, собралъ сходъ и сказалъ всему сельскому міру: „давайте, братцы, потолкуемъ, какъ намъ по прежнему жить въ мирѣ и согласіи“. Въ отвѣтъ на это изъ толпы послышались такія слова: „не хотимъ жить по прежнему, давай намъ лѣсу, сколько хотимъ, давай намъ овецъ и сѣна и не новоль работой“.

Въ селѣ Вокинѣ крестьяне отказались повиноваться своей помѣщицѣ Воейковой. Такое рѣшеніе было выказано ими на мірскомъ сходѣ. „Слушайте, православныя, — говорилъ на міру крестьянинъ Ефимовъ. — уставной грамоты мы не хотимъ, на сорокадневную работу и девятирублевый оброкъ неидемъ, а на будущій годъ будемъ ждать новой царской воли“. Въ село Вокино вытребована была военная команда. Зачинщиковъ схватили и приготвили сѣчь. Тогда остальные Вокинскіе крестьяне, всѣ до одного, раздѣлись и по-

*) Арх. Тамб. окруж. суда, № 1211.

требовали, чтобы и их съкли. „Если ужъ съчь,—говорили они,—такъ съчь всѣхъ“ *).

Былъ и такой случай. Помѣщикъ Муратовскій требовалъ съ своихъ крестьянъ оброкъ. Тогда крестьяне Чуровъ и Назаровъ вышли впередъ и сказали съ усмѣшкой: «какой теперь, баринъ, оброкъ; подожди - можетъ на слѣдующей недѣлѣ будущаго года и отдадимъ». Съ этими словами всѣ крестьяне одинъ по одному пошли по домамъ.

Подобные беспорядки поддерживались въ нѣкоторыхъ Тамбовскихъ имѣніяхъ самими помѣщиками и ихъ управляющими.

«Въ имѣніи г. Сатина, — писалъ генералъ Винценгероде, — управляющій старается внушить крестьянамъ, что онъ въ силахъ заставить ихъ работать не два года, а пять и болѣе лѣтъ, и тѣмъ вселяетъ въ нихъ нерасположеніе и недовѣріе къ помѣщикамъ».

«У помѣщика Игверсена, — писалъ тотъ же Винценгероде, — съ крестьянъ собраны были подушныя деньги и опять потребованы. Въ имѣніи Шуваловой крестьяне кромѣ 25-ти рублеваго оброка отбываютъ стѣснительную работу. У г. Циммермана крѣпостныя работаютъ даже на Пасху. А у г. Лихарева на барщину гоняютъ и малыхъ ребятъ».

Въ обширныхъ владѣніяхъ князя Меньшикова управляющій Мюдушевскій не давалъ крестьянамъ полного надѣла и отрѣзывалъ у нихъ въ паровыхъ поляхъ по нѣскольку сажень у cadaго. Къ счастью, за крестьянъ знатнаго барина энергически вступился мировой посредникъ Л. В. Вышеславцевъ, вызвалъ Мюдушевскаго къ губернатору Данзасу и покончилъ дѣло полнымъ удовлетвореніемъ крестьянъ, не смотря на то, что названный нами управляющій нерѣдко толковала всѣмъ крѣпостнымъ своего господина: «что мнѣ вашъ мировой посредникъ, что хочу, то и дѣлаю».

Крестьянскіе беспорядки нерѣдко выражались въ самыхъ грубыхъ формахъ. Такъ, въ имѣніяхъ Воейкова и Венедиктова крестьяне выражали недоброжелательство своимъ помѣщикамъ тѣмъ, что по ночамъ выбивали въ ихъ домахъ стекла. Но особенно часто крестьянскія волненія проявлялись въ томъ, что дворовые и тяглые начали истреблять и похищать

**) Арх. Тамб. окруж. суда, № 2551-й.

барское имущество: рубили лѣсъ, производили потраву луговъ, ломали замки у господскихъ амбаровъ и овинновъ и вывозили оттуда хлѣбъ въ собственные закрома, а иногда отбирали въ свою пользу барскій скоть и птицу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наивная вольница основывалась на слѣдующемъ мнимо законномъ принципѣ: «теперь все наше, а не барское — потому царь землю намъ отдалъ».

Расхищеніе помѣщичьяго имущества мѣстами принимало довольно значительные размѣры. Такъ, въ дачахъ помѣщичья Эйхлеръ, Темниковскаго уѣзда, крестьяне вырубали около 3 тысячъ деревьевъ. Того же уѣзда у помѣщика Никифорова полѣсовщикъ Аверьяновъ сжегъ 50 десятинъ лѣсу. Когда начался лѣсной пожаръ и къ Аверьянову приближались сказать объ этомъ, онъ отвѣчалъ: «знаю и безъ васъ, что лѣсъ горить, ну и пусть себѣ горить съ самими хозяевами» *).

А въ селѣ Салтыковыхъ Бутахъ, въ имѣніи князя Гагарина, крестьяне вырубали барскій лѣсъ и послѣ того заявили Спасской полиціи, что всѣ они поголовно хотятъ записаться въ казаки.

Съ особенною силою крестьянскіе безпорядки обнаружались въ слѣдующихъ имѣніяхъ Тамбовской губерніи: въ Козловскихъ имѣніяхъ Черкасова, Рахманова, Григорьевой и Воронцагиной; въ Тамбовскомъ уѣздѣ — у Рагозы и Урнжонскаго; въ Шацкомъ — у Арнольди, Мосолова и Бягалачевой; въ Елатомскомъ — у Чубарова, Москатиньева, Холопова и Никифорова; въ Лебединскомъ — у помѣщика Арсеньева; въ Усманскомъ — у Баранова; въ Телниковскомъ — у Веденипина и у Муханова; въ Кирсановскомъ — у Лескенъ и Андреевскаго и въ Моршанскомъ — у Безобразова. При этомъ нѣкоторые крестьяне до такой степени увлекались, что принимались разбивать питейные дома и уничтожать изоляторы на телеграфныхъ столбахъ.**) Когда же въ одно имѣніе прибылъ для усмиренія крестьянъ генераль-адъютантъ Ифимовичъ, то его не хотѣли признавать за генерала: «кто знаетъ, — говорили про не-

*) Арх. Тамб. окруж. суда, № 2143-й.

**) Въ числѣ арестованныхъ за крестьянскіе безпорядки оказались слѣдующіи лица: семинаристъ Крипскій, дѣконъ Говоровъ, чиновники Важенновъ и Турчаниновъ и купецъ Ширяевъ.

го,—генераль ли онъ, можетъ статья какой либо подготовленный управляющимъ имѣніемъ».

Всѣ Тамбовскія крестьянскія волненія отличались величайшею наивностію и, разумѣется, не представляли для губерніи никакой серьезной опасности и весьма скоро укрощались земскою полиціей, или же, чаще, мировыми посредниками, которые большею частію были у насъ люди образованные, честные, стоявшіе на высотѣ своего призванія. Случаи вмѣшательства въ крестьянскія дѣла военныхъ командъ въ Тамбовской губерніи были очень рѣдки и отличались характеромъ извѣстныхъ экзекуцій, послѣ которыхъ волненія и недоумѣнія обыкновенно совершенно прекращались. *) Не одинъ десятокъ архивныхъ связокъ, относящихся къ эпохѣ крестьянской реформы, рассмотрѣли мы и ни разу не встрѣтили фактовъ вооруженнаго сопротивленія Тамбовскихъ крестьянъ воинскимъ командамъ. Всѣ крестьянскіе бунты въ Тамбовской губерніи выражались обыкновенно такъ. Крестьяне упорствуютъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и не слушаютъ земской полиціи и при этомъ думаютъ, что они правы и законъ на ихъ сторонѣ. Послѣ этого въ села и деревни приходятъ военныя команды, крестьянъ окружаютъ и сбиваютъ. Результатомъ этого сѣченія всегда было полное раскаяніе и повинное со стороны крестьянъ, которые дѣлались *тише воды, ниже травы*. Причиною такого сравнительно мирнаго исхода Тамбовской крестьянской реформы было между прочимъ то, что въ описываемое нами время въ Тамбовской губерніи былъ весьма счастливый выборъ мировыхъ посредниковъ и жандармскихъ офицеровъ—людей безукоризненно честныхъ.

Заканчивая нашу рѣчь о Тамбовской реформѣ 1861 года, мы не можемъ не упомянуть добрымъ словомъ Тамбовскаго губернатора К. К. Данзаса, при которомъ эта реформа осуществилась. Данзасъ отлично зналъ, въ какихъ уѣздахъ губерніи какіе помѣщики и какіе крестьяне. Вслѣдствіе этого онъ отдавалъ такія приказанія. Пріѣзжаетъ къ нему извѣстный дѣятель по крестьянской реформѣ и требуетъ инструкцій. «Пугните крестьянъ»—внушаетъ ему Данзасъ. Пріѣзжаетъ

*) Для усмиренія Тамбовскихъ крестьянъ въ 1861 году на военное положеніе поставлены были Казанскій, Азовскій и Углицкій полки и нѣсколько стрѣлковыхъ баталіоновъ.

другой уѣздный дѣятель. «Пугните помѣщиковъ», — совѣтуетъ Данзасъ. А трестъему говоритъ: «не мѣшайтесь въ переговоры между помѣщиками и крестьянами: дѣло безъ васъ лучше устроится.» И всегда по этимъ совѣтамъ Данзаса крестьянскія и помѣщичьи недоразумѣнія оканчивались въ извѣстной степени благополучно.*)

Вслѣдъ за крестьянскою реформою благополучно прошли въ нашемъ краѣ и другія великія реформы прошлаго царствованія. Дотошная глухая губернія разомъ стала въ уровень съ лучшими русскими провинціями. *Дикое поле* Тамбовское явилось одною изъ самыхъ солидныхъ экономическихъ и нравственныхъ силъ Россійской имперіи, получивъ это значеніе многочисленностію своего народонаселенія, по преимуществу русскаго, и сравнительно широкимъ развитіемъ сельско-хозяйственной промышленности. Съ особенною силой мѣстная культура стала выражаться въ развитіи народныхъ школъ и въ подлѣмъ разныхъ городскихъ училищъ. Какъ гражданинъ города Тамбова, пишущій эти строки съ удовольствіемъ отмѣчаютъ тотъ знаменательный фактъ, что ни одинъ городъ во всей имперіи не тратитъ столько общественныхъ суммъ на училищное дѣло, какъ Тамбовъ...

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Тамбовской губерніи, именно въ городѣ Моршанскѣ, произошелъ знаменитый скопческій процессъ Платицына. Скопчество въ первый разъ съ особенною силою обнаружилось въ нашей губерніи еще въ 1812 году. Въ это время въ Моршанскѣ оскопились соейства купцовъ: Платицына, Попова, Кудинова и Загороднаго, за исключеніемъ жены послѣдняго Екатерины, которая и донесла объ этомъ происшествіи губернатору Нилову. «Ради самого Бога и Пречистой Ею Матери, — писала она между прочимъ, — скройте имя доносицы, да не останется въ потомкахъ нашего родства порочность на мнѣ несчастной, и не оставьте предписать городскому головѣ имѣть меня въ своемъ покровительствѣ.» Впечатлѣніе отъ этого событія было тѣмъ сильнѣе, что всѣ оскопившіеся Моршанскіе купцы были люди богатые и не жалѣли денегъ на распространеніе своего, по ихъ

*) Ежедневн. Новое время, 1880-й годъ, № 51-й.

словамъ, *голубинаго* ученія. Но вѣроятно не одними деньгами вербовали они прозелитовъ въ свою мрачную секту. Была въ нихъ странная и непонятная сила убѣжденія. Поэтому ихъ рабски и добровольно слушались даже такіе люди, которые ничего уже не могли ждать отъ жизни, наприимѣръ, колодникъ Моршанской тюрьмы, Михаилъ Ивановъ. Назадъ тому два мѣсяца, — объяснялъ онъ Моршанскому суду, — вздумалъ я оскопить себя для прекращенія плоти и вчера въ полночь, когда всѣ спали, найденнымъ въ канавкѣ ножомъ самъ себя порѣшилъ и отрѣзалъ ключи ада.*)

Дѣятельность Моршанскихъ сектантовъ съ особенною силою распространилась въ Моршанскомъ и Козловскомъ уѣздахъ, преимущественно въ селахъ: Стежкахъ, Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, Сосновкѣ и Крюковѣ. Нѣкоторые крестьяне, подъ вліяніемъ скопческихъ наставниковъ, цѣлыми семьями уродовали себя *царствія риди небеснаго*, пользуясь при этомъ обыкновенными тушыми ножами. Такъ поступили однодворцы: Фатѣй, Прокофій, Сазонъ, Илья и Савостьяны Ефремовы. Последнѣ операціи они сами же донесли на себя земскому суду. «И то мы сдѣлали, — писали они, — къ спасенію душъ нашихъ простыми ножами». Оскопивъ себя, фанатики тоже сдѣлали съ своими малыми дѣтьми. Двое изъ нихъ, Савостьяны и Павелъ, сначала не давались операторамъ и отчаянно кричали, но отцы въ полѣ на работѣ чѣмъ-то опоили ихъ. Тогда они крѣпко заснули и проснулись уже невольными скопцами.

Дѣла о скопцахъ не возобновлялись администраціей до 30-хъ годовъ. Мирно *люди Божіи* совершали свои радѣнія, наружно исполняли православные обряды, отличались трезвою и скромною жизнью, ласково принимали въ домахъ своихъ православныхъ священниковъ, щедро расплачивались съ чинами земской полиціи и другими властями и вслѣдствіе строго организованной своей солидарности богатѣли.

Въ 1838 году началось *дѣло* купца Егора Иванова Платина, извѣстнаго богача и главнаго наставника всѣхъ Тамбовскихъ скопцовъ. Предъ судомъ явился 70-ти лѣтній старикъ, увѣщанный медалями и на всю губернію прославлен-

*) Арх. губер. правл. № 66-й.

ный щедрыми пожертвованіями и значительными частными благодареніями. Платицына оправдали. Между тѣмъ улики противъ него были такого положительнаго свойства, что только прежніе суды могли оставить ихъ безъ вниманія. Къ числу такихъ уликъ мы относимъ письмо Егора Платицына къ его племяннику Максиму Кузьмину Платицыну, герою извѣстнаго Моршанскаго процесса 1868 года.

«Поклонись отъ меня, — писалъ Егоръ Платицынъ, — коммисіонеру Шеметову, да благодари его за хлопоты по дѣлу Аристова. Хотя я по слѣдствію и не доказанъ былъ, но ты самъ знаешь: я съ нимъ поддерживалъ нашу секту. А теперь меня тревожитъ уѣздный судъ на счетъ вновь открытыхъ скопцовъ-дѣвокъ, которыя живутъ въ Моршанскѣ у Кунавина. Всѣ онѣ оскотлены по нашему обряду, мною придуманному. Попроси освобить ихъ отъ суда, иначе всѣ мы пропали и напей секты больше не будетъ въ Моршѣ».

Въ то же время Егоръ Платицынъ писалъ своему коммисіонеру Шеметову: „назадъ тому годъ окастрачены дѣвка Анисья, моя работница, Татьяна да Матрена. И я прошу васъ похлопочите за нихъ, когда дѣло будетъ у министра, а деньги возьмите у племянника, сколько вамъ будетъ нужно. Спасибо нашему стрипчеху Григорію Васильевичу. Онъ меня и прочихъ освободилъ. Да смотри хлопочи — не жалѣй насъ“.

Для формы сдѣлали обыскъ въ домѣ Егора Платицына. Написли и тамъ серьезныя улики противъ скопческаго начальника, а также и противъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, *награвившихъ руки* около такой доходной статьи, какъ общество *блтыхъ голубей*. Такъ, въ письменномъ ящикѣ у Платицына оказалось письмо къ нему Тамбовскаго купца Мандрыкина съ слѣдующею припискою: „чиновникъ Борисовъ велѣлъ тебѣ прислать 1000 рублей и ты это письмо скрой на огнѣ“. *)

Въ 1841 году Егоръ Ивановъ Платицынъ умеръ, передавъ свои капиталы и свое значеніе въ скопчество Максиму Кузьмичу Платицыну. И опять началась подпольная работа и снова появились массы прозелитовъ дикаго ученія. Самъ Платицынъ болѣе и болѣе богатѣлъ, украшался золотыми медалями и орденами, строилъ церкви, съ гордостію носилъ

*) Арх. губер. правл. № 46-й.

пріютскій мундиръ, благодѣтельствовалъ чиновникамъ и втихомолку обдѣлывалъ свои дѣла, не пренебрегая при случаѣ и грубымъ насиліемъ. Такъ дѣло шло до конца 1868 года. Въ это время нѣкто чиновникъ Боголюбовъ, послѣ неоднократныхъ доносовъ на Платицына и его скопческую пропаганду, добился наконецъ до знаменитаго Платицынскаго процесса.

„Съ 1862 года, — писалъ Боголюбовъ, — началъ я подавать прошенія на высочайшее имя, но просьбы мои пропадали и все это было хлопоты Платицына. Сидѣлъ я по своему дѣлу 11 мѣсяцевъ въ острогѣ и въ это время Платицынъ оскотплялъ многихъ насильно и то дѣлалъ онъ, не боясь судей и начальниковъ по своему богатству“.

24 декабря 1868 года въ домѣ Максима Платицына сдѣланъ былъ обыскъ. Моршанскій полицмейстеръ Тришатный и жандармскій офицеръ Шкотъ подошли къ Платицынскимъ воротамъ въ 8 часовъ вечера. Всѣ 5 домовъ скопческаго главы стояли на соборной площади, точно какіе нибудь редуты — мрачныя и съ заложеными кирпичемъ окнами. Только въ одномъ деревянномъ флигелѣ, гдѣ жилъ самъ Максимъ Платицынъ, слабо свѣтился огонекъ. Слѣдователи начали громко стучать въ калитку и именемъ закона приказывали поскорѣе впустить ихъ. Тогда за стѣнами началась усиленная бѣготня, темныя фигуры за тѣмъ-то бѣгали по двору отъ дома къ дому и отъ подвала къ подвалу. Только въ 10 часовъ государственная полиція могла проникнуть въ апартаменты Платицына, который въ это время лежалъ въ постели и протестовалъ, по адресу своихъ неожиданныхъ гостей, во имя своего почетнаго гражданства, старости и медальныхъ украшеній. Старикъ-скопееъ, повидимому, былъ застигнутъ слѣдственною комиссіею врасплохъ и изображалъ изъ себя угнетенную невинность. Между тѣмъ правительственные планы извѣстны были ему давно, такъ какъ предупредительно и своевременно его увѣдомили обо всемъ нѣкоторые чиновники, которымъ эта измѣна служебному долгу была не безвыгодна. А Моршанскій судебный слѣдователь, получивъ телеграмму о произведеніи немедленнаго обыска въ Платицынскомъ домѣ, къ удивленію всего города, казался больнымъ, хотя въ здоровьи его никто не сомнѣвался. Правда, всѣ эти Моршан-

скіе дѣльцы, по распоряженію губернатора, были удалены отъ мѣстъ; но легка для нихъ была сытая ихъ отставка и долго на своихъ *лаврахъ стараго чиновничьяго режима* почивали они, тихонько подсмѣиваясь надъ оффиціальною суровостію губернской администраціи.

Окончательный обыскъ въ домъ Платицына сдѣланъ былъ въ январѣ 1869 года. Въ это время нашли у него слѣдующія подозрительныя вѣща: портретъ Петра III съ кружкомъ надъ головой, какъ изображаютъ это иконописцы на иконахъ, и съ сіяющими звѣздами. Надъ постелью Платицына нашли портреты Кондратія Селиванова и Александра Шилова. Тутъ же висѣла фотографическая карточка нѣскою Анны Сафоновны — Сосновской крестьянки, которую скопцы величали Богородицею. Скопческая Богородица изображена въ видѣ простой деревенской женщины съ платкомъ на головѣ и груди и съ цѣткомъ въ рукѣ.

Библіотека богатаго Моршанскаго коммерсанта оказалась въ самомъ скромномъ составѣ, именно въ видѣ калондари за 1840 годъ, при чемъ на поляхъ книжки слѣдователя прочитали такую подозрительную надпись Максима Платицына: „я дождусь трехъ государей и новаго словесника“. А черезъ нѣскольکو страницъ его же рукою на поляхъ написано: „мягкая постель оказалась подлѣющею; кажется — теперь намъ конецъ. А впрочемъ Курская партія въ 104 человекъ опрошена и оставлена пока безъ преслѣдованія“.

Стали послѣ того опечатывать въ кладовыхъ сундуки съ деньгами и, къ общему удивленію, всего Платицынскаго капитала насчитали только 400,000 рублей. Куда же дѣвались несомнѣнно существовавшіе скопческіе милліоны — это и доселѣ неизвѣстно. Вѣроятно всего, самъ Платицынъ заблаговременно помѣстилъ ихъ въ вѣрныя руки своихъ единовѣрцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ послѣдствіи вдругъ и чрезвычайно разбогатѣли. По крайней мѣрѣ въ этомъ имѣнно смыслѣ высказывались многіе свидѣтели по дѣлу Платицына и тоже писали слѣдователямъ неизвѣстные авторы въ анонимныхъ письмахъ. Наконецъ и доселѣ еще сохраняются у насъ преданія о томъ, какъ въ домахъ нѣкоторыхъ Моршанскихъ обывателей — скопцовъ въ дровяныхъ складахъ были находимы толстыя пачки серій и кредитныхъ билетовъ...

Всѣхъ подсудимыхъ въ Моршанскомъ процессѣ оказалось 40 человекъ. Изъ этого числа 9 женщинъ разнаго возраста жили въ Платицынскомъ домѣ на полномъ содержаніи. Всѣ эти фанатическія женщины, какъ это подтвердила медицинская экспертиза, подвергнуты были полному оскотпленію, т. е. порчѣ грудей и половыхъ органовъ, и составляли *священную* свиту скопческаго наставника. Между тѣмъ самъ Платицынъ, какъ человекъ осторожный и дальновидный, не былъ оскотпленъ и повидимому былъ ревностнымъ сыномъ православной церкви. Онъ аккуратно посѣщалъ церковныя службы, 30 лѣтъ ежегодно исповѣдывался и пріобщался и въ царскіе дни, украшенный многочисленными медалями и орденомъ и пріютскимъ мундиромъ, стоялъ въ соборѣ впереди народа, вмѣстѣ съ городскими властями, и *благоговѣнно* подходилъ ко кресту.

Самое тяжелое впечатлѣніе на слѣдователей по Платицынскому дѣлу произвело слѣдующее открытіе. Подъ домомъ Платицына нашли обширный и глухой подвалъ съ массивною и желѣзною дверью. Здѣсь производились вольныя и невольныя скопческія операціи. По словамъ Боголюбова, давашаго ходъ Платицынскому процессу, — *крику изъ того подвала было неслыхать, а умиравшихъ отъ неискускаго рѣзанія хоронили тихонько по ночамъ тутъже на дворъ или въ подполье.*

Максимъ Платицынъ упорно отказывался отъ всякаго участія въ скопческихъ радѣніяхъ и ереси. „Откуда всѣ улики явились, — говорилъ онъ, — не знаю. Женщинъ при себѣ держалъ я для домашней услуги, а что онѣ были оскотплены — не зналъ я. Портреты скопцовъ Селиванова и Шилова и инныя подобныя вещи какъ очутились у меня, тоже не помню и не знаю“.

Платицынское дѣло повели, вслѣдствіе рѣшительныхъ приказаній изъ Петербурга, съ такою энергіею, что всѣ скопческіе капиталы оказались въ этомъ случаѣ безсильными. Самъ Платицынъ лишенъ былъ отличій и всѣхъ правъ и посланъ на поселеніе въ восточную Сибирь. Той же участи подверглись и главные помощники скопческаго ересиарха.

Въ настоящее время Максима Платицына нѣтъ уже на свѣтѣ. Капиталы его куда-то исчезли, но скопчество въ Там-

бовской губерніи, по своему алчущей и жаждущей правды, не исчезло еще и ждет оно разумной и доброй христіанской проповѣди, да болѣе нормальныхъ условій нашей общественной жизни, чтобы *сгнать* и такимъ образомъ очистить русскую религіозно-народную жизнь отъ самыхъ мрачныхъ и фанатическихъ ея осложнений. Исчезнетъ съ лица земли Тамбовской скопчество, пропадутъ можетъ быть и инныя мѣстныя многочисленныя секты и явится бывшая наша *глушь* въ возможномъ разцвѣтѣ своей культуры...

Признаки этого желаннаго разцвѣтанія есть уже и теперь. Въ теченіе предшлѣднѣяго десятилѣтія нашъ край обогатился многими весьма полезными учебными заведеніями, въ которыхъ такъ нуждалась, нуждается и долго еще будетъ нуждаться вся наша Русь. Такимъ образомъ просвѣтительный свѣтъ быстро и широкою полосою сталъ проникать и въ нашу дотолѣ темную сторону... И ждемъ мы отъ своихъ скромныхъ повидимому, но могущественныхъ по существу училищныхъ реформъ новой эры нашей провинціальной жизни, потому что, по нашему глубокому убѣжденію, корень высшей культуры всякаго народа заключается именно въ развитіи школы.

Къ сожалѣнію, доселѣ нашъ край слишкомъ бѣденъ въ литературномъ отношеніи. На всемъ обширномъ пространствѣ Тамбовской губерніи въ настоящемъ 1883 году имѣются только 3 мелкихъ изданія; между тѣмъ потребности въ мѣстныхъ органахъ печати ощущается всеми весьма замѣтно и нельзя сказать, чтобы край нашъ въ настоящее время не имѣлъ достаточно силъ, способныхъ къ литературной работѣ... Но мы вѣримъ, что за развитіемъ училищнаго дѣла естественно явится у насъ и литература.

Здѣсь мы оканчиваемъ свою первую главу и переходимъ ко второй—о Тамбовской церкви.

II.

КЪ ИСТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ началѣ русской исторіи Тамбовскій край стоялъ внѣ нашей государственной жизни. Въ нашихъ дебряхъ, пустошахъ и дикихъ поляхъ обитали языческія Финскія племена: Мордва и Мещера, Чудь, Меря, Весь, Мурома и Черемисы. Всѣ они занимались звѣроловствомъ и производили обширную торговлю мѣхами. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть смутныя указанія на то, что наши аборигены не разъ подвергались опустошительнымъ набѣгамъ Печенѣговъ, Камскихъ Болгаръ и Половцевъ. Въ это время обильно проливалась кровь нашихъ предковъ, развивалось на всемъ своемъ просторѣ глубокое и разнообразное человѣческое горе и только давность и смутность историческихъ извѣстій скрываютъ отъ насъ наше прошлое... Когда явились первые русскіе колонисты въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи, намъ неизвѣстно. Первые русскія лѣтописныя извѣстія о русскихъ городахъ въ нашемъ Мордовско-Мещерскомъ краѣ относятся къ XIII вѣку. Въ 1209 году въ городѣ Кадомѣ, принадлежавшемъ Рязанскому князю, убитъ былъ возмущившимся жителями тысяцкій Матвій Андреевичъ. Въ это время русскіе вели упорную борьбу съ Мордовскими самостоятельными князьями Пургасомъ и Перешомъ. Но скоро эта племенная вражда замолкла. Наступили тяжелые годы Монгольскаго нашествія. Описывая ихъ, Воскресенская лѣтопись говоритъ о нападеніи татаръ на владѣнія Липецкаго князя Святослава, укрывшагося въ Воронежскихъ лѣсахъ. Съ этого времени Тамбовскій край, въ которомъ началась уже усиленная русская колонизація, надолго сдѣлался *дикимъ полемъ*. Въ XIV вѣкѣ рус-

скій митрополитъ Пиментъ совершалъ черезъ наши степи извѣстное свое „хождение въ Царьградъ“. Московскій святи- тель плылъ по Дону въ нынѣшнемъ Лебедянскомъ уѣздѣ и вотъ что сказано о нашихъ мѣстахъ въ его путевыхъ запис- кахъ: „сие путное шествіе бысть печально и уныльно, баше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села“.

Всѣ эти смутныя лѣтописныя сказанія представляютъ, конечно, слишкомъ слабый источникъ для мѣстной церков- ной исторіи, такъ что вопросъ о началѣ Тамбовской церкви является открытымъ. Несомнѣнно, что христіанство въ Там- бовскомъ краѣ явилось одновременно съ русскою колониза- ціею. Но какъ оно постепенно развивалось—этого мы не знаемъ. Намъ извѣстно только то, что до второй половины XIII вѣка малочисленныя церкви нынѣшняго Тамбовскаго края принадлежали къ Черниговской епархіи. Съ этого же времени южная часть Тамбовской губерніи отошла къ Сар- ской епархіи, средняя,—къ Рязанской, Сѣверная—къ Рос- товской и Муромской. Юная Тамбовская церковь, повиди- мому, имѣла сильное вліяніе на мѣстныхъ инородцевъ. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ половинѣ XIV вѣка въ нашемъ Мещерскомъ краѣ крестился владѣтельный татар- скій князь Беклемишъ Ширинскій *со многими людьми*. А при великомъ князѣ Дмитріи Донскомъ въ нашей мѣстно- сти проживалъ крещенный Мордовскій князь Александръ Уковичъ, впоследствии продавшій названному Московскому государю всѣ свои владѣнія.

Усиленное развитіе христіанства въ нашемъ отечествѣ всегда характеризовалась построеніемъ монастырей, которые въ прежнія времена имѣли несомнѣнное и громадное націо- нально-религіозное значеніе. Поэтому весьма любопытно бы- ло бы знать, когда начались наши древнѣйшія Тамбовскія обители.

Сохранилось преданіе, что наша первая пустынь осно- вана при сынѣ Дмитрія Донскаго Василии I-мъ, на томъ са- момъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Лебедянскій Троицкій мо- настырь. Основателемъ ея былъ разбойничій атаманъ Тяпка, а первымъ игуменомъ—нѣкто старецъ Петръ. У старца Пет-

ра былъ въ послушаніи какой-то русскій владѣтельный князь, за тяжкое преступленіе изгнанный великимъ княземъ изъ Московскихъ предѣловъ. Можно думать, что это былъ Смоленскій князь Юрій Святославичъ, убійца Вяземскаго князя Симеона Мстиславича и его супруги Юліаны...

Съ усиленіемъ христіанства въ мѣстномъ народонаселеніи увеличивалось количество монастырей, одинъ изъ которыхъ существуетъ и доселѣ. Это—Шацкій Николаевскій Черніевъ монастырь. Основанъ онъ въ 1573 г. старцемъ Матѳеемъ на мѣстѣ одной ветхой церкви, *больше ста лытъ стоявшей безъ пштыя...* Результатомъ этого было то, что многіе язычники изъ Мордвы, присматриваясь къ православной обрядности и прислушиваясь къ стройному монастырскому пѣнію, охотно и сами дѣлались православными. Самъ первый строитель Черніевой обители больше всей братіи занимался миссіонерствомъ.

Подговоромъ и лебзюю, — по словамъ старинныхъ актовъ, — онъ приобрѣлъ для православной церкви изъ Мордвы 25 чело-
вѣкъ. Съ этого времени въ глухой Мордовско-Мещерской сторонѣ стали возникать сельскіе храмы, появилось подъ защитою *сторожевицъ и оборонныхъ* властей русское духовенство и вслѣдствіе этого наши инородцы все крѣпче и крѣпче притягивались къ Московской державѣ.

Во второй половинѣ XVII вѣка большинство Тамбовской Мордвы все-таки оставалось въ язычествѣ. Поэтому Рязанскій архіепископъ Мисаилъ, съ разрѣшенія патріарха Никона, принялъ на себя апостольскій трудъ христіанскаго про-
свѣщенія язычниковъ. Въ 1665 году, обративши въ христіанство болѣе 4500 душъ, преосвященный плылъ однажды изъ села Конобеева въ деревню Енбирную и въ это время, какъ мы сказали выше, убитъ былъ языческою Мордвою. Смерть доблестнаго архипастыря—миссіонера не утратила, однако, его послѣдователей—учениковъ и Темниковскій священникъ Іоаннъ вмѣстѣ съ Краснослободскимъ священникомъ Іосифомъ дѣятельно и плодотворно проповѣдывали христіанство въ Мордовскихъ захолустьяхъ. Но не всѣ Тамбовскіе миссіонеры дѣйствовали подобно имъ. Иные обращались къ содѣйствію свѣтской власти и силою крестили Мордву, или же сманивали ее на свою сторону подарками, выдавая новокре-

ценамъ по рублю, а женамъ ихъ по 50 коп. Въ это время подъячій Починковской конторы (Потапшой) Василій Симоновъ представилъ духовному начальству слѣдующій проэктъ христіанскаго просвѣщенія Мордвы. „Надлежитъ устроить, — писалъ онъ, — близъ Мордовскихъ сель школы для инородческихъ мальчиковъ, коихъ брать по одному съ 10 дворовъ. Учебники имъ раздавать даромъ: азбуки, часословы и псалтыри. Содержаніе училищъ возложить на Мордву, и объ ихъ успѣхахъ 3 раза въ годъ доносить въ Москву“.

Проэктъ Симонова не былъ принятъ и авторъ его сочтенъ былъ почему-то за человѣка *не въ помомъ умъ*. Какъ бы то ни было, христіанство въ Мордовскомъ краѣ, вслѣдствіе усиленнаго притока русской колонизаціи все усиливалось. Отъ этого къ концу XVII столѣтія край нашъ въ религіозномъ отношеніи на столько обновился, что явилась наконецъ возможность основать самостоятельную Тамбовскую епархію.

Тамбовская епархія открыта въ февралѣ 1682 года повелѣніемъ царя Феодора Алексѣевича и по благословенію свѣтѣйнаго патріарха Іоакима. Первымъ Тамбовскимъ (и Козловскимъ) епископомъ былъ Леонтій, управлявшій епархіею около трехъ лѣтъ. Служебная карьера нашего перваго архипастыря была весьма печальна: за раскольническія мнѣнія епископъ Леонтій былъ сосланъ въ Суздальскій Евфиміевъ монастырь. Что потомъ было съ нимъ, мы не знаемъ. По словамъ извѣстнаго Строева, Леонтій упоминается въ числѣ Суздальскихъ заточниковъ въ 1707 году. Вѣроятно, именно въ этомъ году онъ и умеръ.

Съ 15 февраля 1685 года и по 28 іюля 1698 года Тамбовской епархіею управлялъ знаменитый Питиримъ, бывшій дотолѣ архимандритомъ Вяземскаго Предтечева монастыря. Мѣстное народонаселеніе сохраняетъ объ этомъ святителѣ благоговѣйную память и приникаетъ къ его гробницѣ съ особенною вѣрою и надеждою на ея прославленіе. Дѣйствительно, преосвященный Питиримъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ, трудолюбіемъ и простотою въ жизни. Онъ часто служилъ, ни сколько не стѣняясь бѣдностію современной ему Тамбовской церковной обстановки, или же

становился на клиросѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ соборнымъ причтомъ. Съ особеннымъ усердіемъ прославленный нашъ владыка относился къ монашеской жизни, понимая ее въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Памятниками его аскетически-идеального направленія въ настоящее время служатъ Трегудяевъ, Предтечевъ и Вознесенскій женскій монастыри.

Въ то же время воздвигнутъ былъ имъ нижній этажъ Тамбовскаго Преображенскаго собора. Всѣ эти сооруженія нашего приснопамятнаго архипастыря, по крайней бѣдности каюедры его, отличались скромностію размѣровъ и скудостію всѣхъ церковныхъ утварей. Самъ преосвященный, чуждый внѣшняго величія, служилъ литургіи въ тѣсномъ и убогомъ правомъ придѣлѣ Преображенскаго собора, такъ какъ у него не было средствъ окончить начатую имъ постройку. Еще и доселѣ сохраняется въ Тамбовской соборной ризницѣ фелонь Питирима, подложенная крашениною... Но бѣдный матеріально и совершенно неискательный епископъ Питиримъ обильно восполнялъ свою внѣшнюю нищету внутреннимъ и нравственнымъ богатствомъ и такимъ образомъ имя его является намъ въ ореолѣ апостольской славы...

Преемникомъ Питирима былъ у насъ епископъ Игнатій, бывший архимандритъ Рязанскаго Солотчинскаго монастыря. Онъ управлялъ епархіею только полгода и сосланъ былъ царемъ Петромъ въ Соловки на *вынное* житье. Причиною этого было то, что Игнатій былъ невнимателенъ къ извѣстнымъ царскимъ указамъ относительно церковныхъ имуществъ. 23 августа 1699 года его отлучили даже на Московскомъ соборѣ отъ церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ закрыли епархію и подчинили ее Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Отсюда мы можемъ заключать, что *вины* нашего третьяго владыки были не малыя.

Вѣроятно, онъ былъ очень неостороженъ въ словахъ и рѣзко порицалъ внутреннюю политику Петра I-го, который какъ извѣстно, не любилъ шутить съ своими недоброжелателями и былъ къ нимъ тѣмъ строже, чѣмъ выше стояли они въ обществѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ случаѣ имѣло мѣсто и извѣстное пристрастіе Петра Алексѣевича къ религіозно-скептическимъ вѣяніямъ запада... И такъ въ 1699

году Тамбовской епархіи не стало. Наступило господство провинціального духовнаго приказа. Въ сельскихъ захолустьяхъ по церковному вѣдомству выступили на первый планъ поповскіе старосты, заказчики и десятоначальники, вся дѣятельность которыхъ направлена была къ *сысканію* лжеучителей и суетворовъ. „О такихъ, — говорится въ епархіальной инструкціи 1714 года, — вамъ, поповскимъ старостамъ, изслѣдовать безъ всякаго упущенія и прикрывательства“.

„Тебѣ старостѣ смотрѣть въ заказѣ своемъ, — сказано въ той же инструкціи, — чтобы причты въ высокаторжественные дни церковныя служенія отправляли безъ упущенія, а ежели кто того отправлять не будетъ, и тѣхъ высылать тебѣ въ духовный приказъ подѣ карауль“.

Такимъ образомъ пастырская дѣятельность приняла въ началѣ прошлаго столѣтія характеръ фискально-полицейскій и это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на нашей всенародной жизни.

Въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны Тамбовская епархія была возстановлена. Въ іюнь 1758 года къ намъ прибылъ епископъ Пахомій, оставившій по себѣ самую тяжелую память. Это былъ человекъ слишкомъ замѣтный по жестокости даже и въ тѣ суровыя времена.

Онъ былъ ласковъ только къ постороннимъ людямъ, въ особенности къ помѣщикамъ. А для духовенства епископъ Пахомій былъ тѣмъ же, чѣмъ были въ его времена нѣкоторые суровые помѣщики для крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ сѣкъ священниковъ плетми и заковывалъ ихъ въ ручные и ножные кандалы, а сыновей и дочерей ихъ нерѣдко дарилъ или продавалъ своимъ пріятелямъ.

Все это очень хорошо видѣла вся Тамбовская паства и, разумѣется, авторитетъ приходскаго духовенства, столь необходимый для правильной религіозно-нравственной жизни, все падалъ и падалъ. Отсюда, можетъ быть, объясняются и всѣ тѣ многочисленныя уклоненія отъ православія, которыми съ половины прошлаго столѣтія замѣтно отличается Тамбовская губернія. . Въ самомъ дѣлѣ, могли-ли Тамбовскіе прихожане уважать своихъ пастырей, когда они постоянно ви-

дѣли что ихъ подвергаютъ самымъ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ?...

Во времена епископа Пахомія по епархіи разъѣзжали консисторскіе пристава. Они схватывали заподозрѣнныхъ въ чемъ либо священнослужителей, связывали ихъ и везли на судъ и расправу въ консисторію. Конечно, и это обстоятельство хорошо извѣстно было Тамбовскимъ обывателямъ...

За что же суровый Тамбовскій архипастырь такъ караль своихъ сослужителей? Можетъ быть за какіе нибудь пороки и преступленія по должности? Было и это. Но случилось и то, что епископъ Пахомій наказывалъ священниковъ плетями, кандалами и консисторскою тюрьмою за какое нибудь неосторожное или неумѣлое слово.*)

Тягости Тамбовскаго духовенства въ описываемое нами время выражались, между прочимъ, въ томъ, что со всѣхъ ставленниковъ брали за посвященіе взятки, отъ 10 до 50-ти рублей съ человѣка, и ихъ же епископъ Пахомій заставлялъ работать на архіерейскомъ дворѣ: рыть канавы, возить лѣсъ и кирпичи, бить сваи и зимою возить снѣгъ. Нѣкоторые ставленники несли такую барщину лѣтъ по 5-ти.

Консисторскихъ чиновниковъ епископъ Пахомій заставлялъ приходять на службу въ 6-мъ часу утра и за опаздываніе подвергалъ ихъ жестокимъ побоямъ, иногда собственоручнымъ, сѣкъ плетями и держалъ подъ крѣпкимъ каруломъ, *словами ножными желѣзми*. Вслѣдствіе этого однажды произошелъ слѣдующій замѣчательный фактъ.

10-го ноября 1763 года въ Тамбовѣ была сильная буря. Шумъ отъ вѣтра былъ такой, что консисторскіе чиновники не слышали звона къ заутрени. Поэтому канцеляристы Тарховъ и Александровъ опоздали на службу и явились въ свою канцелярію въ 7 часовъ. Архіерейскіе шпіоны дали знать объ этомъ владыкѣ.

Тогда провинившихся канцеляристовъ немедленно потребовали къ Пахомію и высѣкли. Но этимъ наказаніе не ограничилось. Тархова и Александрова начали заковывать въ кандалы. Дюжіе канцеляристы стали отбиваться и произвели *ужасный крикъ*. Къ несчастію, этотъ крикъ былъ услышанъ

*) Указъ Св. Синода отъ 6 ноября 1766 года.

въ консисторіи и вся канцелярія, измученная уже существующими порядками, ринулась въ архіерейскій домъ на выручку товарищей. Преосвященный Пахомій перепугался, окружилъ себя дворнею своего гостя помѣщика Девлеткильдѣва и приказалъ учинить *колоколенный набитъ*. На звъкъ прибѣжали пѣвчіе, монастырскіе служки, консисторскіе члены съ архимандритомъ Никономъ во главѣ и многіе городскіе обыватели... Такимъ образомъ архипастырь былъ спасенъ, а его враговъ забрали въ провинціальную канцелярію*)...

Слухъ о дѣятельности Пахомія дошелъ наконецъ до св. синода и 14 ноября 1766-го года Тамбовская епархія была избавлена отъ своего владыки. Епископъ Пахомій переведенъ былъ въ Устюгъ, а оттуда—въ Москву, въ Андроніевъ монастырь.

Памятниками Тамбовскаго архипастырства епископа Пахомія въ настоящее время служатъ большіе соборные и монастырскіе колокола, къ которымъ онъ имѣлъ исключительную внимательность. Повидимому, нашъ бывшій епископъ все величіе православія понималъ съ *колоколенной точки зрѣнія*. Таковъ онъ былъ и въ Москвѣ.

Послѣ Пахомія въ теченіе 20-ти лѣтъ Тамбовскою епархіею управлялъ епископъ Θεодосій. Это былъ человекъ добрый, чуждый вышшняго величія и для всѣхъ доступный. Когда онъ совершалъ свои епархіальныя поѣздки, то сельскіе причты и не думали приходить отъ этого въ обычный ужасъ. Напротивъ, они съ радостію встрѣчали своего архипастыря, ожидая отъ него апостольскаго наставленія и утѣшенія; и не напрасны были ихъ упованія.

Преосвященный Θεодосій обыкновенно ѣздилъ по епархіи въ простой кибиткѣ, крытой рогожею. Одѣвался онъ очень просто, поклоненій не любилъ и при всякомъ случаѣ старался отличить передъ прихожанами сельскихъ пастырей. Если въ извѣстномъ селѣ проживалъ богатый помѣщикъ, то Θεодосій, путешествуя по епархіи, заѣзжалъ не въ барскія палаты, а въ убогую хату сельскаго священника. Въ этомъ случаѣ нашъ архипастырь дѣйствовалъ по принципу. достойному полнаго

*) Москов. арх. минист. вѣстици, № 265 (изъ дѣлъ бывшаго Тамбовскаго уѣзднаго суда).

сочувствія. Онъ считалъ самыми близкими къ себѣ людьми своихъ сослуживцевъ и, разумѣется, епархіальная дисциплина отъ этого нисколько не страдала. Правда, Θεодосія не любили мѣстныя дворяне, стремившіеся къ произволу относительно сельскихъ причтовъ, но въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ только поводъ къ заявленію того факта, что описываемый нами епископъ былъ истиннымъ архипастыремъ, дѣйствовавшимъ въ духѣ апостольскаго служенія.

Особенную любовь свою къ Тамбовскому духовенству преосвященный Θεодосій выразилъ по поводу *церковнаго разбора*, бывшаго въ концѣ 60-хъ годовъ. Зная тяжелую солдатскую долю, онъ всячески и рискуя собственнымъ благосостояніемъ спасалъ Тамбовскихъ церковниковъ отъ солдатчины. Все это не укрылось отъ мѣстныхъ свѣтскихъ властей, которыя въ своихъ интересахъ поспѣшили донести объ этомъ въ Петербургъ и вотъ въ 1770 году нашъ добрый архипастырь обвиненъ былъ *св. синодомъ* въ разныхъ *испордочныхъ поступкахъ*.

„Вы,— писали Θεодосію слишкомъ угодливыя синодскіе члены,— находящихся при церквахъ сверхъ указаннаго положенія дьячковъ, пономарей и сторожей къ разбору не отослали и въ томъ разборѣ остановку и помѣшательство причинили и за полученіемъ уже указа о взятѣ всѣхъ таковыхъ въ военную службу на другія праздныя мѣста ихъ опредѣляли“.

Тогда Тамбовскій воевода Черкасовъ и маіоръ Еропкинь стали настойчиво требовать у преосвященнаго, чтобы онъ немедленно выслалъ всѣхъ церковниковъ въ воеводскую канцелярію къ окончательному разбору. Но епископъ Θεодосій не отступалъ отъ своей политики и *отъ той посылки удержался, извиняясь, будто требуемые церковники давно находятся при церквахъ и онъ не смѣетъ ихъ трогать безъ особаго синодскаго указа*.

Пока шла по этому поводу переписка, церковники поспѣшно опредѣлялись къ приходскимъ мѣстамъ. Изъ нихъ 24 челоѵка посвящены были во священники и діаконы.

Укрывая молодыхъ, Θεодосій часто посылалъ къ разбору старыхъ церковниковъ и дьячковъ. „И тѣ дьячки,—отписывались провинціальныя чиновники,—за старостію и болѣзнями

и за неспособностію быть въ военной службѣ не могутъ и съ того разбору прислано ихъ до 70-ти человекъ обратно“.

Козловскаго уѣзда села Карай поповъ сынъ Василій Алексѣевъ принятъ былъ въ военную службу и бѣжалъ оттуда къ своему архіерею. И епископъ Осодосій, жалѣя его, посвятилъ его немедленно во діаконы.

Это обстоятельство не укрылось отъ зоркихъ свѣтскихъ властей и Тамбовскому архипастырю пришлось оправдываться. „Тотъ Василій Алексѣевъ, — писалъ онъ, — въ ставленнической школѣ догматовъ вѣры и прочаго изучился и оказался добронравнымъ и у престарѣлаго отца своего онъ единая надежда“.

Но во времена Екатерины II-й, когда такъ наа. вольтерьянское направленіе было въ полномъ ходу, всего менѣе можно было рассчитывать на церковный авторитетъ и потому ходатайства епископа Осодосія были безсильными. По распоряженію высшаго правительства, діакона Василія Алексѣева лишили сана и взяли въ военную службу. Въ то же время всѣхъ дьячковъ, церковниковъ и сторожей, *которые укрыты были отъ разбора*, отрѣшили отъ мѣстъ и представили въ воеводскую канцелярію для *укомплектованія арміи*.

Съ этого времени для нашего владыки начинаются тяжелыя испытанія. Наплись противъ него клеветники (пономари Тарасовъ и Никифоровъ), которые за его же самоотверженіе писали на него такіе доносы: „проеосвященный де за укрывательство церковниковъ бралъ великія взятки, рублей до 70-ти“. Эта ложь направлена была противъ того архипастыря, у котораго по смерти осталось самое нищенское имущество: нѣсколько бѣдныхъ рясъ, четокъ, духовныхъ книгъ, икона Богородицы и 100 рублей денегъ. Икона проосвященнаго Осодосія хранится теперь въ кафедральномъ соборѣ у сѣверныхъ вратъ. Однако клеветниковъ выслушали благосклонно и въ награду за доносъ освободили ихъ отъ военной службы, а проосвященнаго Осодосія отдали подъ судъ комиссіи свѣтскихъ и духовныхъ *персонъ*, съ устраненіемъ отъ дѣлъ.

9-го февраля 1770 года его устранили отъ управленія епархіею и вызвали въ Воронежъ. Нацрасно епископъ про-

силъ у Синода милостиваго *благоразсмотрѣнія и защищенія.*

Защиты не было, и кажется—не могло быть, потому что врагомъ Θεодосіа было такое сильное лицо, какъ Воронежскій губернаторъ генераль-маіоръ Масловъ.

Замѣчательно, какъ эпархія отнеслась къ факту удаленія отъ эпархіальнаго управленія своего пострадавшаго епископа. „Архіерейскаго дому служителя, — жаловался Θεодосій, — пѣвчіе и священнослужители не чинятъ мнѣ послушанія и въ отиравленіи божественной службы бываетъ остановка и великіе непорядки“. Съ особенною рѣзкостію оскорблялъ преосвященнаго Трегуляевскій игуменъ Іеронимъ. Онъ, въ присутствіи самого Θεодосіа, называлъ его домъ чертовымъ домою, а его самаго — *прыжнимъ и озорническимъ полумисемъ.* Такія *досадителныя рѣчи* произносились съ шумомъ и крикомъ.

Въ Воронежѣ на судъ звали и членовъ консисторіи съ секретаремъ, но великодушный архипастырь всю вину бралъ на себя и ходатайствовалъ передъ синодомъ, чтобы кромѣ его болѣе никого не отиравляли въ Воронежѣ.

Въ 1773 году епископъ Θεодосій былъ всемилостивѣйше прощенъ и возвратился въ Тамбовъ, гдѣ въ концѣ 1786-го года и окончилъ свое святительское поприще. *)

Въ 1779-мъ году въ жизни Тамбовскаго духовенства совершилось весьма скромное повидимому и весьма важное по существу дѣло. Это — открытіе духовной семинаріи. Такимъ образомъ прежнія ставленническія школы, ограничивавшіяся одною грамотою и *церковнымъ уставомъ*, смѣнились у насъ правильно организованною школою, съ латынью во главѣ учебной программы. Семинарія первоначально открыта была въ Нижне-Ламовскомъ монастырѣ. Между тѣмъ въ Тамбовѣ по возможности послѣпно возводились семинарскія зданія.

Быть Тамбовской семинаріи на первыхъ порахъ поражаетъ своимъ нищенствомъ. На зданія, содержаніе служащихъ и на бѣдныхъ учениковъ ежегодно, до царствованія императора Павла, отпускалось только по 2000 рублей. Ректоръ семинаріи архимандритъ Іоанникій получалъ въ годъ 150 рублей. Учителя получали еще меньше — иные по 20 рублей въ годъ. Классы были безъ мебели и безъ книгъ. Главное

*) Синодальн. указы 1773 года, стр. 63-я.

семинарское зданіе долго окружено было мусоромъ и крыто было дранью. Къ довершенію бѣды, Тамбовская епархія не могла доставить семинаріи ни одного учителя. Тогда по неволѣ пришлось обратиться къ помощи Рязанскаго епископа Симона и уже изъ Рязани прибыли къ намъ наши первые семинарскіе учителя. Послѣ этого епархіальная администрація должна была озаботиться *наборомъ* учениковъ. Дѣло это было нелегкое, потому что охотниковъ учиться не было, да и сами родители по своему повальному невѣжеству упорно укрывали дѣтей своихъ и не посылали ихъ въ семинарію. Однако, нужно было открывать классы и вотъ въ епархію командированы были консисторскіе сторожа *для взятія церковниковъ въ науку*. При этомъ противъ упорныхъ родителей нуцены были въ ходъ денежные штрафы и только такимъ образомъ учебное дѣло понемногу пошло впередъ. Правда, многіе ученики сидѣли въ одномъ классѣ по 6-ти лѣтъ, обростали бородами въ какой нибудь инфимѣ, жаловались потомъ на *урослость и крайнюю къ наукамъ испносность* и просились на дьячковскія мѣста, лишь бы избѣжать ненавистной школьной премудрости. То было время, когда Тамбовскіе семинаристы славились физической силою и безнабашною удалью, проявлявшеюся въ кулачныхъ бояхъ.

Но хорошо было уже и то, что школьная жизнь въ средѣ Тамбовскаго духовенства начиналась...*)

При такихъ условіяхъ наша религіозно-нравственная жизнь въ прошломъ столѣтіи отличалась почти совершенною безпомощностію, потому что приходскіе пастыри бездѣйствовали или по умственному безсилію, или по безсилію воли, ослабленной иноземными вѣяніями. Отъ этого цародно-религіозная мысль нерѣдко шла у насъ своими путями и выражалась въ разнообразныхъ сектахъ, въ особенноти въ дубороствѣ, молоканствѣ и скопчествовѣ. Болѣе всего поражаетъ насъ пастырская бездѣятельность сельскихъ священниковъ, которые нисколько не отличались отъ массы сѣраго люда. Въ этомъ случаѣ духовенство наше платило дань своему вѣку, блестящему, но крайне легкомысленному. Заимствовали мы у западной Европы ассамблеи и куртаги, нарядились въ нѣмец-

*) Архивъ Тамб. духовной консист. № 671-й за 1796-й годъ.

кіе кафтаны и заговорили на иноземныхъ нарѣчіяхъ, плохо разумѣя свою родную рѣчь, а историческаго смысла западной жизни мы все-таки не поняли и усвоили однѣ только показныя ея стороны. Отъ этого стремились мы къ политическому или военному господству въ Европѣ, часто и не въ мѣру любезничая въ то же время съ западными народами или же потѣшая ихъ своимъ призрачнымъ рыцарствомъ, между тѣмъ какъ внутренняя жизнь наша все болѣе и болѣе коснѣла въ мрачномъ застоѣ. Этотъ застоѣ, между прочимъ, весьма рѣзко выражался, какъ мы сказали уже, въ бытѣ приходскаго духовенства, въ среду котораго въ прошломъ столѣтіи часто допускались люди малограмотные.

Въ 1787 году дьячекъ Иванъ Ефимовъ подалъ прошеніе епископу Θεодосію, ходатайствуя о священническомъ мѣстѣ въ селѣ Челнавскомъ острожкѣ. Архіерей велѣлъ испытать просителя. Послѣ испытанія произведеннаго епархіальнымъ проповѣдникомъ Ивановымъ, оказалось, что дьячекъ *Ефимовъ читаетъ исвятно и безъ пристойнаго произношенія*. О какихънибудь научныхъ знаніяхъ, разумѣется, и рѣчи не могло быть. Тѣмъ не менѣе испытаніе признано удовлетворительнымъ. Только для *впяца наученія* ново-рукоположенному священнику Ефимову консисторія выдала *катехизическую книжку, по которой оный Ефимовъ долженъ былъ выучивать наизусть вопросы и отвѣты и научиться впятому и пристойному чтенію*.

Священникъ Ефимовъ по рукоположеніи отправился въ приходъ; тамъ ожидали его многочисленныя требы, службы и домашнее хозяйство. Времени на прочтеніе книжицы такъ и не нашель онъ до самой смерти и умеръ священникъ Ефимовъ, далеко не единственный въ своемъ родѣ, полуграмотнымъ человѣкомъ.*) Спрашивается: могъ ли такой темный человѣкъ быть руководителемъ приходско-религіозной жизни? А между тѣмъ въ приходѣ у него было не мало крестьянъ — начетчиковъ и нѣкоторые изъ нихъ по-своему были довольно образованы, какъ это видно изъ слѣдующаго оригинально-краснорѣчиваго прошенія однодворца Панферова, скрытаго молокана, къ Тамбовскому епископу о разводѣ: „узы

*) Архивъ духовн. консист. № 11.

родства и семейной связи влекутъ меня во дно адово и дабы буря отчаянiя не потопила слабое естество мое, погружаемое въ столь ужасной безднѣ, прострите, ваше преосвященство, руку помощи и расторгните пагубныя узы, чтобы умъ и сердце могли болѣе и болѣе питаться свѣтомъ истины Христовой“.*)

Въ то же время другой однодворецъ села Челнавскаго острожка Кожевниковъ писалъ правителю намѣстничества такую просьбу: „да возвысится десница твоя, не забуди убогихъ твоихъ до конца. Пролей взоръ твой на меня, ибо я стократно готовилъ себя повергнуть къ стопамъ вашего превосходительства, но робость духа стезю спасенiя моего заграждала и уже отчаянность вопiеть Богу и тебѣ: позвольте мнѣ бѣдному чрезъ воздухъ склониться передъ вами...“

Передъ такими-то дожорощенными ораторами наше духовенство оказывалось умственно безсильнымъ. Научную скудость свою оно могло бы еще хоть отчасти восполнить нравственною жизнiю, но, къ несчастiю, и этого не было. Большинство напихъ пастырей часто служило соблазномъ для прихожанъ и такимъ образомъ вызывало противъ себя массу престонародныхъ насквилей, болѣе или менѣе нецензурнаго характера. Составленiемъ и распространенiемъ этихъ странныхъ литературныхъ опытовъ занимались у насъ въ прошломъ столѣтiи и люди привилегированные. Въ *дѣлахъ* Шацкой провинціальной канцелярiи за 1769-й годъ намъ попался слѣдующій курьезный документъ.

„Указъ Ея Величества изъ государственной военной *каллегии* Шацкой провинціальной канцелярiи. Тетрадь о курѣ.

Настоящаго сего нѣка у нѣкоего небогатаго человѣка куръ со многими женами, яко же обычно, живяше и во единъ отъ дней едина курица, спадъ съ напести, нимало же вздохнула; куръ же отъ той незанная смерти ужасеся и вспомянувъ смерть отъ страха потрясеся и въ той печали, изшедъ на улицу погуляти, како бы хотя малую отраду принять, умою размышляше и тако отъ сердца воздыхаше и грѣхи своя поминая прииде въ дубраву себѣ мѣсто осмотрѣти, гдѣ бы ему возможно было пожити въ постѣ и молитвѣ и тако

*) Архивъ дух. консист., № 458.

отъ грѣховъ и соблазновъ избыти и женскихъ лицъ не то-чю видѣти, но и слышати. И бѣ дубрава доброгласная и возлетѣ куръ на едино отъ дрѣвъ и пожихъ тамо даже до скончанія дней своихъ“.*)

Отъ словъ Тамбовскіе прихожане часто переходили къ дѣлу. Сплошь и рядомъ лицъ духовнаго званія подвергали у насъ самымъ грубымъ оскорбленіямъ, травили собаками, *немилоостиво* били, изысканно бранили, принимали въ домахъ наравнѣ съ простонародьемъ и капризно перегоняли изъ прихода въ приходъ. На этомъ поприщѣ особенно отличались помѣщики, изъ которыхъ какой нибудь бѣдный отставной сержантъ или коніистъ считалъ себя неизмѣримо выше всякаго приходскаго священника. Чаше всего личныя оскорбленія доставались на долю бѣлаго духовенства, но и монахи не спасались отъ побоевъ.

Въ 1759 году Рязанскій архимандритъ Сергій, монастырскій вотчины котораго находились въ Шацкой провинціи, принесъ такую жалобу Шацкому воеводѣ: „сборщикъ денежной казны капраль Арефьевъ съ 7-ю солдатами напалъ на наши вотчины и билъ монаховъ палочьемъ смертнымъ боемъ напрасно и проломилъ имъ головы, отъ чего они едва живы; и тѣ побои бывають отъ взятокъ и приводятъ насъ въ разореніе“.

Шацкій воевода по этой жалобѣ сталъ производить дознание. Однако Арефьевъ упорно твердилъ, что онъ невиновенъ. Онъ оправдывался такъ: „тѣхъ монастырскихъ людей, точно, билъ я, но токмо три раза...“ **)

23 декабря 1786 года преосвященный Θεодосій скончался и съ честію похороненъ былъ губернаторомъ Державинымъ у сѣверной стѣны кафедральнаго собора. Полузабытая гробница его и теперъ находится тамъ же, деревянная и прикрытая ветхимъ покровомъ, и наводитъ насъ эта убогая святительская усыпальница на слѣдующій вопросъ: отъ чего—это у насъ такъ скоро забываютъ скромныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей?

*) Архивъ Шацкой провинц. канцел. № 6.

**) Архивъ Шацк. провинц. канцел. № 1184.

По смерти Θεодосія Тамбовскими епископами преемственно были Теофилъ и Іона. Оба они составляютъ славу и украшеніе мѣстной церковной исторіи и во всякомъ случаѣ принадлежать къ числу лучшихъ русскихъ епископовъ послѣпетровскаго періода. Первый отличался неутомимою дѣятельностію и энергическимъ преслѣдованіемъ всевозможныхъ епархіальныхъ безпорядковъ, а второй, бывший впоследствии экзархомъ Грузіи и членомъ св. синода, уступая Теофилу въ энергіи и административныхъ способностяхъ, превосходилъ его гуманностію въ отношеніяхъ къ епархіи и такимъ образомъ былъ по преимуществу носителемъ самыхъ существенныхъ свойствъ христіанства.

Епископъ Теофилъ вступилъ въ управленіе Тамбовской епархіею въ маѣ 1788 года. Причты передъ его пріѣздомъ были въ полномъ разстройствѣ. Бѣдность ихъ доходила до того, что священники ходили по приходу въ лаптяхъ, полушубкахъ и посконныхъ рубахахъ и только не многіе изъ нихъ имѣли возможность въ торжественные дни надѣвать нанковыя или люстриновыя рясы. Жили они въ простыхъ избахъ и въ бытовомъ отношеніи почти вовсе не отличались отъ бѣднаго и темнаго крестьянства. Въ страдную пору обливался чуть не кровавымъ потомъ русскій пахарь; ту же участь испытывали и пастыри русскаго народа, добывая скудный насущный хлѣбъ, потому что въ противномъ случаѣ этого хлѣба они не имѣли бы отъ своихъ въ большинствѣ слишкомъ бѣдныхъ прихожанъ...

Немедленно по прибытіи въ Тамбовъ Теофилъ занялся внѣшнимъ устройствомъ своей епархіи. Онъ началъ собирать пожертвованія съ разныхъ благотворителей, дополняя въ то же время епархіальную кассу многочисленными штрафами съ провинившихся священно-церковно-служителей. Результатомъ этихъ финансовыхъ операцій было то, что почти всѣ храмы г. Тамбова, въ особенности Казанскій монастырь, стали неузнаваемы. Въ то же время быстро начали строить зданія духовной семинаріи, къ которой незабвенный Теофилъ относился съ истинно отеческою любовію. Тамбовскіе обыватели нерѣдко видѣли своего архипастыря на верхнихъ подмосткахъ строившихся епархіальныхъ здачій и такимъ

образомъ всѣмъ была очевидна образцовая хозяйственность практика—владыки.

Заботясь о благообразіи духовныхъ лицъ своей епархіи, Теофиль издалъ строгій приказъ, чтобы священники и діаконы обязательно одѣвались въ рясы и отнюдь не носили лаптей. „Ежели кто изъ священнослужителей,—писаль онъ однажды,—ряски не имѣющимъ окажется, то приказываю изъ дохода сдѣлать ему пристойную ряску изъ сукна синяго или вишневаго, а ежели въ томъ кто поупрямится, то таковыхъ, отрѣшивъ отъ мѣста, высылать въ консисторію для представленія намъ“.*)

Знало Тамбовское духовенство своего энергическаго архипастыря и торопилось исполнить его волю. А не исполнить этой воли было страшно: Теофиль караль ослушниковъ и монастырскимъ подначальствомъ, и тюремнымъ сидѣніемъ при консисторіи, и штрафами, и изрѣдка батогами.

Убѣжденный въ необходимости служебной дисциплины, епископъ Теофиль требоваль, чтобы клирики слушались своихъ священниковъ. Между тѣмъ многіе дьячки и пономари оказывали своимъ настоятелямъ явное неповиновеніе. Таковыхъ ослушниковъ Тамбовскій владыка приказываль наказывать, не вызывая въ консисторію, что видно изъ слѣдующей его резолюціи: „дьячка Никиту Васильева за неповиновеніе настоятелю при всѣхъ церковникахъ въ страхъ имъ подлѣ церкви наказать лозкою“.**)

За одно свойство Тамбовское духовенство особенно любило своего владыку—за то, что онъ не даваль своихъ подчиненныхъ въ обиду и вступался за нихъ со всею силою архіерейскихъ полномочій. Нечего говорить о томъ, что нашему униженному духовенству такая помощь была весьма кстати.

Горячо относясь къ интересамъ богословской науки Теофиль всегда покровительствовалъ *ученымъ* священникамъ, неизмѣнно предпочитая ихъ заслуженнымъ практикамъ.

Что же сдѣлалъ епископъ Теофиль для Тамбовской епархіи?

*) Тамб. губ. вѣдом. за 1881-й годъ. № 115, наша статья.

**) *ibid.*—

Получивъ эту епархію крайне разстроеною во всѣхъ отношеніяхъ, онъ принялъ строгія мѣры къ заведенію въ ней порядка и въ этомъ направленіи достигъ значительныхъ результатовъ. Именно въ этомъ заключается его право на историческую память.

Преосвященный Теофилъ скончался въ концѣ 1811 года. Тѣло его погребено въ Тамбовскомъ Казанскомъ монастырѣ у южной стѣны. Преосвященный Теофилъ оставилъ значительное состояніе въ билетахъ сохранный казны и въ наличныхъ деньгахъ. Тѣмъ и другимъ воспользовались его наслѣдники. Всѣ книги гражданской печати, по духовному завѣщанію епископа Теофила, поступили въ бібліотеку Тамбовской семинаріи, бѣлье и холстъ даны были казеннокоштнымъ семинаристамъ, шубы и расы—монастырской братіи... Преемникомъ Теофила былъ епископъ Іона, управлявшій Тамбовскою епархіею до 1821 года.

Въ противоположность своему предшественнику онъ отличался, какъ это сказано выше, краткимъ характеромъ и не любилъ подавлять свою властью начальственную строгостію и архіерейскимъ величіемъ. Особенное вниманіе преосвященный Іона обращалъ на многочисленныхъ вдовъ и сиротъ своей епархіи и въ видахъ посильнаго обогоченія ихъ участію основалъ епархіальное попечительство, дѣйствующее и въ настоящее время. Въ этомъ случаѣ сказалось его горемычное дѣтство. Іона въ юныхъ лѣтахъ былъ круглымъ сиротою и до 15-ти лѣтняго возраста кормился Христовымъ именемъ вмѣстѣ съ единственною своею родственницею—слѣпою бабушкою. Разумѣется, въ этомъ случаѣ епископъ Іона далеко не былъ исключеніемъ. Въ духовномъ сословіи всегда была масса несчастныхъ, начинавшихъ жизнь при условіяхъ самой поразительной бѣдности, и весьма многіе изъ этихъ бѣдняковъ, пригрѣтые суровою и въ то же время гуманною бурсою, выходили потомъ въ люди и имена ихъ становились извѣстны всему отечеству... На это слѣдовало бы обратить вниманіе тѣмъ легкомысленнымъ порицателямъ нашего духовнаго быта, которые клеймили церковниковъ разными обидными кличками, а сами въ крайней невмѣняемости своей и не подозревали, что въ осмѣиваемыхъ ими

людяхъ долго выражалась почти исключительно интеллигенція русскаго народа...

Епископство Юны отмѣчено весьма важною епархіальною реформою. Тамбовскіе священнослужители, по примѣру своего архипастыря, начали сочинять и провозносить проповѣди. Впрочемъ, самъ Иона не отличался ораторскимъ талантомъ. Это видно изъ слѣдующаго его воззванія, обращеннаго къ Тамбовской паствѣ въ эпоху отечественной войны.

„Почтенное Богомъ вѣрныя мѣ паствы благородное и купеческое сословіе!

Его сіятельство г. тайный совѣтникъ, государственнаго совѣта членъ, синодальный оберъ-прокуроръ, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, статсъ-секретарь и разныхъ орденовъ кавалеръ князь А. Н. Голицынъ проситъ меня призвать паству къ вспоможенію ближнимъ со изъявленіемъ, что таковая жертва принята будетъ съ благодарностью. Приемля искреннее участіе въ столь богоугодномъ и достохвальномъ дѣлѣ, сдѣлалъ я отъ себя посылное приношеніе въ пользу оного. Судя о насиіи, разореніяхъ и грабежахъ, съ какими врагъ потрясъ мѣста, бывшія имъ занятыя, зривъ въ примѣръ Москву, имъ разоренную, что можно сказать о тѣхъ несчастныхъ, которые въ бѣдности влчатъ теперь чрезъ разореніе жизнь, но имѣя пристанища и находясь во гладѣ, хладѣ и наготѣ съ семействами своими! Картина всеобщаго сожалѣнія! Вели когда исполняемъ мы долгъ человѣка — христіанина вспоможеніемъ ближнему, то наче настоящій случай злостраданія соотечественниковъ нашихъ долженъ расположить насъ къ тому. И увѣренъ, благословенная паства моя, благородное и купеческое сословіе, что вы, показавъ отечеству опыты своего усердія, не отречетесь и нынѣ исполнить волю всевысшійшаго милосердаго монарха нашего Александра Павловича, пекущагося о благѣ вѣроподданныхъ своихъ, и доказать свѣту вновь совершенства вашей добродѣтели пособіями несчастнымъ отъ избытковъ своихъ. Таковыя челоуѣколюбивыя пожертвованія, если кто расположенъ будетъ сдѣлать, благотворитель самъ отъ себя имѣетъ отсылать оныя въ С.-Петербургъ. Примѣръ усердія вашего увѣчается новою славою

и въ настоящемъ періодѣ жизни и въ потомствѣ гремѣть будетъ къ чести Россіи“.

Между прочимъ епископъ Іона обратилъ вниманіе на иконописаніе, такъ какъ во многихъ церквахъ Тамбовской епархіи *иконы писаны были подлымъ обычаемъ и на скаредныхъ доскахъ*. Поэтому всѣмъ церковнымъ причтамъ вѣнено было въ обязанность строго слѣдить за церковнымъ *иконнымъ благолѣтіемъ*.

Но особенно нашъ архипастырь посвятилъ себя нравственному исправленію Тамбовскаго духовенства. Какъ человѣкъ кроткаго характера, онъ не употреблялъ въ этомъ случаѣ суровыхъ мѣръ. Виновныхъ священнослужителей онъ вызывалъ къ себѣ и подолгу бесѣдовалъ съ ними. Всѣды его порѣдко сопровождали слезами и со слезами же выходили отъ него его собесѣдники. Нѣтъ сомнѣнія, что доброе слово любвеобильнаго пастыря падало иногда на добрую почву и вызывало искреннее раскаяніе. Но, въ большинствѣ случаевъ, архипастырскіе совѣты скоро забывались, суровыя и ненормальныя условія священнослужительской жизни вступали въ свои права и снова архипастырское сердце призывалось къ великой отеческой скорби...

Большое вниманіе епископъ Іона обращалъ на внѣшній порядокъ богослуженія. Онъ любилъ звучные колокола, голосистыхъ диаконовъ, а отъ священниковъ требовалъ умѣнія шѣть по потамъ. Ставленники, хотя бы они были студентами богословія, подвергались имъ экзамену по чтенію и шѣнію лично. Кроме того, соблюдая церковное благочиніе, Іона взялъ подписку со всего духовенства въ томъ, что *священнослужители въ церквахъ послѣ браковъ и похоронъ не будутъ пить вина, браги и подобныхъ напитковъ*. Архипастырское свое смиреніе Іона выразилъ въ томъ, что запретилъ именовать себя *великимъ господиномъ* и удовольствовался общепринятымъ теперь архіерейскимъ титуломъ.

Видимыми памятниками пастырской дѣятельности епископа Іоны служатъ у насъ слѣдующія зданія: Успенская и Воздвиженская кладбищенскія церкви, теплая церковь женскаго монастыря, соборная колокольня и архіерейскій загородный домъ съ церковію. Последнее зданіе воздвигнуто усер-

діем помѣщика Пашкова, состоявшаго съ нашимъ владыкою въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Во времена Іоны въ Тамбовѣ проживала одна весьма интересная личность. Это—Грузинскій царевичъ и католикосъ Антоній, сынъ предпоследняго Грузинскаго царя Иракліи. Онъ прибылъ къ намъ въ Тамбовѣ въ 1813 году. Въ свитѣ его находились архимандриты Неофитъ и Теофанъ и нѣсколько свѣтскихъ особъ. Католикосъ Антоній пользовался титуломъ блаженнѣйшаго и въ русской іерархіи занималъ 5-е мѣсто. Изрѣдка онъ служилъ въ кафедральномъ соборѣ, причемъ, по слабому знанію русскаго языка, дѣлалъ въ священнодѣйствіи значительныя ошибки. Такъ, однажды, онъ преждевременно обратился къ народу и хотѣлъ ему преподавать архіерейское благословеніе. Въ это время протодіаконъ Иларіонъ Андреевъ, удерживая его, сказалъ ему: погодите. Но католикосъ уже стоялъ на амвонѣ и громко произносилъ: погодите, погодите!... Впослѣдствіи католикосъ Антоній перевеленъ былъ изъ Тамбова въ Нижній Новгородъ, гдѣ и умеръ. Причиною удаленія Антонія отъ епархіальныхъ дѣлъ можно считать то крайне разстроенное состояніе, въ какомъ при немъ находилась Грузинская церковь. Во всей Грузіи до 1811 года, когда въ Тифлисъ прибылъ первый экзархъ изъ русскихъ — Варлаамъ, всѣхъ церквей было только 799. Между тѣмъ епархій считалось 13. Всѣ епископы старались жить роскошно и для этого разоряли своихъ церковныхъ крестьянъ, которыхъ было на всю Грузію около 3-хъ тысячъ душъ.

Умственно-нравственное состояніе Грузинскаго приходскаго духовенства было самое жалкое, потому что во всемъ краѣ не было ни одной семинаріи.

Въ 1821 году Іона выбылъ изъ Тамбова въ Астраханскую епархію. Пріемниками его на Тамбовской кафедрѣ были епископы Теофилактъ и Афанасій. Оба они не оставили по себѣ прочной памяти въ народѣ и духовенствѣ, поэтому мы ихъ минуемъ и всѣхъ интересующихся ими отсылаемъ къ историко-статистическому описанію Тамбовской епархіи протоіерея Хитрова. Объ Афанасіи можно сказать развѣ только то, что онъ первоначально былъ Тамбовскимъ священникомъ. За тѣмъ съ Тамбовской епископской кафедрой его пе-

ревели въ Новоторкасскъ, откуда на покой онъ вернулся во въ тотъ же излюбленный имъ Тамбовъ. Могила его находится въ Трегуляевскомъ монастырѣ. Гораздо больше можно было бы сказать о преемникѣ Афанасія—Евгоніи, хотя онъ управлялъ епархіею недолго: съ 1829 года по 1832 годъ. Но о немъ уже сказано отчасти въ нашей первой главѣ въ разсказѣ о тяжелой годинѣ Тамбовскаго духовенства за 1830 годъ. Другаго же воспоминанія о себѣ епископъ Евгеній не оставилъ. Имя его и донынѣ произносится лицами духовнаго званія съ выраженіемъ крайней нелюбви къ памяти этого суроваго архіерея, думавшаго несчастіемъ сотенъ семействъ заслужить у правительства какую нибудь липиную награду... Велѣдствіе этого мы прямо переходимъ къ епископу Арсенію, бывшему во главѣ Тамбовской церкви до апрѣля 1841 года.

Арсеній слишкомъ еще памятенъ многимъ Тамбовскимъ старожиламъ. Всѣ они единогласно говорятъ о его вельможной-архіерейской обстановкѣ и о томъ сильномъ вліяніи, которое онъ, несомнѣнно, имѣлъ на свою паству. Арсеній диннулъ впередъ образованію духовнаго юношества. Съ этою цѣлію онъ завелъ въ мѣстной семинаріи торжественныя публичныя экзамены, богословскіе диспуты, праздничныя рѣчи и *разговоры* и усилилъ латынь. Правда, все это отзывается схоластикою, но въ настоящее время, кажется, безвозвратно уже прошли времена всеобщаго осужденія прежняго научно-семинарскаго строя... Во многихъ случаяхъ къ этому строю даже возвращаются.

Главное свое вниманіе епископъ Арсеній обращалъ на многочисленныхъ и разнообразныхъ сектантовъ. Въ 1836 году онъ написалъ *наставленіе объ обращеніи молоканъ съ опроверженіемъ всѣхъ ихъ заблужденій*. Въстѣ съ тѣмъ онъ постоянно вызывалъ себѣ сектантскихъ паставниковъ и терпѣливо бесѣдовалъ съ ними, или же отсылалъ ихъ для увѣщанія въ консисторію. Къ сожалѣнію, вся эта полемика, за небольшими исключеніями, по разнымъ причинамъ была безплодна. Тогда епископъ Арсеній перемѣнилъ тактику и сталъ дѣйствовать противъ религіозныхъ вольнодумцовъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ гражданскою властію. Повсюду въ Тамбовской епархіи закрывались сектантскія школы. Составлялись

въ городахъ и селахъ общественные приговоры объ изгна-
ніи изъ нихъ отщепенцевъ православія и многіе изъ нашихъ
сектантовъ, дѣйствительно, невольно переселились въ Закав-
казье и на Молочныя воды. За свои миссіонерскіе труды епи-
скопъ Арсеній въ 1837 году получилъ благодарность ев. си-
нода, однако сектанство не ослабѣло у насъ и до настояща-
го времени. Исно, что нашъ ревностный архипастырь не
сумѣлъ найти самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ обраще-
нію иноиѣрцевъ. Дѣятельность его имѣла слишкомъ внѣшній
характеръ и страдала отсутствіемъ христіанской гуманности.

Мѣстная консисторская статистика за всѣ годы съ на-
чала XIX столѣтія показывала почти одну и ту же цифру
сектантовъ, приблизительно 9,000 человекъ, при чемъ коли-
чество скопцовъ ежегодно опредѣлялось единицами. Между
тѣмъ сектантскіе наставники распространяли свою пропаган-
ду во всѣхъ Тамбовскихъ уѣздахъ. Лъстивыя слова свои кста-
ти и нектати уснащивали они библейскими текстами. При
этомъ не только ничего не брали съ своихъ слушателей, но
даже многимъ изъ нихъ существенно помогали. Повятно послѣ
этого, почему Тамбовскіе обыватели, уклоняясь отъ при-
ходскаго духовенства, далеко не всегда стоявшаго на высо-
тѣ своего призванія, лънули къ невѣжественнымъ пропаган-
тистамъ ложныхъ ученій. Въ нихъ именно видѣть сѣрый рус-
скій людъ безкорыстныхъ и искреннихъ служителей вѣчной
правды...

Усиленной сектантской пропагандѣ, несомнѣнно, содѣй-
ствовало то озлобленіе, съ какимъ нѣкоторые крестьяне от-
носились къ своему духовенству. Причинами этого странна-
го явленія могли быть общеизвѣстные факты нравственнаго
и экономическаго свойства...

Въ такомъ именно состояніи была Тамбовская епархія,
когда епископъ Арсеній отозванъ былъ на другую, высшую
кафедру. Въ 1841 году его перевели въ Каменецъ-Подольскъ,
затѣмъ на Волынь и въ Варшаву. Въ старости Арсеній удо-
стоенъ былъ высшаго іерархическаго званія. Онъ умеръ не-
давно Кіевскимъ и Галицкимъ митрополитомъ.

Премникомъ Арсенія былъ епископъ Николай, профес-
соръ и ректоръ Петербургской академіи. Имя этого нашего

архипастыря и доселѣ произносится всѣми мѣстными жителями съ особенною любовію. Николай говорилъ замѣчательныя проповѣди и потому во время его служеній церкви полны были народомъ. Къ сожалѣнію, знаменитый авторъ, по своей скромности, не печаталъ своихъ ораторскихъ произведеній. Только недавно нѣкоторыя проповѣди епископа Николая стали появляться въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, имѣющихъ, конечно, самый ограниченный кругъ читателей. Но еще болѣе дорога намъ память нашего архипастыря вслѣдствіе той нестяжательности и доброты, съ какими онъ неизмѣнно до самой кончины относился ко всѣмъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, особенно къ духовенству. Всякое несчастіе въ семьѣ извѣстнаго духовнаго лица возбуждало глубокое сочувствіе преосвященнаго Николая и ни одного несчастнаго не оставлялъ онъ безъ нравственнаго или матеріальнаго утѣшенія. Въ 40-хъ годахъ рѣдко кому приходила мысль о серьезной помощи простому народу. Между тѣмъ нашъ владыка усердно и многоплодно заботился объ умноженіи начальныхъ приходскихъ училищъ и этими отечески-просвѣтительными трудами какъ бы предназначалъ широкія народно-училищныя реформы царствованія Александра II-го. вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ Николай предложилъ всѣмъ Тамбовскимъ священникамъ говорить въ церквахъ катехизическія поученія и такая систематическая и учительная проповѣдь, разумѣется, не оставалась безъ добрыхъ послѣдствій.

Въ настоящее время въ Тамбовѣ существуетъ женское епархіальное училище, открытое въ 1863 году. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что подобныя учебныя заведенія весьма полезны и необходимы. Благодаря имъ, жены нашихъ сельскихъ священниковъ теперь далеко уже не тѣ, какими онѣ были прежде... Говорю объ этомъ для того, чтобы прибавить новую свѣтлую черту къ симпатичной личности преосвященнаго Николая, такъ какъ Тамбовское женское епархіальное училище началомъ своимъ обязано именно ему. Вотъ текстъ его пастырскаго посланія къ Тамбовскому духовенству, редактированный 30 марта 1849 года.

„Свѣтскія учебныя заведенія и мужскія женскія цѣрестанно умножаются и я болѣзную духомъ, что дѣвнцы духоп-

наго званія однѣ остаются безъ училищнаго образованія, кромя развѣ какогонибудь домашняго и то рѣдкаго наученія читать, а еще рѣже писать. Уже въ прошломъ году государь императоръ обратилъ на этотъ предметъ свое вниманіе и повелѣлъ учредить Царскосельское образцовое учебное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія подъ высочайшимъ покровительствомъ государыни императрицы. И я думаю теперь самъ съ собою, какъ бы Тамбовскому духовенству первому не увлечся было высочайшимъ примѣромъ и не позаботиться объ образованіи дочерей своихъ, чтобы приготовить ихъ къ почтенному званію достойныхъ священнослужительскихъ женъ, благоразумныхъ матерей и свѣдущихъ домоправительницъ. Видно ожидалась первая искра возбужденія! Если мы и опоздали, то еще немного. Въ душевной заботливости объ улучшеніи состоянія Тамбовской церкви и духовенства я рѣшаюсь открыть во вѣренной мнѣ епархіи подобное заведеніе, преимущественно для сиротъ и дочерей бѣднѣйшаго духовенства. Но должно откровенно сказать, что средствъ для такого предпріятія епархіальное начальство не имѣетъ. Гдѣ жъ ихъ взять? Я полагаю отдѣлить на этотъ предметъ хотя небольшую долю изъ суммъ духовнаго попечительства, только бы однакожъ не обѣднить прочихъ сиротъ и бѣдняковъ, число которыхъ со дня на день возрастаетъ. Потому думаю обратиться къ скромнымъ единовременнымъ пожертвованіямъ отъ самого бѣлаго духовенства. Далѣе я обратился бы съ подобнымъ предложеніемъ и къ монастырямъ, равно какъ и къ свѣтскимъ благотворительнымъ особамъ, для которыхъ, конечно, пріятнѣе и вождѣльннѣе будетъ имѣть у себя священника образованнаго съ благовоспитанною и образованною женою“.

Въ концѣ пастырскаго посланія подробно излагается учебная программа проэктированнаго училища. Эта программа почти такая же, какъ и теперь существующая, поэтому мы ее пропускаемъ.

„По окончаніи четырехгодичнаго курса,—заключаетъ свое воззваніе преосвященный Николай,—штатныя воспитанницы могутъ получать, если только будутъ остаточныя суммы, и пособія на первоначальное обзаведеніе или выходъ въ замужество“.

Въ 1851 г. епископъ Николай тяжело заболѣлъ и вслѣдствіе этого не могъ осуществить своихъ плановъ относительно женскаго училища. Вообще, надо замѣтить, что съ указанного нами года и по 1857 годъ, когда Николая смѣнили епископъ Макарій, впоследствии Московскій митрополитъ, епархія не испытывала уже энергической дѣятельности своего любимаго архипастыря. Доступъ къ нему сталъ труденъ, служилъ онъ рѣдко, поученія пересталъ писать и фактически уже не управлялъ епархіей. Понятно, какъ все это отразилось на епархіальныхъ дѣлахъ. Во главѣ Тамбовскаго церковнаго управленія стала консисторія съ ея крючкодѣйствомъ и ненасытною алчностью. Въ средѣ духовенства неудержимо развивалось сутяжничество...

Въ описываемое нами время между Тамбовскими священниками—сутягами особенное вниманіе обращалъ на себя нѣкто о. Гавріиль Товицкій, человекъ, безспорно, весьма талантливый, но крайне неуживчивый. Всю жизнь свою онъ велъ съ своими товарищами непрерывную канцелярскую войну и часто бывалъ безъ мѣста, заводя поэтому поводу обширную переписку съ своими епархіальными архіереями и св. синодомъ. 4-го февраля 1852 года о. Товицкій написалъ епископу Николаю такое прошеніе:

„Наконецъ я оставляю градъ Тамбовъ. Я возвращаюсь къ дѣтямъ, ничего не принося имъ въ отраду, и увижу ихъ въ бѣдности и беспорядкѣ. Поэтому понятно, въ какомъ расположеніи я оставляю городъ и иду (буквально) къ семейству. Преосвященный владыко! Твой жезлъ, обратившись ко мнѣ желѣзомъ, привелъ меня въ неутѣшное горе, но отъ твоей воли зависитъ обратить его ко мнѣ концемъ позлащеннымъ. Буди убо милостивъ, яко и самъ отъ Бога помилованъ быти хочещи“.

Служебныя неудачи о. Товицкаго происходили, между прочимъ, отъ его эксцентричности. Онъ велъ съ своими прихожанами по поводу требъ официальную переписку, облачался по архіерейски среди церкви, служилъ съ отверзтыми царскими вратами, требовалъ встрѣчнаго колокольнаго звона и, вообще, приравнивалъ свой санъ къ епископскому, осно-

вываясь въ этомъ случаѣ на многочисленныхъ цитатахъ изъ восточныхъ и западныхъ церковныхъ писателей.

Однажды на его прошеніи о мѣстѣ епископъ Николай написалъ такую краткую резолюцію: *отказать*. Товицкій немедленно отвѣчалъ на это: „Ваше преосвященство отказали мнѣ въ мѣстѣ безъ показанія причины. Изъ сего заключилъ я о желаніи вашемъ видѣть меня лично. Такъ поступалъ нѣкогда одинъ изъ верховныхъ апостоловъ, когда писалъ, что не хочетъ обьясняться тростию и чернилами, желая видѣться съ своими пасомыми и бесѣдовалъ съ ними лично, чѣмъ выражалъ высокой опытъ своей къ нимъ любви!“

Въ это время Товицкій лишень былъ уже 6 приходоу и просилъ себѣ 7-го мѣста. Но епископъ Николай опасался удовлетворить сію просьбу. Тогда о. Гавріиль снова написалъ ему:

„Вы меня говите. Какъ же вы будете служить безъ примиренія со мною? Вы будете служить въ умноженіе прегрѣшеній, въ гнѣвъ Божій, въ удаленіе Св. Духа, въ лишеніе царствія небеснаго; будете ясти и пити себѣ судъ, не разсуждая тѣла Господня, будете проливать его кровь не въ себя, а на себя и на чадъ своихъ, въ явное свидѣтельство принадлежности своей къ отряду распинателей Господнихъ. Дайте мнѣ мѣсто, приютите мое семейство на время зимы, умирите меня, слѣдовательно и себя“.

Послѣ этого, безпокойнаго іерея хотѣли было посадить въ сумашедшій домъ. Однако, раздумали и дали Товицкому на бѣдность 10 рублей. Конечно, для семьи этого было мало и потому 24 октября 1852 года на имя преосвященнаго Николая поступила такая просьба:

„Покорнѣйше прошу ваше преосвященство данную мнѣ сумму раздѣлить такъ, чтобы ее достало на удовлетвореніе всѣхъ моихъ нуждъ. А нужды немалыя, ибо у меня въ семьѣ родительница, вторично и вторая мать моихъ дѣтей, дочь Раиса и сыновья: Иванъ Товицкій, Иванъ Сапѣга Товицкій, Яковъ Бубкинъ Товицкій и Иванъ Безрянный Товицкій“.

Архіерей не отвѣчалъ. Но неугомонный корреспондентъ его продолжалъ свои приставанья.

„Нѣтъ, — писалъ онъ, — молчать вы не имѣете права, напишите хоть какуюнибудь резолюцію, хоть то, что я недостоинъ отвѣта“.

Чтобы отвязаться от назойливаго просителя епископъ Николай надписалъ на его прошеніи: „въ консисторію“. Это было 25 октября, а на слѣдующій день Товицкій уже приготовилъ и подалъ архіерею свой отвѣтъ.

„Въ вашей резолюціи, — писалъ онъ, — я вижу одно злое намѣреніе поводить меня на удѣ, помять, посмѣяться. Довольно, довольно, преосвященный владыко! Время пріостановить рѣзвость и призадуматься. Не самъ бо пріялъ еси честь, отъ Господа Бога дана есть власть и сила и Онъ истязеть твѣй талантъ съ лихвою. Время обратить вниманіе на предметъ насмѣшекъ, ибо простирать свое терпѣніе въ безпредѣльность онъ не можетъ. Карай меня, но не издѣвайся“.

4-го ноября 1852 года о. Товицкому предложено было священническое мѣсто въ селѣ Варнавинѣ. Въ своемъ предложеніи по этому поводу консисторіи архіерей приписалъ: „а можетъ быть о. Гавріиль не пойдетъ на это мѣсто?“ И дѣйствительно не пошелъ: приходъ де малъ.

Съ теченіемъ времени полемика Товицкаго становилась болѣе и болѣе смѣлою.

„Въ синодъ напишу и государю императору, — грозилъ онъ епископу Николаю, — дай мнѣ мѣсто въ соборѣ вмѣсто іерея Василя, получившаго званіе свое по ходатайству директора Трояновскаго“.

Въ концѣ 50-хъ годовъ о. Гавріиль Товицкій кончилъ свое священнослужительское поприще. Его лишили сана и онъ умеръ въ совершенной бѣдности. Во время своей неудавшейся и горемычной жизни онъ былъ подѣ судомъ 20 разъ и почти столько же перемѣнилъ приходоѡ. Кляузныя писанія его могли бы составить цѣлый своеобразный литературный сборникъ. Не разъ просьбы его доходили до самого государя и, конечно, возвращались обратно. Тогда о. Товицкій подалъ прошеніе государынѣ на самого государя.*)

Отъ оригинала — Товицкаго я перехожу къ другому оригиналу духовнаго вѣдомства. Это — іеромонахъ Іеронимъ, бывшій учитель и субъ-инспекторъ Тамбовской духовной семинаріи, память о которомъ еще и доселѣ сохраняется во всѣхъ закоулкахъ Тамбовской епархіи. Іеронимъ оставилъ Тамбовъ

*) Архивъ дух. консист., № 2837.

сравнительно недавно, въ іюнѣ 1854 года, а между тѣмъ семинарскіе подвиги его такъ и просятся въ какую нибудь хронику XVII столѣтія, характеризующую іезуитскіе нравственно-воспитательные принципы... Іезуитскій характеръ іеромонаха Іеронима представляется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что эта малоизвѣстная, но стоящая обширной извѣстности, личность отличалась замѣчательно многостороннимъ образованіемъ, выразившимся особенно въ языкознаніи. Іеронимъ прекрасно владѣлъ классическими языками, французскимъ языкомъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, что и въ настоящее время составляетъ величайшую рѣдкость въ учебномъ сословіи духовнаго вѣдомства.

Іеронимъ родился въ Польшѣ, въ окрестностяхъ Ченстохова. Отецъ его, по фамиліи Гепнеръ, ремесломъ былъ сапожникъ, но какой онъ былъ націи, польской, нѣмецкой или еврейской, это намъ неизвѣстно, такъ какъ герой нашего очерка не любилъ говорить о своемъ происхожденіи. Молодой Гепнеръ блистательно окончилъ курсъ въ Варшавской гимназіи и затѣмъ поступилъ въ число студентовъ Дерптскаго университета. Въ Дерптѣ случилась съ нимъ какая-то темная исторія и онъ принужденъ былъ на время переселиться въ Соловецкій монастырь. Невольное путешествіе въ Соловки произвело рѣшительный переворотъ въ судьбѣ Гепнера. Бывшій Дерптскій студентъ принялъ православіе (прежде онъ былъ католикомъ) и, при помощи одного извѣстнаго епископа, сдѣлался слушателемъ 2-го курса Кіевской духовной академіи. Въ Кіевѣ студентъ Гепнеръ превратился въ іеромонаха Іеронима. Это было въ началѣ 40-хъ годовъ. Съ этого времени начинаются служебныя его походы. Первые опыты педагогической дѣятельности о. Іеронима начинаются въ Харьковѣ. Тамъ онъ не ужился съ ректоромъ архимандритомъ Агафангеломъ, впоследствии Волынскимъ архіепископомъ, и затѣмъ послѣдовательно служилъ въ Тамбовѣ, Астрахани, Кишиневѣ, Кишиневскомъ Гербовецкомъ монастырѣ, Нѣжинѣ и Оренбургѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, послѣдовавшей въ концѣ 70-хъ годовъ, Іеронимъ переведенъ былъ архимандритомъ въ Лебедянскій монастырь, но уже не успѣлъ воспользоваться новымъ служебнымъ своимъ поприщемъ.

Наиболѣе опредѣленно дѣятельность Іеронима проявилась въ Тамбовѣ. Прежде всего онъ поражалъ своихъ учениковъ отрицательнымъ отношеніемъ къ обрядамъ православной церкви. Одинъ изъ этихъ учениковъ, со словъ котораго мы теперь пишемъ, однажды, по обязанности семинарскаго старшаго былъ въ квартирѣ о. Іеронима. Это было во время какого-то праздника, кажется Троицы. Почтенный субинспекторъ пилъ чай и закусывалъ. Потомъ онъ пошелъ въ церковь и *отслужилъ обѣдню*. Впослѣдствіи нѣкоторые семинаристы, вышедшіе уже изъ семинаріи, выражали о. Іерониму свое недоумѣніе по поводу его крайняго религіознаго либерализма, на что получили слѣдующій отвѣтъ: „какіе вы глупые! Развѣ вы не знаете, что тайная вечеря была уже послѣ обѣда“.

Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ шла рѣчь о назначеніи духовенству жалованья. Какъ извѣстно, противъ этого проекта явились сильныя противники, въ томъ числѣ и покойный Московскій митрополитъ Филаретъ. Узнавъ объ этомъ Іеронимъ, бывший сторонникомъ матеріальнаго обезпеченія духовенства, и съ обычною ему безцеремонностію говорилъ однажды приближеннымъ ученикамъ своимъ слѣдующее: „и чего это смотрятъ наши попы; сговорились бы они потихоньку, да вдругъ во всѣхъ церквахъ и объявили бы народу: православные! такіе-то и такіе-то вельможи наши и архіереи — еретики“.

Въ особенности іеромонахъ Іеронимъ памятенъ бывшимъ Тамбовскимъ семинаристамъ, какъ неутомимый, безжалостный и искусный гонитель всей семинарской молодежи. Несомнѣнно, каждый открытый имъ проступокъ семинариста доставлялъ ему большое наслажденіе, какъ сыщику по призванію. Іеронимъ разтѣзжалъ иногда по семинарскимъ квартирамъ въ полночь и позднѣе, и если ворота квартиръ были заперты и на стукъ его долго не открывались, то онъ, подобравши рясцу, ловко перелѣзавъ черезъ заборы. Цѣль этихъ внезапныхъ посѣщеній была та, чтобы прослѣдить: нѣтъ-ли у семинаристовъ водки и не пахнетъ-ли у нихъ гдѣ нибудь табачнымъ дымомъ. Ученики должны были дышать на него, послѣ чего Іеронимъ устремлялся въ кухню, въ сарай, въ разныя дру-

гя мѣста и все нюхалъ, нюхалъ... Положимъ, кто нибудь изъ учениковъ навлекалъ на себя подозрѣнiе въ куренiи табаку. Тогда его исключали изъ семинарiи, или же, въ видѣ особенной милости, *сыгли подъ звономъ*. Сѣченiе производилось съ особенною церемонiею. Ученика били розгами, а сторожъ въ это время медленно звонилъ въ колокольчикъ. Всѣ эти церемонiальныя сѣченiя производились подѣ непосредственнымъ наблюденiемъ самого Иеронима и доставляли ему видимое удовольствiе. Узнавъ объ этомъ епископъ Николай, человекъ несомнѣнно добрый и жалостливый по отношенiю къ обездоленной бурѣ, и приказалъ нашему инквизитору быть поспешителемъ къ семинаристамъ. Тогда Иеронимъ началъ заставлять учениковъ подавать прошенiя въ семинарское управленiе примѣрно слѣдующаго содержанiя: „не желая быть исключеннымъ изъ семинарiи и такимъ образомъ лишиться правъ образованiя, покорнѣйше прошу отечески наказать меня“. Разумѣется, просители были удовлетворяемы немедленно и почти неизменно звонъ семинарскаго колокольчика снова возвѣщала всей бурѣ о жертвахъ iеромонаха Иеронима.

Отъ публичнаго сѣченiя не были избавлены и старшии ученики семинарiи, такъ наз *богословы*. Въ 1853 году въ Тамбовской семинарiи въ одномъ отдѣленiи этихъ учениковъ было 87 человекъ и изъ нихъ только 7 *богослововъ избѣжали отеческаго наказанiя*.

Иеронимъ организовалъ изъ Тамбовскихъ семинаристовъ цѣлую шайку шпионовъ, доносившихъ ему о всѣхъ подробностяхъ бурсацкой жизни. Положимъ, какой нибудь *богословъ* былъ имянникъ. Иеронимъ, разумѣется, зналъ объ этомъ и посылалъ кого нибудь изъ своихъ соглядатаевъ на иянины. Гость просилъ угощенiя. Хозяинъ отказывалъ ему въ этомъ за немѣнiемъ денегъ. Но гость былъ человекъ лукавый, онъ вынималъ изъ кармана нѣсколько монетъ, *данныхъ ему Иеронимомъ*, и тогда на столѣ имянника воздвигался полштофъ водки съ соотвѣтственною закускою. Въ это время *исожданно* появлялся въ семинарскаго квартирѣ субъ-инспекторъ Иеронимъ и затѣмъ болѣе или менѣе скоро начиналось для него великое торжество, т. е. исключенiе или сѣченiе семинариста.

Въ прежнія времена въ Тамбовской семинаріи часто бывали рекреации, т. е. майскіе праздники. Учениковъ увольняли отъ классовъ и предоставляли въ ихъ распоряженіе архіерейскій загородный садъ. Въ садъ везли потомъ великую семинарскую *пстау* и обильное угощеніе прерывалось разными играми въ мячъ и горѣлками. Самъ Іеронимъ входилъ въ толпу семинаристовъ и плѣнял ихъ простотою обращенія. Между тѣмъ шпіоны его не дремали. Они соблазняли сгаршихъ семинаристовъ водкой и уводили ихъ тайкомъ въ лѣсъ. Для многихъ это было секретомъ, но не для Іеронима... И такъ какъ майскихъ рекреаций бывало иногда по 16, то жертвъ іеромонашенскаго шпіонства набиралось не мало.

Какъ мы сказали уже, Іеронимъ былъ отличнѣмъ сынцикомъ. Подтверждаемъ это слѣдующимъ фактомъ. Однажды въ семинарской церкви шла всенощная, во время которой одинъ семинаристъ снлъ съ себя шинель и положилъ на окно. По окончаніи богослуженія Іеронимъ этого самаго семинариста остановилъ, такъ какъ шинель его оказалась мокрою, и пригласилъ въ правленіе для сѣченія. „Во всю всенощную шелъ дождь, — говорилъ онъ, — а шинель у тебя мокрая, — стало быть ты уходилъ изъ церкви“. Ни въ чемъ неповинный *богословъ* обратился къ защитѣ самаго ректора архимандрита Платона, который, къ счастью, самъ видѣлъ этого *богослова* въ церкви и остановилъ сѣченіе, но въ то же время приказалъ Іерониму розыскать виновнаго, бравшаго чужую шинель и ухидившаго въ ней изъ церкви. „На утро, — рассказывалъ пишущему эти очерки бывшій владѣлецъ злополучной шинели, — я пришелъ къ обѣднѣ и оказалось, что виновный давно былъ найденъ и уже чуть свѣтъ высѣченъ“.

Довольно оригиналенъ былъ нашъ Іеронимъ въ отношеніяхъ къ товарищамъ и къ начальству. Съ первыми повидимому онъ былъ пріятелемъ, но обо всѣхъ ихъ житейскихъ погрѣшностяхъ и слабостяхъ съ удовольствіемъ пересказывалъ о. ректору. По отношенію ко вторымъ Іеронимъ являлся покорнѣйшимъ слугою и искуснымъ льстецомъ.

Въ 1852 году Іеронимъ былъ назначенъ ревизоромъ въ 1-е Тамбовское духовное училище. Ревизія его была самая строгая. Во время экзаменовъ онъ билъ учениковъ по лицу

и по головѣ, а иногда наматывалъ имъ на шею четки и угрожалъ повѣшеніемъ. Понятно, все училище пришло въ ужасъ отъ грознаго ревизора, что и было единственною цѣлю его ревизіи. Отвѣты получались на экзаменахъ самыя неудачныя и въ изобиліи ставились въ ученическихъ спискахъ единицы, приводившія въ особенное уныніе тѣхъ мальчиковъ, которые должны были перейти въ семинарію. Всѣхъ этихъ неудачниковъ Іеронимъ призывалъ къ себѣ и общалъ имъ повысить ихъ баллы, если только они съ подробностями перескажутъ ему объ образѣ жизни старшихъ семинаристовъ. И конечно напуганная и мало развитая молодежь покорно слушалась опытнаго искусителя и усердно наушничала. Такимъ образомъ полагались начала тому ябедничеству, которое до послѣдняго времени въ широкихъ размѣрахъ практиковалось многими причтами Тамбовской епархіи...

Самая наружность іеромонаха Іеронима производила непріятное впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ весьма крупными чертами лица, рыжебородый и косой. Когда онъ начиналъ говорить, то первое впечатлѣніе только усиливалось отъ его невнятной и гнусливой рѣчи.

Въ домашнемъ быту Іеронимъ отличался цинизмомъ, не стѣсняясь присутствіемъ сослуживцевъ и постороннихъ гостей. Повидимому онъ находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы смѣяться надъ приличіями общежитія. Даже на службѣ, во время уроковъ, онъ издѣвался надъ своею наукою—церковною исторіею, потѣшая учениковъ разными соблазнительнаго содержанія разсказами и разсужденіями. „Когда Іеронимъ говорилъ о православной церкви и ея дѣятеляхъ,—передавалъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ его слушателей,—то видно было, что передъ нами рисуется своимъ либерализмомъ человѣкъ невѣрующій“.

Прощаясь съ однимъ изъ своихъ любимцевъ—семинаристовъ, который уѣзжалъ въ Казанскую духовную академію, іеромонахъ Іеронимъ сказалъ ему въ напутствіе слѣдующія характерныя слова: „знаешь ли ты нашу братію-монаховъ? Конечно, не знаешь. Такъ знай же. Злѣе насъ никого на свѣтѣ нѣтъ. Мірской человѣкъ простить тебѣ обиду, а монахъ никогда“.

То, что мы написали сейчасъ объ Іеронимѣ, конечно, маленькая замѣтка. Цѣль ея написанія заключается между прочимъ въ томъ, чтобы вызвать на судъ исторіи болѣе обстоятельныя свѣденія о бывшемъ Тамбовскомъ педагогѣ—монахѣ, имѣвшемъ въ свое время громадное ретроградное вліяніе на молодежь духовнаго вѣдомства, при чемъ это вліяніе проявлялось съ самою безперомонною откровенностію и даже по маскировалось казопно-лицомѣрнымъ фразерствомъ новѣйшихъ нашихъ обскурантовъ.*)

Отъ неудавшихся типовъ о. о. Товицкаго и Іеронима съ особеннымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ свѣтлой памяти Тамбовскаго протоіерея Стефана Березнеговскаго, имя котораго должно быть дорого мѣстному краю, а между тѣмъ о покойномъ своемъ соотечественникѣ мы ничего почти не знаемъ. Молчатъ о немъ даже близкіе его родственники, которые, повидимому, могли и умѣли бы познакомить съ его симпатичною личностію Тамбовскую публику, не чуждую научныхъ интересовъ и уваженія къ скромнымъ подвижникамъ кропотливаго и полезнаго труда..

Протоіерей Березнеговскій всю жизнь свою разработывалъ источники мѣстной исторіи. Скромнень былъ его тяжелый научный трудъ и не гнался онъ за литературною славою, воодушевляясь единственно чистою любовію къ отечественной наукѣ и родинѣ.

Случайно намъ попался одинъ № Тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостей, безъ указанія года его изданія, съ статью Березнеговскаго подъ такимъ заглавіемъ: „нѣсколько историческихкихъ извѣстій объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ заложению города Тамбова, его постройкѣ и населенію“. И вотъ мы пользуемся этою статью съ пѣлію хотя нѣкотораго освѣщенія личности покойнаго, безвѣстнаго, но заслуживающаго извѣстности, автора.

О. Березнеговскій глубоко любилъ мѣстный край. Это видно изъ слѣдующихъ его словъ: „любопытно читать чтонибудь о Тамбовѣ. Темныя преданія о набѣгахъ Татаръ, о Булавинѣ и о Пугачевской шайкѣ, разбитой въ селѣ Разсказовѣ, пленяють душу и неволью заставляютъ подумать:

*) Тамб. губ. вѣдомости, 1881-й г. № 89-й, наша статья.

жутко было нашимъ предкамъ— Тамбовцамъ жить въ дремучихъ лѣсахъ и на дѣвственныхъ степяхъ, покрытыхъ сѣдымъ ковылемъ“.

Подобно всѣмъ истинно умнымъ и преданнымъ своему дѣлу труженикамъ, протоіерей Березнеговскій не любилъ *выставлять* себя и отзывался о своихъ работахъ съ самою трогательною простотою.

„Живя въ Тамбовѣ болѣе 40 лѣтъ,—писалъ онъ,— я старался узнать о старомъ бытѣ Тамбова и досталъ о немъ рукописную лѣтопись. Конечно, мои рассказы не полны. По крайней мѣрѣ не все поглотить ненасытное время и можетъ быть будущій Тамбовскій историкъ найдетъ въ нихъ что нибудь нужное для себя“.

Далѣе нашъ авторъ приступаетъ къ своей главной темѣ, нѣкоторыя подробности развитія которой я привожу въ слѣдующихъ строкахъ, имѣя въ виду библиографическую рѣдкость статей о Березнеговскаго.

„Мѣсто, на которомъ заложенъ городъ Тамбовъ, покрыто было непроходимыми вѣковыми лѣсами, тянувшимися непрерывною грядою отъ Хопра до Балтійскаго моря и отъ Волги до Дона. Только въ уѣздахъ Кирсановскомъ, Борисоглебскомъ и частію Козловскомъ кое-гдѣ проскальзывали поляны, покрытыя травой, какъ оазисы среди пестраныхъ степей Аравійскихъ“.

Желая доказать огромность и непроходимость Тамбовскихъ лѣсовъ до послѣдняго времени, нашъ покойный историкъ ссылается на извѣстныя событія 1774 года.

„Въ 1774 году,—говоритъ онъ,— когда шайка Емельки Пугача приближалась къ селу Разказову, жители города Тамбова спѣшили укрыться отъ неминуемой бѣды по за тридцать земель, а просто пробирались съ имуществомъ за рѣчку Студенку и твердо увѣрены были, что въ тамошней лѣсной глуши пугачи не найдутъ ихъ“.

Весьма любопытны указанія о Березнеговскаго на постройку Тамбова по новому плану въ 1782 году. Во всѣхъ трехъ нынѣшнихъ городскихъ частяхъ, по словамъ нашего автора, владѣвшаго большею частію мѣстными лѣтописными источниками,—росли огромныя рощи. Ихъ рубили, какъ для

проведенія улицъ по плану, такъ и на постройки и дрова. Справедливость этихъ словъ отчасти подтверждается воспоминаніями мѣстныхъ старожиловъ, которые въ дѣтскіе годы свои сами видѣли довольно значительное количество рощъ и густаго кустарника въ городской чертѣ, около вала и по Студенцу.

Разбираемый нами писатель не былъ простымъ пересказчикомъ разныхъ событій мѣстной исторіи. Онъ любилъ копаться въ разныхъ архивахъ и исторіи Карамзина, дѣлать изъ нихъ выписки и такимъ образомъ являлся если не ученымъ историкомъ, то во всякомъ случаѣ просвѣщеннымъ популяризаторомъ мѣстной исторіи. Относительно же нѣкоторыхъ мѣстно-историческихъ вопросовъ о Березнеговскій былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Такимъ онъ является въ разсказѣ о zaloженіи и постройки города Тамбова.

Приводимъ изъ его статьи нѣсколько довольно любопытныхъ выдержекъ.

„Рабочіе для постройки Тамбова вызваны были изъ Рязани и Шацка. Строитель города стольникъ Романъ Фодоровичъ Бобарыкинъ прибылъ на работы въ мартѣ 1636 года. Избранное мѣстоположеніе подъ постройку города Тамбова защищалось съ востока крутыми берегами рѣки Цны, съ сѣвера — таковыми же берегами рѣчки Студонца, съ юга — обрывистымъ и крутымъ буеракомъ, съ запада болотами и топями, лежавшими среди непроходимыхъ лѣсовъ. Самая слабая сторона при защитѣ города Тамбова была съ запада, но эту сторону Бобарыкинъ укрѣпилъ искусственно“.

Zaloженіе Тамбова послѣдовало 17 апрѣля 1636 года въ первый день Пасхи. Объ этомъ событіи о Березнеговскій повѣствуетъ такъ:

„Прежде всего Бобарыкинъ заложилъ деревянную церковь Преображенія Господня. Священнодѣйствовалъ при этомъ священникъ Поздняковъ. Въ то же самое время положены основныя бревна и другихъ крѣпостныхъ зданій. Преображенская церковь въ теченіи трехъ мѣсяцевъ срублена была въ два этажа и 6 августа была освящена“.

Тогда же начали строить деревянную Знаменскую церковь, казачью слободу, посводскую избу, тюрьму и запасныя

магазины. Осенью 1636 года всё эти работы были окончены и 1 октября новый городъ Тамбовъ былъ открытъ и освященъ. Такимъ образомъ праздникъ Покрова имѣетъ для насъ особенное значеніе.—Это день рожденія нашего города.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія не одинъ протоіерей Березнеговскій украшалъ собою Тамбовское духовенство. Въ это время нарождавшееся нравственное развитіе массы этого почтеннаго сословія выражалось уже довольно разнообразно. Въ Тамбовской семинаріи пользовался вполне заслуженною извѣстностію преподаватель философіи И. А. Савостьяновъ, авторъ прекрасныхъ записокъ по Логикѣ. Человѣкъ всецѣло преданный своей наукѣ, въ высшей степени скромный и чуждый всѣхъ свѣтскихъ развлеченій, Иванъ Алексѣевичъ находилъ единственную отраду своей черствой и горемычной жизни только въ своемъ авторитетномъ и глубоко нравственномъ общеніи съ семинарскою трудящеюся молодежью. И не напрасенъ былъ его житейскій подвигъ. Молодежь чтила его при жизни, повинувась каждому его слову, почтила его дорогую память и по смерти его, совершившейся въ 1849 году. Надъ могилой И. А. Савостьянова на Успенскомъ кладбищѣ усердные ученики его воздвигли памятникъ. Припоминается намъ только одна нѣкоторая слабость покойнаго Тамб. педагога. На публичныхъ экзаменахъ, въ присутствіи многочисленной и разнообразной публики, онъ любилъ вызывать всѣхъ, не исключая и преосвященнаго Николая на ученые диспуты и почти всегда являлся побѣдителемъ. Кажется, только въ этихъ побѣдахъ и заключалось все его весьма повятое и извинительное честолюбіе.

Въ описываемое нами время были весьма почтенные дѣятели и среди Тамбовскаго сельскаго духовенства. Къ такимъ пастырямъ мы относимъ священника села Двойни о. Тимофея Лысогорскаго. Это былъ человѣкъ высокаго благочестія и обширнаго природнаго ума. Недостатки своего школьнаго образованія онъ восполнялъ постояннымъ чтеніемъ серьезныхъ книгъ духовной и свѣтской литературы. Понятно послѣ этого, почему всѣ прихожане глубоко уважали его и всякій совѣтъ его исполняли, какъ приказаніе. Но они и любили его, потому что о. Лысогорскій самъ любилъ своихъ

прихожанъ не какъ *наемникъ*, а какъ *пастырь добрый*. Случалось ли горе какое въ бѣдной крестьянской хатѣ, онъ шель туда безъ зова и посѣщеніе его всегда приносило изстрадавшемуся народу извѣстную степень отрады. Бывала ли изрѣдка радость въ крестьянской семьѣ, и тутъ первымъ участникомъ ся являлся о. Тимоѳей. Съ теченіемъ времени пастырское вліяніе его распространилось на всѣ ближайшія окрестности. Къ о. Тимоѳею стали пріѣзжать за подобными совѣтами не одни крестьяне, но и помѣщики. Такимъ образомъ скромная нравственно-религіозная сила взяла верхъ надъ сословными предразсудками, слишкомъ сильными въ былыя времена... Пользуясь немногими своими досугами, о. Тимоѳей составлялъ свою деревенскую лѣтопись, въ которую вносилъ обстоятельныя и живыя замѣтки относительно хозяйства, явленій природы и важнѣйшихъ событій внутренней и внѣшней русской политики. Объ этой лѣтописи много напечатано въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1880 годъ, подъ заглавіемъ: деревенскій лѣтописецъ.

Теперь мы намѣрены приступить къ краткому указанію церковныхъ событій мѣстнаго края за послѣднее время.

Епископъ Николай оставилъ Тамбовскую каѳедру въ 1857 году. Преемниками его были слѣдующіе епископы: Макарій, недавно скончавшійся митрополитъ Московскій, Теофанъ—проживающій на покоѣ въ Шацкой Вышенской пустыни, Θεодосій—въ настоящее время епископъ Вологодскій, Палладій—переведенный отъ насъ на Рязанскую и потомъ на Казанскую каѳедру и Палладій—современный намъ Тамбовскій архипастырь. Эпоха позднѣйшихъ нашихъ владыкъ ознаменована въ жизни Тамбовскаго духовенства многими важными событіями. Макарій и Теофанъ, несомнѣнно, подняли умственно-нравственный уровень нашей епархіи, привлекая въ среду духовенства нѣсколько лицъ съ академическимъ образованіемъ, что до нихъ было большою рѣдкостію. Съ этого времени стали издаваться мѣстные епархіальныя вѣдомости, далеко не послѣднія въ Россіи. Такимъ образомъ явился Тамбовскій церковный органъ, не мало содѣйствующій пробужденію литературныхъ стремленій въ нашемъ духовенствѣ. При епископѣ Θεодосіи открыто было женское

эпархіальное училище, временно учрежденъ былъ викаріатъ и вопло въ силу извѣстное эпархіальное выборное начало. Последняя реформа сразу выразилась въ лучшемъ составѣ благочинныхъ и въ болѣе широкомъ развитіи мѣстной церковной жизни. Периодическіе эпархіальные съѣзды, при всей неопытности и неподготовленности о.о. депутатовъ, привыкшихъ, по старой семинарской привычкѣ, повиноваться не закону и служебному долгу, а грозному начальническому окрику, — значительно улучшили нравственный и особенно матеріальный бытъ духовно-учебныхъ заведеній, приобрѣли въ Тамбовѣ огромныя зданія для общежитія духовныхъ воспитанниковъ, завели приходскія бібліотеки и чрезъ все это положили прочное начало дальнѣйшему усовершенствованію мѣстнаго духовенства.

Въ заключеніе этого очерка не можемъ пройти молчаніемъ еще одного весьма важнаго факта. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Спасскомъ уѣздѣ построена и освящена единовѣрческая церковь и къ ней назначенъ единовѣрческой священникъ, бывшій поповецъ — начетчикъ. Такимъ образомъ и у насъ началось серьезное сближеніе раскола съ православіемъ, и у насъ понемногу начала сглаживаться давняя и тяжелая религіозная вражда людей одной плоти и крови...

Донисывая эту главу, мы съ сожалѣніемъ отмѣчаемъ слѣдующее. Произошли у насъ важныя церковныя реформы, авторитетъ духовенства значительно возвысился — и всетаки въ среду священно-служителей не идутъ люди постороннихъ профессій. Отъ чего это? Конечно — не отъ извѣстныхъ предубѣжденій противъ званія и не отъ трудностей поступленія, а отъ доселѣ еще существующихъ неправильностей экономического и нравственнаго быта духовенства...

ТАМБОВСКІЯ ПИСЦОВЫЯ КНИГИ.

Третью главу своего труда я посвящаю изслѣдованію вопроса объ извѣстныхъ исторіи первыхъ поселенцахъ Тамбовскаго края и о первоначальномъ русскомъ землевладѣніи, съ краткимъ указаніемъ всѣхъ первобытныхъ промысловъ нашихъ древне-русскихъ колонистовъ. Главнымъ источникомъ для этого своего отдѣла мы признаемъ мѣстные писцовыя записи, усиленное составленіе которыхъ началось, какъ извѣстно, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по благословенію и по мысли святѣйшаго патріарха Филарета. Въ началѣ XVII столѣтія вельдѣствіе финансовыхъ государственныхъ затрудненій во всѣ области русскаго царства посланы были *писцы и дозорщики*, обязанность которыхъ состояла въ подробномъ описаніи городовъ и селъ и въ перепискѣ жителей и ихъ земельныхъ дачъ. Цѣль этого предпріятія была чисто фискальная. Въ настоящее время первобытное значеніе писцовыхъ книгъ, конечно, утратилось, но за то онѣ приобрѣли огромное значеніе научное, такъ какъ сдѣлались перненствующими источниками для бытовой русской исторіи XVII вѣка.

Принимая во вниманіе серьезный научный характеръ писцовыхъ книгъ, а также и то, что изданіе вообще далеко еще не окончилось, Тамбовскіе же писцовыя документы и вовсе неизвѣстны,—мы принимаемъ на себя трудъ изданія мѣстныхъ писцовыхъ отрывковъ, большею частію случайно найденныхъ нами въ разномъ бумажномъ хламѣ архива Тамбовскаго окружнаго суда. Самымъ усерднымъ нашимъ *писцомъ и дозорщикомъ* былъ Тамбовскій воевода и стольникъ В. В. Крапоткинъ. Подручнымъ дѣльцомъ состоялъ при немъ

подъячій Иванъ Татариновъ. Подлинниковъ ихъ работъ въ Тамбовѣ, разумѣется, нѣтъ: они должны храниться въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, да и то еще сомнительно, потому что названный нами архивъ въ 1812 году почти въ полномъ своемъ составѣ выброшенъ былъ Французами въ одинъ ровъ и долго гниль тамъ подъ вліяніемъ дождей и исчезалъ отъ разныхъ весьма понятныхъ причинъ... Но за то у насъ отчасти сохранились съ этихъ подлинниковъ офиціально засвидѣтельствованныя копіи 1785-го года, въ теченіи котораго происходило во всей Россіи генеральное межесваніе. Слѣдовательно, достовѣрность издаваемыхъ нами документовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вирочемъ, прежде изслѣдованія писцовыхъ записей, мы обратимъ вниманіе на нашихъ мѣстныхъ аборигеновъ—Мещеру и Мордву. Первые давно уже подверглись русской ассимиляціи и потому отъ нихъ не осталось никакихъ національныхъ преданій. Намъ извѣстно только то, что съ самаго начала русской исторіи и до XVII-го вѣка край нашъ именовался по преимуществу Мещерской стороною. Значить, большинство нашего народонаселенія было искони именномъ Мещерское. Но Мещера всегда отличалась крайню мирнымъ характеромъ и вслѣдствіе этого жутко ей было жить въ нашихъ лѣсахъ дремучихъ и поляхъ дикихъ...

Въ давнія темныя времена громили тихихъ аборигеновъ нашего тихаго края Половцы, Хазары и иные воинственные степняки. Позднѣе и русскіе Рязанскіе и Черниговскіе князья не церемонились съ ними. Наконецъ въ XIII столѣтіи свалилась на нашу землю извѣстная татарская гроза и съ тѣхъ поръ началось медленное и безповоротное вымираніе и обезличеніе Мещеры. Татарское иго со временемъ стало ослабѣвать. Очнулись и русскіе и все крѣпче и крѣпче стали утверждаться во всей восточной Европѣ... Даже Мордва и покоренные нами Татары долго еще крѣпились, упорно выдерживая въ своихъ укрѣпленныхъ городкахъ приступы Московскихъ дружинъ. Одна Мещера пассивно покорилась ходу историческихъ событій и добровольно укрылась въ сѣверо-восточномъ углу нынѣшней Тамбовской губерніи. Единственными ея національными памятниками служатъ въ настоящее

время Спасские Мещерские женские костюмы и своеобразный выговор многих русских словъ, наблюдаемый въ особенности въ селахъ Кириловѣ, Сядежкѣ и Красной Дубровѣ.

Прочнѣе Мещеры оказалась Мордва. Къ историческимъ судьбамъ этого племени мы и переходимъ теперь.

Мордва, населяющая въ настоящее время въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ сѣверную уѣзды Тамбовской губерніи, какъ народъ издавна политически слабый и крайне неразвитой, не имѣетъ своихъ письменныхъ историческихъ преданій и потому теперь нѣтъ никакой возможности составить ясное представленіе о прошедшихъ судьбахъ этого добродушнаго, трудолюбиваго, но обиженнаго исторіей племени. А указанія на Мордву въ русскихъ лѣтописяхъ настолько кратки и неясны, что по нимъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго относительно обитателей нашего сѣвера. Между тѣмъ это одно изъ самыхъ многочисленныхъ Финскихъ племенъ въ Россіи (болѣе 700 тысячъ), когда то тревожившее своими набѣгами русскія удѣльныя княжества: Рязанское, Суздальское, Черниговское и Нижегородское, тѣское племя, которое и по присоединеніи къ Москвѣ долго имѣло своихъ князей, помогавшихъ Московскимъ царямъ собирать русскую землю...

Что Мордва раньше русскихъ населяла теперешнюю Тамбовскую губернію, это доказываются Мордовскими названіями мѣстныхъ городовъ, селъ и урочищъ. Самое названіе губернскаго города Тамбова есть, по всей вѣроятности, Мордовское. По Мордовски Тамбовъ значитъ: омутъ. Не далеко отъ Тамбова есть рѣчка Нару-Тамбовъ. Справившись съ Мордовскимъ словаремъ, мы узнаемъ, что Нару-Тамбовъ означаетъ: травяные омуты, что какъ разъ подходитъ къ свойствамъ названной нами рѣчки. Въ 90 верстахъ отъ Тамбова расположено извѣстное село Пичаево. И это названіе несомнѣнно Мордовское. Когда то очень давно, — говоритъ Мордовская легенда, — одинъ Мордовскій князь кочевалъ на мѣстѣ этого села. Тутъ у него умерла любимая жена и въ память ея огорченный мужъ вырѣзалъ изъ дерева статую, Пичь-аву, т. е. сосновую бабу. Въ окрестностяхъ Тамбова и еще есть много мѣстностей, носящихъ Мордовскія названія. Вотъ вѣ-

которыя изъ нихъ: поселокъ Ляда (отъ Ляй-оврагъ), Итлай (отъ Иде-Ляй: ребячій ручей), Сюмолай (корыто-оврагъ) и Ничеяръ—сосновый оврагъ. Въ настоящее время среди Тамбовской Мордвы сохраняются весьма скудныя преданія о сравнительно недавней ея жизни, о послѣднихъ временахъ ея самостоятельности и о Татарскихъ набѣгахъ.

По преданію, послѣднимъ Мордовскимъ княземъ былъ цѣкто Тюштянь, жившій въ XVI столѣтіи. Это былъ правитель справедливый, безпристрастный и гонитель воровъ. За кражу малѣйшей вещи онъ приказывалъ вѣшать преступниковъ на висѣлицахъ. О смерти Тюштяня Мордовское преданіе разсказываетъ такъ. Когда пришло время ему умереть, онъ предложилъ своимъ подданнымъ вопросъ: умереть ли ему передъ глазами ихъ, или удалиться отъ нихъ куданибудь живому и тамъ умереть? Народное собраніе на это со словами объявило ему: *очевидная смерть твоя будетъ для насъ несравненно прискорбнѣе неизвѣстной твоей отлучки. Послѣ видимой смерти твоей намъ не останется никакого утѣшенія, а если ты увидишь куда и умрешь тамъ, то мы будемъ ожидать твоего возвращенія.*

Тюштянь послушался народа и ушелъ неизвѣстно куда, а на память о себѣ оставилъ будто бы свою трубу въ кустарникѣ близъ города Керенска.

Въ случаѣ непогоды, когда шумѣлъ вѣтеръ, труба эта издавала звуки и Мордовскій народъ, слыша это, съ радостію говорилъ: „царь панъ еще живъ“... Какъ народъ политически слабый, Мордва издавна была притѣвляема другими народами, отъ которыхъ находила вѣрно убѣжище среди непроходимыхъ лѣсовъ, еще и доселѣ отчасти сохраняющихся въ сѣверныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи. Свѣжѣе всего въ памяти Мордвы сохранились преданія о нападеніяхъ на нее Ногайскихъ татаръ. Въ Мордовскихъ селахъ и доселѣ еще поютъ пѣсни, содержаніемъ своимъ указывающія на скорбное положеніе и бѣдствія кореннаго Тамбовскаго племени... До обращенія въ христіанство, окончательно совершившагося въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, Мордва исповѣдывала многобожіе. Главнѣйшій Мордовскій богъ назывался Вярда-шкой, но ему Мордва почти никогда не моли-

лась, считая его существомъ слишкомъ недоступнымъ для людей. Остальные Мордовскіе боги существовали будто бы попарно. Напримѣръ: Мастарь-ате (отецъ земли) и Мастарь-ава (мать земли); Вѣдь-ате (отецъ воды) и Вѣдь-ава (мать воды); Пакся-ате (отецъ поля) и Пакся-ава (мать поля); Калдась-ате (отецъ двора) и Калдась-ава (мать двора); Кудь-ате (отецъ дома) и Кудь-ава (мать дома).

О началѣ міра языческая Мордва думала такъ. Сперва не было земли, повсемѣстно разливалась вода. Однажды богъ Вярдя-шкай плылъ въ лодкѣ и плюнулъ въ воду, отъ чего произошелъ злой духъ въ видѣ птицы. Замѣтивъ его, Вярдя-шкай предложилъ ему принять участіе въ сотвореніи земли и для этого послалъ его на дно моря за землею. Дьяволъ исполнилъ повелѣніе Вярди-шкай, но при этомъ скрылъ у себя во рту частицу земли. Когда же на поверхности воды стала образовываться суша, то и у злаго духа земля во рту стала увеличиваться, вследствие чего онъ сознался въ своемъ проступкѣ и выкинулъ изо рта покражу; отъ этого образовалась превысокая гора.

По сотвореніи міра богъ заключилъ съ злымъ духомъ условіе, по которому живые люди должны были принадлежать богу, а мертвые—злому духу. Но такъ какъ по дѣйствию злаго духа люди стали быстро умирать, то Вярдя-шкай вынужденъ былъ принять мѣры къ искупленію рода человѣческаго. Для осуществленія этого намѣренія Вярди-шкай одинъ взявъ его слугъ притворно покорился злому духу, вошелъ къ нему въ довѣренность и похитилъ у него условіе, заключенное съ Вярди-шкаемъ, которое хранилось на днѣ моря въ одномъ камнѣ.

Объ исторіи перваго человѣка Мордва тожо имѣла свои представленія, именно такіа:

Богъ помѣстилъ перваго человѣка, у котораго кожа была твердая, роговая, въ рай, а самъ куда-то отправился, поручивъ охраненіе рая собакѣ, которая тогда еще не была покрыта шерстью и считалась чистымъ животнымъ. Въ отсутствіе Вярди-шкай къ райскимъ воротамъ подошелъ злой духъ, пообѣщавъ собакѣ покрыть ее шерстью и безпрепятственно вошелъ въ рай и оплевалъ всего человѣка, кроми окончатостей пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Между тѣмъ въ

рай вернулся Вярдя-шкой, и какъ онъ ни старался очистить человѣческое тѣло отъ дьявольской слюны, никакъ не могъ этого сдѣлать и принужденъ былъ снять съ человѣка кожу и выворотить ее наизнанку. Съ тѣхъ поръ человѣкъ сталъ извергать слюну, а собака сдѣлалась нечистымъ животнымъ.

О сотвореніи второстепенныхъ боговъ Мордва думала такъ. Однажды Вярдя-шкой ударялъ одинъ камень о другой и вслѣдствіе этого вылетали изъ камней разные боги. Увидѣвъ эту работу злой духъ и самъ сталъ дѣлать тоже, только изъ камней вылетали подобные же ему злые духи. Наконецъ Вярдя-шкой увидѣвъ это и произнесъ надъ работою злаго духа заклятіе. Тогда изъ камней, вмѣсто злыхъ духовъ, стали вылетать огненные искры.

Общественное богослуженіе совершалось у Мордвы въ лѣсахъ. За нѣсколько дней до него жители Мордовскихъ селъ варили пиво, жарили мясо, пекли пироги и все это въ опредѣленное время приносили въ священный лѣсъ. Когда всѣ являлись на мѣсто, почтеннѣйшій изъ нихъ взлѣзалъ на вершину какого нибудь высокаго дерева, а остальные, ставъ на колѣни, молились ему такими словами: „Вярдя-шкой атя! тукъ тейнекъ шумбра парани, т. е. Всевышній Боже! дай намъ доброе здоровье“. Тогда сидѣвшій на деревѣ громогласно отвѣчалъ: „дамъ, дамъ“. Потомъ молившіеся просили у Вярдя-шкаю урожая хлѣба, многочисленнаго и крѣпкаго скота и другихъ сельско-хозяйственныхъ благъ и на всѣ молитвы получали сверху тотъ же отвѣтъ: „дамъ, дамъ“. По окончаніи молитвы начинался всеобщій пиръ.

Изъ языческихъ Мордовскихъ праздниковъ въ настоящее время извѣстны только два. Одинъ въ честь полевыхъ боговъ, другой въ честь домовыхъ боговъ. Первый праздникъ происходилъ въ полѣ и состоялъ главнымъ образомъ во всеобщемъ пированіи съ пѣснями и плясками, причемъ кости, оставшіеся отъ трапезы, бросались въ рѣки. Въ рѣкѣ Чіушѣ, протекающей у села Покровскихъ Селищъ, Спасскаго уѣзда, и теперь указываютъ мѣсто, куда бросали жертвенныя кости, чтобы предохранить ихъ отъ съѣденія домашними животными. Мѣсто это называется: Пескарнъ-Тамба—костяной омутъ. Кромя того, во время полевого праздника среди пировав-

шихъ лежала высокая коврига съ зажженною на ней свѣчей... Въ ковригу усердные богомольцы клали серебряныя копѣйки, а по окончаніи пиршенства поручали ее для сохраненія до слѣдующаго года какому нибудь почтенному человеку. Объ этой ковригѣ есть такое преданіе. Когда Мордва приняла христіанство, въ нынѣшній Спасскій уѣздъ пріѣхалъ по порученію правительства какой-то чиновникъ, по имени Алексѣй Тимоѣевичъ, и взялъ себѣ ковригу, польстившись на хранившіяся въ ней серебряныя деньги. Это крайне возмутило Мордву, еще чтившую по старой памяти бывшія языческія святины, и она приготовилась раздѣлаться съ Алексѣемъ Тимоѣевичемъ по своему. Но тотъ и самъ уже образумился, потому что его постигли разныя несчастія. Онъ возвратилъ ковригу Мордвѣ и подарилъ серебряную ризу на образъ въ церковь села Покровскихъ Селищъ. Риза эта будто бы до сихъ поръ цѣла.

Обряды въ честь домоваго бога совершались Мордвою уже безъ особенной торжественности и каждымъ семействомъ на своемъ дворѣ. Въ этомъ случаѣ сперва было моленіе, а потомъ на ночь старики клали на столбахъ маленькіе хлѣбы и ежели на утро хлѣбовъ не оказывалось на мѣстѣ, то это считалось добрымъ предзнаменованіемъ. Значить домовый богъ принималъ жертву.

Замѣчательно, что Мордва, еще въ періодъ язычества, почитала за праздники дни Св. Николая и ради этого еще до разсвѣта напивалась и наѣдалась.

При родинахъ особыхъ обрядовъ у языческой Мордвы не было. Имя новорожденному давала повивальная бабка. Если отецъ новорожденнаго во время родовъ былъ въ лѣсу, то давалось имя, выражавшее какую нибудь принадлежность лѣса. А если отецъ былъ въ полѣ, то новорожденнаго нарекали названіемъ того хлѣба, который сѣялъ или косилъ отецъ, или—того урчища, гдѣ онъ работалъ.

Свадебные обряды, по преданію, совершались у Мордвы слѣдующимъ образомъ. Отецъ жениха высматривалъ новѣсту и если она ему нравилась, то онъ бралъ хлѣбъ съ медомъ, верхомъ подѣзжалъ къ ея дому, бросалъ хлѣбъ черезъ заборъ на дворъ и при томъ старался, чтобы его замѣтили, а

за тѣмъ скакалъ домой. Отецъ же невѣсты или братья ея не медленно отправлялись за нимъ въ погоню и если не желали породниться съ нимъ, то догоняли его и возвращали ему хлѣбъ съ медомъ; въ противномъ случаѣ погоню дѣлали только для виду, а по возвращеніи съ погони созывали родныхъ и сосѣдей и ѣли съ ними подброшенный хлѣбъ.

Самый обрядъ брака совершался какою нибудь пожилою женщиною, которая брала у жениха шапку, а у невѣсты ленту, тѣмъ и другимъ водила нѣсколько разъ надъ ихъ головами и потомъ надѣвала на невѣсту шапку, а на жениха ленту. Тѣмъ и кончалось бракосочетаніе. Изъ старинныхъ Мордовскихъ пѣсень видно, что Мордва часто женила своихъ сыновей, когда они были еще въ колыбели. Дѣвушки же почти всегда вступали въ замужество около 30-лѣтняго возраста и воспитывали мужей своихъ вмѣсто дѣтей. Близкое родство при этомъ нисколько не служило препятствіемъ. Изъ одной Мордовской пѣсни видно, что вдовы должны были выходить замужъ за братьевъ умершихъ своихъ мужей, а вдовцы — жениться на своихъ свояченицахъ.

Касательно Мордовскихъ погребальныхъ обрядовъ известно только то, что Мордва съ умершими клала въ могилу всѣ ихъ любимыя вещи и рабочіе инструменты. А съ дѣтьми клали въ могилу ихъ игрушки и тѣ сосуды, изъ которыхъ принимали они пищу. На это между прочимъ указываютъ случайныя раскопки старинныхъ Мордовскихъ кладбищъ.

Мордва совершала также поминовеніе своихъ умершихъ. Съ этою цѣлію родственники шли на могилы, привизывали около нихъ быковъ или барановъ, молились и за тѣмъ рѣзали животныхъ и пировали. Пиръ этотъ чаще всего происходилъ ночью, потому что Мордва думала, что покойники именно ночью могутъ приходиться къ своимъ роднымъ.

Въ настоящее время Мордва имѣетъ самыя странныя понятія о приличіи. Молодая Мордовка ни за что не покажется свекру или другому какому нибудь пожилому своему родственнику босая и безъ головнаго покрывала.

Въ этихъ видахъ Мордовки даже спятъ въ обуви, въ лаптяхъ, или же въ большихъ сапогахъ съ напускомъ. Между супругами эти приличія доходятъ даже до того, что они

никогда не называютъ другъ друга по имени, а вмѣсто того употребляютъ мѣстоименія или же прилагательныя, означающія какіе нибудь недостатки того или другой, напримѣръ рябой, хромою; косая, кривобокая... Въ теченіи нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ послѣ брака молодые стыдятся разговаривать между собою при постороннихъ людяхъ о чемъ бы то ни было.

Браки у Мордвы совершаются безъ всякаго предварительнаго согласія жениха и невѣсты. Въ данномъ случаѣ все зависитъ рѣшительно отъ воли родителя. До вѣнчанія и во время вѣнчанія женихъ даже не можетъ видѣть лица невѣсты, закрытаго бѣлымъ платкомъ.

Когда женихъ пріѣзжаетъ съ поѣзжанами за невѣстою въ домъ отца ея и входитъ въ избу, гдѣ она сидитъ за столомъ, соевѣтъ уже снаряженный, то принужденъ бываетъ выслушивать отъ будущей своей жены слѣдующія привѣтствія: „не въ домъ отца моего взошелъ бы ты, вышній богъ прокляни тебя, а на острый ножъ пошелъ бы ты“. Когда женихъ садится около невѣсты, она продолжаетъ: „не на лавку отца моего присѣлъ бы ты, а между досками въ гробъ растянулся бы ты“. Съ подобными же словами невѣста обращается и къ своимъ подругамъ, которыя убираютъ ей волосы. Наконецъ она проклинаетъ и себя за то, что идетъ замужъ. Послѣ этого женихъ насильно беретъ ее за руки, между тѣмъ какъ невѣста изо всѣхъ силъ отбивается отъ него, и тащитъ ее къ выходу, причемъ молодая въ дверяхъ упирается руками и ногами въ дверные косяки. На другой день свадьбы молодыхъ ведутъ къ колодезю и при этомъ молодая бросаетъ въ воду какую нибудь монету, а затѣмъ они наливаютъ ушатъ водою и несутъ домой. Гости же вырываютъ у нихъ этотъ ушатъ и водою изъ него поливаютъ другъ друга. Затѣмъ молодой даютъ новое имя. Эгихъ именъ только пять: Мази, Вязи, Тязи, Павай и Тяти. Первое имя означаетъ: красивая, остальные не имѣютъ опредѣленнаго смысла. Новое имя даетъ молодой какой нибудь мальчикъ, чаще всего родственникъ молодого, и при этомъ ударяетъ ее по лбу три раза небольшою ковригой хлѣба. И какъ только молодая получитъ новое имя, прежнее ея христіанское имя въ семьѣ уже не употребляется.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Мордовскомъ

языкъ. Мордовскій языкъ въ лексическомъ отношеніи самый бѣдный и въ настоящее время видимо исчезаетъ. Нѣкоторыя Мордовскія села, напримѣръ: Леплейка, Вечуткино и Кельгенино, на нашихъ глазахъ подвергаются русской ассимиляціи и уже не далеко, повидимому, то время, когда вся Мордва окончательно сольется съ массою русскаго народа, какъ это уже сдѣлалось съ Тамбовской Мещерой. Въ Мордовскомъ языкѣ имена существительныя не различаются по родамъ, а глаголы имѣютъ пять наклоненій: неопредѣленное, изъявительное, повелительное, желательное и уступительное. Чистаго Мордовскаго языка въ настоящее время уже нѣтъ. Рѣчь Мордовская часто перемѣшивается съ русскими словами, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ одной Мордовской пѣсни:

„Вандыни Ушмань Байкась порапашь,
Седландазе сѣрый-бурый аламанць
Сергя-дизнь вислоухій-борзый изантъ...

Хотя эта пѣсня вовсе не отличается ритмическими совершенствами, тѣмъ не менѣе мы приводимъ ее въ буквальномъ переводѣ, такъ какъ она не лишена историческаго интереса и указываетъ намъ на бывше факты горемычной Мордовской жизни.

- И сегодня Байка Ушмань на охоту,
И завтра Байка Ушмань на охоту.
Осѣдлалъ онъ сѣро-бураго коня
И позвалъ вислоухихъ псовъ своихъ.
Задумалъ Байка ѣхать въ Ногайское поле,
И загналъ онъ тамъ бѣлаго зайца.
И поймалъ его старый Ногаецъ.
Заставили Байку дитя качать.
Баюшки-баю, Ногайское дитя,
Ногайское, проклятое...
- Зачѣмъ, Мордовскій сынъ, ругаешься?
Отвѣчалъ Мордвинъ: вы взяли въ полонъ сестру мою,
Словили потомъ и меня самого.
- Скажи мнѣ, Мордовскій сынъ, откуда ты?
Такъ спросила его жона Ногайцева.—
- Большаго села, села Ачадова.

- Изъ Ачадова чей ты сынъ?
- А сынъ я Ушмая старика.
- Сама я, братецъ, сама я, матушка,
- Ушмая старика дочка.
- Не тужи, не печалься,
- Старикъ Ногаецъ отпустилъ тебя.
- Убѣжимъ, сестра, уйдемъ, моя матушка!
- Но пойду я, братецъ мой,
- Сыновой своихъ не покину я...*)

Здѣсь мы оканчиваемъ свои сообщенія о Тамбовской Мордвѣ и возвращаемся къ Тамбовскимъ писцовымъ книгамъ.

Въ царствованіе царя Θεодора Алексѣевича уполномоченному села Питерскаго, Моршанскаго уѣзда, *Савкѣ Корнилову, сыну Зайцеву* дана была изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ выписъ на тяглую и оброчную землю и въ той выписи было написано:

„Село Питерское, на рѣкѣ Цнѣ, а въ немъ церковь Пресвитыя Богородицы Казанская древяна съ трапезою, крыта тесомъ, на церкви глава обита чешуею, на ней крестъ и яблоко опаиваны бѣлымъ желѣзомъ, а въ церкви образовъ довольно (слѣдуетъ перечень) и писаны они на празелени, межъ ними образъ благоразумнаго разбойника; сосуды церковныя оловянные, ризы миткалинныя, оплечье червчатой тарты, подризникъ полотняный, оплечье крашенниное, эпитрахиль—камка синяя, опушена киндякомъ; поясъ нитяный. А книги церковныя старой и новой печати и оныхъ полный кругъ.

Въ XVII столѣтіи село Питерское было уже значительнымъ поселеніемъ. Это видно изъ слѣдующаго продолженія нашей писцовой записи: „въ томъ же селѣ Питерскомъ другая церковь великаго чудотворца Николая древяна на подклѣтияхъ, олтарь прирубленъ, крыта тесомъ, на ней крестъ древяный, а въ церкви образовъ довольно (между ними оный образъ благоразумнаго разбойника). Передъ образомъ Спасовымъ паникадило мѣдное о 12-ти порахъ, у паникадила кисть

*) Имена эга, а равно и все свиденія о Мордвѣ заимствованы нами изъ рукописей Бориса Алексѣева Мурзеева, родомъ Мордвина, который былъ помѣстнымъ старшиномъ въ селѣ Зарубинѣ, Спаскаго уѣзда. Это былъ человѣкъ замѣчательно начитанный и умный. За составленіе записки о Мордвѣ онъ получилъ званіе члена-корреспондента императорскаго географическаго общества.

нитная, да въ олтарѣ престолъ поволоченъ съ трехъ сторонъ выбойкою, а съ четвертой—холстиною. У образа Пресвятыя Богородицы прикладъ денегъ рубль 7 алтынъ 2 деньги, предъ образомъ подсвѣчникъ деревянный, а вѣсу въ немъ три гривенки. Колокольня рублена въ четыре стѣны, крыша шатромъ, на верху крестъ деревянъ, на колокольнѣ три колокола. А обѣ тѣ церкви—строеніе священника Ивана Григорьева съ прихожаны и около церкви площади для погребенія умершихъ, длиннику тридцать сажонъ, поперечнику тожъ“.

Изъ этого описанія Питерскихъ церквей безъ всякаго объясненія видна ихъ скудость, особенно во внутреннемъ украшеніи и облаченіи. При этомъ, между прочимъ, обращаемъ вниманіе читателей на странную икону благоразумнаго разбойника, повидимому указывающую на особенности нравовъ отжившаго Тамбовскаго народонаселенія...

Даже слѣдуетъ перечисленіе жителей села Питерскаго, начиная съ духовенства.

„У церкви попъ Иванъ Григорьевъ и у него дѣти: Митька 12-ти лѣтъ, Лазарка 8-ми, Федотка 5-ти лѣтъ, Марька—году. У него жъ братья: Якушка, Федотка, Ларька съ дѣтьми. При той же церкви церковный дьячекъ Сафрошка Самсоновъ и у него дѣти Ивашка да Степка оба женаты; у Ивашки дочь Параска—году; у Степки сынъ Фирска—полугоду. Да при той же церкви просвирница Марьца Никитина“.

Земельный надѣлъ Питерскаго причта, сравнительно съ теперешнимъ таковымъ же обезпеченіемъ духовенства, былъ вполне удовлетворителенъ. Это видно изъ дальнѣйшихъ словъ писцовой книги.

„А поцу съ причтомъ государева жалованья пашенныя земли дано противъ писцовыхъ книгъ Богдана Карпова да дьяка Третьяка Коннина по 24 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, изъ завытной крестьянской земли. А сѣнные покосы ему съ причетники косить 300 копенъ. И чтобъ у него попа ссоры не было, дана той церковной землѣ межа отъ дуба, что стоитъ у рѣчки Ивенки, а на томъ дубѣ двѣ грани, прямо поперегъ поля на столбъ, на немъ двѣ грани, а отъ того столба столбовой дорожкой на столбъ же, на немъ двѣ грани“.

Всѣхъ крестьянскихъ тягловыхъ дворовъ въ селѣ Пи-

терскомъ было 80, да 6 дворовъ *бобыльскихъ людей*.

А оброку имъ бобылямъ,—говорится въ писцовой записи,—въ казну великаго государя платить съ бобыльского двора по 8 алтынъ и 2 деньги на годъ“.

Перечень крестьянскихъ дворовъ и ихъ обитателей, конечно, неинтересенъ и потому мы значительно сокращаемъ его. Выдержку изъ этого перечня мы приводимъ единственно съ тою цѣлю, чтобы показать тягловыя отношенія Питерскихъ крестьянъ къ казнѣ.

„Вытчикъ Степка Андреевъ, тягла подъ нимъ полдесятины, а у Сеньки Шелудяка тягла десятина, а у Аникея Бражника тягла четь десятины, отецъ его Гаврилка посланъ на службу на Донѣ. Да у Сеньки Ильина тягла полчети десятины; у Ивашки Кузнецова тягла четь десятины да у него жъ купленный дѣтина Литовскаго полону Ивашка Михайловъ да Литовскаго жъ полону дѣтинка Наумка 2-хъ лѣтъ. У Антипки Иванова тягла 1½ десятины“.

Земельный надѣлъ Питерскихъ крестьянъ былъ очень щедрый. *Подъ дворами и животинными выпусками* у нихъ было по 30 десятинъ.

„Пашутъ же оныя крестьяне,—продолжаютъ писцовыя книги,—по 16 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна косятъ по 500 копенъ. Да они жъ крестьяне пашутъ сверхъ своихъ тягловыхъ жеребьевъ завытной земли по 11 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна на всѣ выти 1666 копенъ. Да у нихъ же сверхъ ихъ дачи лишней примѣрной земли 2507 десятинъ въ полѣ, а во всѣхъ трехъ поляхъ 7521 десятина. Да четвертной папни 15042 четверти и та примѣрная земля, дикая степь, одна имъ же крестьянамъ въ оброкъ. А въ лѣсъ имъ, сола Питерскаго крестьянамъ, въѣзжать въ черный Ценскій лѣсъ и сѣчь хорошный и дровяной лѣсъ oprичь бортнаго дерева“.

Въ имѣющихся у насъ писцовыхъ отрывкахъ одна и та же рѣчь, кромѣ села Питерскаго, ведется еще и о слѣдующихъ селахъ: Алкужахъ, Серповомъ, Алгасовѣ, Темашевѣ и Мутасевѣ. Тамъ же есть свѣденія подобнаго рода и о бывшей Мамонтовой пустыни. Такимъ образомъ оказывается, что экономическій бытъ нашихъ крестьянъ XVII вѣка отличался

вполнѣ удовлетворительнымъ состояніемъ, крайне завиднымъ для современнаго обезземеленнаго крестьянства.

„Село Алкужи, — сказано въ писцовой записи, — на рѣкѣ на Цнѣ и на рѣкѣ Пичаевѣ. А въ немъ церковь воскресенія Христа Бога нашего деревяна на подклѣтяхъ, и та церковь крыта тесомъ, на ней верхъ шатровый, на осмерикѣ глава обита чешуею, крестъ и яблоко опаиваны бѣлымъ желѣзомъ, а въ церкви иконъ довольно (между ними на сѣверныхъ дверяхъ опять образъ благоразумнаго разбойника). Евангеліе на престолѣ печатное въ десть, поволочено бархатомъ, евангелисты мѣдные и ветхіе; сосуды церковные деревянные, воздухъ объяри золотныя, покровы атласъ золотный, ризы и подризникъ полотняные, оплечье выбойчатое, эпитрахиль выбойчатая, а книгъ печатныхъ и письменныхъ полный кругъ“.

Въ селѣ Алкужахъ дворовъ тяглыхъ крестьянъ и бобыльскихъ было ровно столько же, сколько и въ селѣ Питерскомъ, т. е. 80 тяглыхъ и 6 бобыльскихъ. Но очевидно, въ селѣ Алкужахъ въ XVII столѣтіи жить было не безопасно и не легко. На это указываетъ слѣдующая характерная приписка бывшей въ нашихъ рукахъ писцовой записи:

„А въ томъ селѣ Алкужахъ увѣчныхъ 122 человекъ. Да изъ того же села бѣжало на Донъ 280 человекъ“.

О селѣ Серповомъ наши документы говорятъ такъ:

„Новосельскаго десятку село Серповое на рѣкѣ Серповой, а въ немъ церковь обновленія Храма воскресенія Христа Бога нашего деревяная на подклѣтяхъ, рублена въ красномъ лѣсу; кровля ветха; на церкви крестъ деревянный, а въ церкви строеніе иконъ немалое и на иконахъ убрисцы кумачные красныя; сосуды церковные деревянные, воздухъ и покровъ выбойчатые, опушены кумачемъ краснымъ. Колокольня у той церкви на одномъ столбѣ, крыта тесомъ, — на ней 2 колокола“.

Духовенство въ селѣ Серповомъ обезпечено было землею сравнительно не богато. Ему дано было 24 десятины въ полѣ да сѣна 200 копенъ. Состояло оно изъ слѣдующихъ лицъ: попа Мирона Иванова („а у него дѣтинка польскаго полону Никитка Федоровъ 13 лѣтъ“), и дьячка Алешки Матвѣева („да у него купленный человекъ полякъ Федька“).

Село Серповое было служилое и потому въ XVII вѣкѣ

посылали изъ него на службу великаго государя на Донъ по 416 человекъ.

Надѣль Серповскихъ крестьянъ былъ такой же, какъ у жителей селъ Питерскаго и Алкужей. Межи означены были у нихъ по обычаю деревьями, столбами и ямами, а въ ямахъ уголья, береста и черенъ.

Извѣстное село Моршанскаго уѣзда Алгасово, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, уже въ XVII столѣтїи было весьма населеннымъ пунктомъ. Въ немъ было 272 тяглыхъ двора да бобыльскихъ 29 дворовъ. На службу великаго государя на Донъ послано было изъ Алгасова 96 человекъ, да 26 человекъ служили по Тамбовскому валу, *оберегаючи его отъ Ногайскихъ Татаръ.*

Писцовое описаніе села Алгасова таково:

„Село Алгасово на рѣкѣ на Вопшѣ, а въ немъ церковь св. пророка Іліи, рублена въ красномъ лѣсу; около церкви и трапезы съ двухъ сторонъ наперти; церковь крыта тесомъ; кресты и яблоки опаиваны бѣлымъ желѣзомъ; на сѣверныхъ дверяхъ писанъ благоразумный разбойникъ; паникадило мѣдное о шти перахъ, на престолѣ евангеліе печатное въ десть, поволочено выбоикою, на престолѣ икона выбоичатая, воздухъ выбоичатый, а сосуды церковныя деревянные и ризы брусничныя, оплечье камка зеленая—прикладъ крестьянина Федора Наумова, да ризы полотняныя—оплечье выбоичатое и красный стихарь полотняный. И книгъ церковныхъ, печатныхъ и письменныхъ, довольно—прикладъ крестьянина Федора Наумова“.

Другая церковь въ селѣ Алгасовѣ была построена въ 1656 году во имя великомученика Дмитрія Солунскаго. Была она такая же бѣдная, какъ и первая церковь. Обѣ церкви—строеніе приходскихъ людей. При нихъ священники: Иванъ Марковъ, Симсонъ Васильевъ и Алексѣй Марковъ; дьяконъ Иванъ Афанасьевъ; церковныя дьячки: *Дрошка Оомиль, Микитка Оомиль и Димитка Борисовъ; а просвирица Лукерьеца Борисова.*

„А священникамъ села Алгасова и причту,—сказано въ писцовой записи,—дано государева жалованья изъ вытной крестьянской земли 25 десятины въ полѣ, а въ дву потому

жъ; сѣнныхъ покосовъ 300 копенъ, которые сѣнные покосы дадены имъ крестьянами изстари“.

Села Тимашево и Мутасьево описаны въ нашихъ писцовыхъ книгахъ весьма кратко. Поэтому и мы скажемъ о нихъ немного.

„Село Тимашево на рѣкѣ Воишѣ, а въ немъ церковь великаго чудотворца Николая, деревяная, крыта тесомъ, а строена въ 1650 году. Всѣхъ дворовъ въ Тимашевѣ 108. Въ тягло поспѣло 61 человекъ, недорослей 204 человекъ. На службу на Донъ послано 49 человекъ. Увѣчныхъ 5 человекъ. Есть въ селѣ 8 дворовъ солдатскихъ, что служатъ по Тамбовскому валу, да 5 дворовъ бобыльскихъ. Платятъ они въ казну великаго государя по 8 алтынъ по 2 деньги“.

О жителяхъ села Мутасьева намъ извѣстно только то, что они ссорились съ жителями извѣстнаго села Пичаева-вотчиною Рязанскаго Радовицкаго монастыря. Ссора эта выражалась въ томъ, что Мутасьевскіе крестьяне не пускали своихъ сосѣдей Пичаевцевъ въ лѣсъ для рубки хорошаго и дровянаго дерева. По этому поводу бывали у нихъ даже серьезные рукопашныя схватки. Наконецъ миръ былъ заключенъ на томъ условіи, чтобы Пичаево платило Мутасьеву ежегодную дань по 3 рубля.

Что касается Мамонтовой пустыни, которая въ XVII столѣтіи была приписана къ Саввино-Сторожевскому монастырю, то относительно ея намъ извѣстно лишь то, что ее сильно притѣсняли Тамбовскіе воеводы. Поэтому изъ Москвы послѣдовалъ слѣдующій царскій указъ: „стрѣльцовъ, пушкарей и разсыльщиковъ отъ Тамбовскаго воеводы въ пустынь не посылать и монастырскихъ крестьянъ и бобылей ему, воеводѣ, не вѣдать“.

Земли у Мамонтовой пустыни было 500 четвертей въ полѣ, покосовъ на 5000 копенъ. Вся монастырская земля сначала была *дикомъ степью* и для братскаго пропитанія ее распахивали монастырскіе крестьяне. Когда *дикая степь* превратилась въ пашню, монахи пожаловались царю на свое *сиротство и обнищаніе* и дано было имъ примѣрной земли 400 четвертей въ полѣ...

Между тѣмъ какъ въ XVII столѣтіи Моршанскій уѣздъ

наполнялся русскимъ населеніемъ, сѣверные наши уѣзды въ то время почти исключительно были Мордовскими и Татарскими. Это видно изъ писцовыхъ книгъ Темниковскаго мисца, *мурзика* и *дозорщика* Степана Хруцова. Дѣятельность его относится къ 1621 году.

Въ XVII столѣтіи большинство Темниковскихъ и Кадомскихъ Татаръ принадлежало къ служилымъ людямъ и были у нихъ русскіе холопы. Земледѣліе въ томъ краѣ, *за худыми пашнями*, было слабое, вслѣдствіе этого обыватели коржились больше звѣроловствомъ, для котораго дремучіе боры представляли обширное поле. Въ этихъ борахъ охотники ловили медвѣдей, волковъ, лисицъ, куницъ, бобровъ, зайцевъ; ловили птицу всякую и бортную пчелу. Все это вполне подтверждается слѣдующею писцовою выписью:

„У Темниковскаго мурзы Позняка въ деревнѣ Караевѣ дворъ помѣщиковъ съ пристройками, да у него жъ дворовыя избы, а живутъ въ нихъ дворовые люди: Микулка Васильевъ да бобыль Любимка Ивановъ, да Гаврюшка Тихоновъ — прозвище Милованка, и у тѣхъ дворовыхъ людей многія дѣти. А пашни у Позняка худыя и малыя и сѣнные покосы по Сокольской дорогѣ къ Ногайскимъ воротамъ. Да у него жъ Позняка бортныя ухожьи со пчелами и безъ пчелъ, рыбныя ловли, омута и всякія угодыя, и звѣриныя ловли съ лосемъ, медвѣдемъ и волкомъ и лисицею и куницею и зайцемъ и бѣлкою, и орловымъ и ястребовымъ гнѣздомъ, бобровыми гонами, раменьями и перевѣсьями. И тѣ земли порубежныя съ Мордвою“.

Служилые Темниковскіе Татары, повидимому, отличались вѣрностію Московскому правительству. Это видно изъ ихъ коллективнаго прошенія на имя царя Алексѣя Михайловича.

„Въ 7109 году, — жаловались они, — въ бунтъ иоровскихъ казаковъ дома наши разорили и всякія крѣпости подрали и пожгли и крестьянъ и бобылей нашихъ побили“.

Такъ какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ изъ Темниковскихъ татаръ составляли рейтарскій полкъ, то правительство относилось къ нимъ съ крайнею предупредительностію и щедро надѣляло ихъ землями и угодыями. Однако потомки Чингизхана не довольны были Московскою щедростію и постоянно добивались новыхъ пожалованій.

„Нынѣ мы грѣхами своими,—плакались они,—обнищали, стали увѣчны и скорбны и службы служить намъ не въ мочь, и то увѣчье наше вѣдомо боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому и засвидѣтельствовано аптекарскими грамотами лѣкарю Юрья Еганова да Данилы Утѣшева“.

Всѣ Темниковскіе неслужилые люди платили ясакъ. Такиѣмъ образомъ самая форма сбора казенныхъ податей указываетъ на первобытность культурнаго быта Темниковскаго народонаселенія въ XVII вѣкѣ.

Издѣльная промышленность Темниковскихъ обывателей въ описываемое нами время выражалась въ гонкѣ смолы и поташа и въ сидкѣ дегтя. Въ Темниковскихъ лѣсныхъ дѣбряхъ образовалась тогда Починковская поташная волость съ воеводой во главѣ. Къ этой волости, между прочимъ, принадлежали и теперь существующія наши села: Анасово, Вадовскія Селищи и Пичкиряевскій Майданъ.

Въ 1622 году мѣряли и описывали Кадомскій уѣздъ. Составителемъ *дозорныхъ* книгъ на Кадомскія пашенныя земли и на бортные *ухожьи* и на сѣнные покосы былъ стольникъ Афанасій Степановъ Нармацкій съ подъячимъ Макаромъ Вуковымъ. Въ это время почти всѣ жители Кадомскаго уѣзда были язычники—Мордва. Обращеніе ихъ въ христіанство началось уже при Никонѣ, который естественно принималъ къ сердцу духовные интересы своихъ земляковъ—соплеменниковъ. Православныхъ церквей вокругъ Кадома было очень мало. Большею частію въ дремучихъ Кадомскихъ лѣсахъ ютились Мордовскія юрты и починки. Селъ было тоже мало. Къ числу ихъ принадлежало и теперь существующее село Стандрово, о которомъ въ писцовыхъ книгахъ написано такъ:

„Село Стандрово на рѣчкѣ на Сендорѣ, а въ немъ живутъ Мордва Вокай Мансютовъ, Богдашка Межинъ, Учай Атятинъ, Нухтай Пороватовъ и другіе. А всего въ той деревнѣ 21 пашенный дворъ, да не пашенныхъ 5 дворовъ да пустыхъ 2 двора. А съ живущихъ въ томъ селѣ подати съ выти 2 чети ржи, овса тожь; съ бобылей оброку 16 аттынь 4 деньги, по гривнѣ съ двора. Съ тое жъ Стандровскія Мордвы съ ихъ вотчинъ по ихъ сказкѣ медвянаго оброку 4 пуда 15 гривенокъ, да пошлины по 5 денегъ съ пуда, ясачныхъ

денегъ 20 алтынъ 5 денегъ да съ 2 кунницъ 26 алтынъ 4 деньги, и тѣ ясачныя деньги платить въ Кадожъ и Темниковъ“.

Стандровская и окрестная Мордва, повидимому, отличалась зажиточностію. Она снимала въ Кадожъ рыбныя ловли по всему бассейну рѣки Вада и всегда сполна платила оброкъ, *не заиццая платижей съ доимку*.

Рядомъ съ Кадожскою Мордвою, въ юго-восточномъ направленіи, была, такъ называемая, Мещерская земля, но въ XVII столѣтіи она была уже подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ и все—христіанская. Все это достигнуто было усиленною раздачею Мещерскихъ земель русскимъ землевладѣльцамъ. Въ 1626 году, *по государеву царя и великаго князя Михаила Осодоровича указу*, Мещерскія земли описывалъ князь Леонтій Ивановичъ Шаховской съ подъячимъ Боженомъ Степановымъ. Онъ же наръзывалъ вотчинныя угодья новымъ владѣльцамъ Мещерскимъ. Такъ, стреминному конюху Ивану Арбенеvu дано помѣстье близъ села Подъясакова, въ Подлѣскокомъ стану.

„А въ томъ селѣ,—говоритъ писцовая выпись,—церковь Воздвиженія да придѣлъ Введенія и та церковь дровяная, клецки, и стоитъ она безъ пѣнія и въ ней 5 мѣсть“.

Послѣднее указаніе для насъ очень важно. Ясно, что Мещерская земля была слишкомъ глухою стороною, если церкви ея стояли безъ пѣнія и церковныя мѣста оставались вакантными.

Многіе Мещерскіе надѣлы, по случаю обилія пустопорожныхъ земель, отличались весьма значительными размѣрами. Это видно изъ мѣрныхъ книгъ князя Леонтія Мещерскаго. „Около села Дуткина,—сказано въ этихъ книгахъ,—за Иваномъ Яковлевымъ Вельяминовымъ и братьями Свищовыми написана земля и той земли вдоль 2 версты, а поперекъ верста, и всей той вотчинѣ сдѣланы грани“.

Въ 1645 году присланъ былъ въ Шацкую область писецъ и мѣрщикъ Семень Глѣбовъ съ дякомъ Герасимомъ Лавровымъ. Черезъ 13 лѣтъ работы его повѣрялись и дополнялись стольникомъ Иваномъ Ладыженскимъ и дякомъ Никитою Насоновымъ. Повидимому, обоимъ писцамъ пришлось работать не мало, потому что они описали всю Шац-

кую провинцію, а въ той провинціи были уже сотни сель, пригородовъ, остроговъ, деревень, погостовъ и починковъ обывательскихъ и сторожевыхъ. Сохранилась ли вполнѣ колоссальная работа нашихъ тружениковъ XVII вѣка, мы не знаемъ. Мы встрѣчались только съ отрывками ихъ описей. Съ ними и знакомимъ нашихъ читателей *).

Въ половинѣ XVII столѣтія Шацкій уѣздъ былъ раздѣленъ на слѣдующіе станы: загородный (въ немъ упоминается село Апушка), Борисоглѣбскій, Залѣскій (съ селами Шибряевымъ и Рамзою и вотчинами стольника Грибоѣдова), Средній (а въ немъ села Петъ, Прудичи и Подтенигузово), Ценскій станъ, Подлѣскій съ селомъ Агипевымъ и Замокшенскій станъ.

„Въ Замокшенскомъ стану.—говоритъ писцовая выпись, — есть Благовѣщенскій погостъ, а на погостѣ церковь деревянная, клецки, а въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе приходное; а у церкви попъ Иванъ Григорьевъ, попъ Петръ Поликарповъ да пономарь Тимошка Петровъ съ сыномъ съ Игнашкою и просвирница Катерина Афанасьева. Да на погостѣ вище питаются отъ церкви Божіей 22 человекъ. А пашни церковныя, земля добрая, 100 четвертей въ полѣ, а сѣна по Ерховской дорогѣ 530 копенъ“.

Изъ этого писцоваго отрывка мы видимъ, что Шацкіе приходы отличались излишествомъ священнослужителей и такъ называемыхъ церковныхъ бобылей. Оба эти обстоятельства были главнымъ условіемъ бѣдности нашего приходскаго духовенства и слабости его пастырскаго авторитета. Но были у насъ и состоятельные приходы, удовлетворительно обеспеченные писцовой землей. При Добренской соборной церкви жалованной царской земли было 378 десятинъ, при Богоявленскомъ погостѣ—410 десятинъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти земли во времена генеральнаго межеванія были секуляризованы, или же въ позднѣйшіе годы ихъ *оттягали*. Такъ, въ 1811 году у Тамбовской Знаменской церкви были отняты секретаремъ Протасовымъ земля и лѣсъ (при впаденіи Периксы въ Цну **).

*) Недавнія побѣды наши въ Москву для занятій въ тамошнихъ архивахъ убѣдили насъ, что въ центральныхъ архивахъ хранится масса Тамбовскаго писцоваго матеріала.

**) Архивъ Тамбовской духовной консисторіи № 670. 13 Ноября.

Дальнѣйшія выписи, бывшія въ нашихъ рукахъ, указываютъ на господствующіе промыслы Шацкой провинціи. Обиліе лѣсовъ по Цнѣ и Ваду вызывало народонаселеніе на лѣсные промыслы, въ особенности на сидку смолы. „И тотъ промыселъ былъ отъ сосновыхъ цней и сидѣли крестьяне смолу ведръ по 300 и болѣе. Да тѣ жъ крестьяне сплавляли лѣсъ и валежникъ рѣками на продажу“.

Въ прежнія времена Шацкія рѣки были гораздо многоводнѣе и вслѣдствіе этого по нимъ плавали большія суда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по теченію рѣки Выши найденъ остовъ большой затонувшей барки, между тѣмъ въ настоящее время и самыя малыя суда не могутъ уже идти по совершенно обмелѣвшей Вышѣ.

Многоводныя Шацкія рѣки отличались въ XVII столѣтіи обиліемъ великой рыбы. „Изъ Волги,—читаемъ мы въ нашихъ документахъ,—заходятъ въ Цну и Мокшу осотры и бѣлуга, а всегдашняя рыба въ тѣхъ рѣкахъ такова: сторляди, судаки, лещи, головли, язи, налимы, караси, окуни, плотва, щуки, сомы и разная мелкая рыба. И ту рыбу сушатъ и коптятъ и продаютъ зимою и лѣтомъ. А ловятъ ее неводами, цобздами, сѣтьми и вентерями“.

Шацкая провинція славилась въ XVII столѣтіи множествомъ пустопорожнихъ земель и крайнею дешевизною любой десятины. Десятина *доброй* земли стоила меньше рубля. Впрочемъ, въ концѣ XVII столѣтія разные служилые люди быстро начали разбирать эти земли, при чемъ лучшіе участки достались служилымъ Татарамъ, которые постоянно плакались Московскому правительству на свое убожество. „Волею Божіею,—билъ челомъ царямъ Іоанну и Петру мурза Канчуринъ,—дворишка мой сгорѣлъ безъ остатку и многіе крестьяне мои и бобыли разбѣжали съи сталъ я нагъ и убогъ“. Мурзѣ Канчурину даны земли въ Керенскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь село Пимбуръ.

Обиліе инородческаго населенія въ Шацкомъ краѣ было причиною бѣдности провинціальныхъ храмовъ. Въ описываемое нами время Шацкій протопопъ Никитинъ вотъ что писалъ мѣстному воеводѣ: „въ ономъ городѣ Шацку имѣется соборная церковь, а приходу въ ней ничего не имѣется

и во время божественнаго пѣнія подаванія къ сооружеиію оной церкви ни отъ кого никакого не бываетъ. А когда бываетъ молебное пѣніе а то пѣніе, за малоимѣніемъ при той церкви колоколовъ, весьма скудно звономъ“.

Между прочимъ намъ попались писцовые отрывки, касающіеся нынѣшняго Лебедянскаго уѣзда. Лебедянскія земли мѣряли и описывали въ 1625 году Леонтій Погожевъ съ подъячими Кирилою Семеновымъ. Вотъ образцы ихъ записей: „за Артемьемъ Ивановымъ сыномъ Яковлевымъ въ деревнѣ Копылѣ на рѣчкѣ Копылѣ на его жеребій дворъ помѣщиковъ со крестьянскими и бобыльскими дворами, да за нимъ же пашенной земли, да черелогу 67 четвертей, да дикаго поля 30 четвертей, и та земля добрая“.

„А за Борисомъ Перовымъ жеребій подь Романцевымъ лѣсомъ и того жеребья 77 четвертей. Да въ деревнѣ Озеркахъ, Возгривая тожь, Микитинское помѣстье Будаева и тѣ земли въ Бруслановскомъ стану 65 четвертей. Да безпомѣстному Ельчанину Ивану Матвѣеву, сыну Иванову, дано помѣстье со всѣми угодья 150 четвертей и та земля въ Журавейникѣ до Яблоноваго верху“.

Лебедянскія степи въ XVII вѣкѣ большею частію были пустошью и дикимъ полемъ. Въ лѣтнюю пору водились въ нихъ массы всякой перелетной дичи и правительство Московское всячески привлекало туда переселенцевъ. Особенно заботился объ этомъ царь Алексѣй Михайловичъ. „И тѣмъ крестьяномъ,—писалъ онъ,—которые въ томъ полѣ учнутъ жити, пашни пахать и сѣно косить и быть во всякомъ береженьи“.

Изъ всѣхъ Тамбовскихъ писцовыхъ книгъ намъ съ ясностію открывается тотъ фактъ, что Тамбовскій край со времени русской колонизаціи былъ преимущественно земледѣльческимъ краемъ. Къ земледѣльческому труду наше крестьянство было привлекаемо прежними обширными крестьянскими надѣлами и тучностію еще непочатой почвы. Правда, лишніе хлѣбные запасы не имѣли у насъ въ XVII столѣтіи правильнаго и постояннаго сбыта, за то не было въ Шацко-Тамбовскомъ краѣ и голодовокъ.

Нѣкоторые Тамбовскіе обыватели, кромѣ земледѣлія, обра-

щались въ указанное нами время и къ другимъ промышленнымъ предпріятіямъ, наиримѣрь, какъ мы сказала уже, къ рыбной ловлѣ.

„По рѣкѣ Цны ловимъ мы, крестьяне селъ Серповой и Пеньковъ, — сказано въ имѣющихся у насъ писцовыхъ отрывкахъ, — разную про себя рыбу, а въ уловѣ рыба бываетъ: щука, лещъ, карась, плотва, окунь, язь; и ловимъ мы въ внешнее время неводомъ, а тотъ неводъ 15 сажень, сѣтми, бреднями, неретами мочальными и вязаными и остроугою; а неводу бываетъ цѣна 40 алтынъ; а сѣти бываютъ цѣною по гривнѣ и 4 алтына, а бредонъ бываетъ цѣною въ 2 алтына и 7 копѣекъ, а нереты и верши дѣлаемъ сами; и въ продажѣ рыба бываетъ малое число денегъ, на 6, на 2 и на 3 алтына, и то немногіе люди промышляютъ. Оброку платимъ въ казну великаго государя 40 рублей 23 алтына съ полуденьгою. А будетъ того вышечисаннаго оброку въ казну великаго государя платить не станемъ или куда сбѣжимъ и тотъ оброкъ на нашихъ поручикахъ сполна. — Къ сей сказкѣ села Серповой дьячекъ Савка Акимовъ, вмѣсто села Серповой крестьянъ, по ихъ велѣнію, руку приложилъ“.

Эта сказка дана была въ 1654 году Тамбовскому воеводѣ и стольнику Ивану Акинфіеву да подъячему Петру Фирсону.

Тамбовскіе предпріимчивые люди, желая увеличить свои имущественныя ресурсы, снимали также въ казнѣ сѣнокосныя поляны. „Всемилоствѣйшій Государь, — писалъ царю села Пеньковъ цопъ *Данила*, — прошу Вашего Величества, вели, Государь, сѣнокосныя поляны отдать мнѣ во оброкъ на 3 года, а сверхъ прежняго оброку буду платить тебѣ, Государь, семь алтынъ на годъ“.

По этой челобитной, принятой Тамбовскимъ воеводою Федоромъ Даниловичемъ Дурново, въ Тамбовѣ въ торговые дни *бирючи кликали и охочихъ людей къ торгу поляны вызывали и оныхъ охочихъ людей къ торгу не явилось*. Слѣдовательно казенная поляна осталась за попомъ Данилою.

Въ Тамбовскихъ писцовыхъ книгахъ есть краткія указанія и на старо-русскій бортный промыселъ.

„Бортникъ Ивашко Ивановъ, — читаемъ мы, — ходитъ по обоимъ берегамъ рѣки Цны. Съ меду ясаку платитъ онъ 4

алтына съ деньгою, съ кунипы 3 алтына 2 деньги“.

„Бортникъ Кондрашка Гавриловъ да бортникъ Прошка Васильевъ ходять въ бортные ужожи на рѣкѣ Цнѣ и въ Затѣсѣхъ. Да они жъ Кондрашка и Прошка платять со Цны рѣки водяного оброку по 6 алтынъ 2 деньги“.

Всѣ эти бортники, они же и звѣроловы, упоминаются въ писцовыхъ книгахъ два раза: подъ 1656 и 1657 годами. Подати съ нихъ брали Тамбовскіе воеводы и стольники Иванъ Васильевичъ Теряевъ и преемникъ его Иванъ Саловъ.

Бортники и звѣроловы, кромѣ денегъ, платили въ казну и натурою: медомъ и звѣриными шкурами. Изъ нихъ самыми значительными промышленниками въ концѣ XVII столѣтія были Тамбовецъ Чекалинскій и подъячій Авдѣевъ. Вѣроятно вслѣдствіе обилія въ Тамбовскомъ краѣ бортныхъ ужожаевъ и произошелъ впоследствии извѣстный Тамбовскій гербъ. Съ увеличеніемъ Тамбовскаго народонаселенія мѣстное пчеловодство постепенно уменьшалось. Но еще въ началѣ XIX вѣка, именно въ 1804 году, пчеловоды одного города Тамбова имѣли у себя 2600 пчелиныхъ колодъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ офиціальныи отчетъ губернатора Кошелева. А въ Лебедянскомъ уѣздѣ ульевъ былъ 22,000... Относительно другихъ городовъ и уѣздовъ въ отчетѣ сказано: „пчеловодство въ нихъ въ изобиліи“.

Къ серьезнымъ статьямъ мѣстныхъ промысловъ въ XVII вѣкѣ, безъ сомнѣнія, относится и мѣховой промыслъ. Къ сожалѣнію, наши свѣденія о немъ очень кратки и отличаются не столько историческимъ, сколько филологическимъ характеромъ. У насъ есть села, которыя изстари именуется *Куними* или *Куними лнягами*, есть у насъ лѣсныя урочища, называемыя *бобровыми гонами*... Къ числу важнѣйшихъ пунктовъ мѣховой торговли принадлежало село Спасское—вотчина Московскаго Новоспасскаго монастыря, теперь городъ Спасскъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ этой вотчинѣ совершались, напримѣръ, такія торговыя операціи.

„2 января 1748 года Московскій купецъ Журавлевъ купилъ въ Спасскомъ пушнаго товару на 530 рублей. Зайцевъ куплено имъ 13,000, лисицъ—100, волковъ—20, горностаевъ—100, хорей и бѣлокъ—100, зеленыхъ и бѣлыхъ бѣлокъ—

12,000, да онъ же Журавлевъ купилъ мерлушки, черной и бѣлой, 20 рублей тысяча. А пошлинь съ купца Журавлева взято 38 рублей 47 копѣекъ“ *).

Кстати, здѣсь не можемъ мы оставить безъ вниманія и сравнительно мелкихъ мѣстныхъ промысловъ. Тамбовско-Шацкій край издавна богатъ былъ краснымъ и чернымъ лѣсомъ. Крупныя сосновыя бревна продавались у насъ на Донъ по 5 рублей десятокъ.

Въ первой половинѣ прошлаго вѣка разнообразіемъ особенно отличалась у насъ Спасская торговля. Жители села Спасскаго въ обширныхъ размѣрахъ торговали щетиною, цѣна которой была по рублю пудъ. Тамъ же не малый торгъ былъ и кожами. Такъ, 13 января 1748 года, Переяславскій купецъ Викулинъ принялъ въ Спасскѣ яловочныхъ кожъ на 250 рублей, по 5 рублей за 100, и отправилъ свой товаръ въ Серпуховъ, заплативши пошлины 18 рублей 75 копѣекъ.

Въ сѣверныхъ же уѣздахъ нынѣшней Тамбовской губерніи въ старину гнали деготь и продавали его въ Москву и Коломну. Сало—сыроцъ шло изъ Спасскаго на Касимовъ и Вологду.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что Шацко-Тамбовская промышленность выражалась въ одномъ *сырьѣ*. Крайняя скудость ея промысловой культуры удостоверяется, между прочимъ, тѣмъ, что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія во всемъ районѣ нынѣшняго Спасскаго уѣзда изготовляли только коневыя и бараньи голицы и рогожи. Весь этотъ товаръ отправляемъ былъ на Оку и Волгу.

Вотчинное землевладѣніе въ нашемъ краѣ начинается, судя по мѣстнымъ архивнымъ источникамъ, въ началѣ XVI вѣка, именно во времена великаго князя Василя III, ограничивалась почти исключительно пожалованіями татарскихъ князей и мурзь. А русское землевладѣніе стало усиливаться у насъ въ первой половинѣ XVII вѣка при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ. Причина этого явленія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ, имѣвшихъ вотчины въ нынѣшнемъ Лебединскомъ уѣздѣ, Тамбовскія и Шацкія укранны тщательно были укрѣплены крѣ-

*) Тамбовской губерніи вѣдомость 1882 г. № 34-й, наша статья.

постями, острожками, засѣками и земляными валами. Слѣдовательно селиться въ нашемъ краѣ стало безопаснѣе. Жалованныя грамоты царя Михаила Феодоровича, конечно, и теперь еще сохраняются у нѣкоторыхъ нашихъ землевладѣльцевъ и въ научно-историческихъ интересахъ желательно было бы, чтобы онѣ были обнародованы.

Недавно намъ пришлось разбирать одну жалованную грамоту отъ 1614 года. Въ ней говорится о томъ, что дворянину *Кривоку* за Московское осадное сидѣніе и за многое дородство противъ Польскихъ, Литовскихъ и Русскихъ воровскихъ людей жалуются земли и угодья и повелѣвается писцамъ и мѣрщикамъ неслѣдственно описать жалованную землю на память вилкамъ и правилкамъ. Мы думаемъ, что обнародованіе подобныхъ грамотъ съ полнымъ текстомъ многое объяснило бы въ исторіи Тамбовскаго землевладѣнія, долго бывшаго ипродческимъ.

Надобно замѣтить, что въ XVII столѣтіи крупныхъ пожалованій у насъ почти не было, а равно не было и такихъ вотчинъ, которыя жаловались бы вмѣстѣ съ крестьянами. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ только обширныя вотчины боярина Льва Кирилловича Нарышкина, пожалованныя царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами.

Въ Шацкихъ переписныхъ книгахъ намъ встрѣчались болѣею частію такія выписи:

„За Федоромъ Артемьевымъ, сыномъ Веденяпинымъ, въ селѣ Веденяпинѣ, дворъ помѣщиковъ, а въ немъ живетъ человекъ Васька Ивановъ, у него сынъ Иванка 3-хъ лѣтъ; а крѣпокъ онъ Васька по кабальному холоцству и записанъ въ Кадомъ, а кабалу ту въ бунтѣ воровскіе казаки изодрали. Да въ томъ дворѣ бобыльскій дворъ и въ немъ Оська Акинфіевъ съ братомъ съ Лукашкой, и всего за Федоромъ Веденяпинымъ людей 4 человекъ“.

Подобныя пожалованія цари раздавали исключительно служилымъ людямъ. Такъ, царь Михаилъ Феодоровичъ пожаловалъ *блгозерцу Москвитину* многое, *ухожен* за московское осадное сидѣніе *Королевичева* приходу. Царь Алексѣй Михайловичъ сталъ раздавать уже населенныя мѣста напримѣръ: братьямъ Постниковымъ, Григорію да Никитѣ, пожаловано село Пятаково, а дворянину Тяпкину—село Панково за не-

малыхъ службы. При Теодорѣ Алексѣевичѣ, въ числѣ Тамбовскихъ вотчинниковъ появляется знатный бояринъ Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій, которому даны земли, сѣнные покосы и рыбныя ловли, да еще бояринъ Салтыковъ—основатель извѣстнаго Спасскаго села Салтыковыхъ Бутъ. Въ то же время жалованы были разныя угодья дворянамъ Мосоловымъ и Вышеславцевымъ. Не скупъ былъ на пожалованія и Петръ I-й. Только онъ жаловалъ людей дѣйствительно послужившихъ отечеству и при томъ не очень щедро, потому что великій царь всегда имѣлъ въ виду прежде всего интересы отечества, а потомъ и слугъ его. Воронежскому губернатору Соловому Петръ I-й далъ 300 четвертей въ полѣ, двумъ братьямъ Апушкинымъ по 200 четвертой въ полѣ, да около того дано было стольникамъ Лихарову и Тарбѣеву, дворянину Банкину и знаменитому царскому любимцу Меньшикову. Впрочемъ, Александръ Даниловичъ Меньшиковъ вскорѣ сдѣлался весьма крупнымъ Тамбовскимъ вотчинникомъ. Въ 1708 году на Тамбовскія окрестности Крымцы сдѣлали обычный свой наѣздъ и при этомъ изъ одного Меньшиковского села Ключей взято было ими въ полонъ 3,000 человекъ...

Сравнительно крупныя вотчины въ нашемъ краѣ принадлежали монастырямъ и архіерейскимъ каюдрамъ. Богатѣйшими землевладельцами были у насъ слѣдующіе монастыри и церкви: Черніевъ Николаевскій (ому принадлежало село Чернево), Сергіевская пустынь (— село Проломъ), Московскій Благовѣщенскій соборъ (— село Нармушеди), Новоспасскій монастырь (— села Увезъ и Спасское), Страстной монастырь (— село Голенищево), Воскресенскій монастырь (— село Андреянова пустынь), Спасо-Евфиміевъ Суздальскій монастырь (— село Баклуши), Богословскій монастырь (— село Соколово), Солотчинскій монастырь (— село Пичаево) и Борисоглѣбскій монастырь (— село Измайловъ поселокъ).

Впрочемъ, были у насъ и чрезвычайно бѣдные монастыри, наиримѣръ: Конобеевскій женскій и Казанскій мужской, находившіяся во 100 верстахъ отъ Тамбова на рѣкѣ Воронѣ. Первый содержался на счетъ Нарышкиныхъ, а второй скудно кормился 20 десятинами жалованной земли. Бѣдность

обояхъ монастырей выражалась, между прочимъ, въ томъ, что кельи въ нихъ *топились по черному*.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія количество крупныхъ землевладѣльцевъ въ нашемъ краѣ значительно увеличилось. Въ это время водворились у насъ Пашковы, Сухотины и Лобановы-Ростовскіе. Императрица Елизавета Петровна щедро надѣлила Шацкими вотчинами графа Кирилла Разумовскаго, главное имѣніе котораго было въ селѣ Тарадѣяхъ, — Бобрищева-Пушкина, Фролова — Вагрѣева, Олсуфьева и лейбъ-компанца Татаринова, основавшаго свою резиденцію въ селѣ Студенцѣ.

Тѣмъ не менѣе въ первой половинѣ прошлаго вѣка у насъ было еще множество свободной и никѣмъ не занятой земли. Поэтому жители разнаго званія и разныхъ національностей свободно селились на нашихъ дикихъ поляхъ и въ лѣсныхъ трупобахъ. И было въ нашихъ захоlustьяхъ такое приволье, что охотно шли къ намъ Башкиры, Калмыки, Поляки, Евреи и Малоруссы. Всѣ они съ теченіемъ времени подчинились преобладающему вліянію великорусскаго племени и край нашъ теперь, не смотря на разнообразный этнографическій составъ, почти исключительно русскій. Слѣдовательно, національно — русская сила Шацко-Тамбовской украины весьма солидная, если она стужѣла въ короткое время свести свои счѣты съ инородцами.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія у насъ былъ особый классъ безземельныхъ крестьянъ. Это такъ называемые майданники. Въ 1649 году въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ было 9 майдановъ съ населеніемъ въ 2860 душъ мужескаго полу. „И тѣ наши майданы, — жаловались безземельные крестьяне, — въ лѣсахъ на рощистяхъ сидятъ, а пашенной крѣпостной земли, сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловель и прочихъ угодій ничего при тѣхъ майданахъ не имѣется и ни откуду не отведено и во владѣніе не укрѣплено, и хотя небольшое число земли и есть и ту расчистили сами майданники, вырубая лѣсъ на поташное дѣло. И отъ того хлѣбъ и сѣно покупаемъ мы за немалыя деньги“ *).

Въ царствованіе императрицы Екатерины II-й майдан-

*) Тамб. губ. вѣд. 1881 г. № 103-й, наша статья.

ники, бывшіе *подъ командою Починковской поташной конторы*, устраниены отъ своего спеціального дѣла и такимъ образомъ остались не при чемъ. Уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія они были сравнены съ государственными крестьянами по землевладѣнію.

Самыя щедрыя пожалованія земель и крестьянъ въ Тамбовской губерніи начались при Екатеринѣ II-й и Павлѣ I-мъ. Одному князю Потемнику дано было у насъ 150,000 десятинъ земли съ селомъ Унковымъ и съ того времени Тамбовскій край сталъ по преимуществу дворянскимъ краемъ и притомъ такимъ, въ которомъ водворились знаменитѣйшія русскія фамиліи: Салтыковы, Нарышкины, Чевкины, Долгоруковы, Волконскіе, Колычевы, Аничковы, Воронцовы, Воейковы, Огаревы, Жеребцовы, Протасевы, Гагарины, Вяземскіе, Голицыны, Кологривовы, Архаровы, Урусовы, Толстыя, Ермоловы, Волковы, Измайловы, Шуваловы и другіе.

Край нашъ вступилъ такимъ образомъ въ новую эпоху своего существованія. На его тучныхъ равнинахъ поселились люди богатые, властные, болѣе или менѣе образованные, и отъ нихъ-то ждетъ наша скромная родина просвѣтительной общественной инициативы, въ особенности въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, въ этомъ величайшемъ и благороднѣйшемъ человѣческомъ дѣлѣ...

Теперь нашему рѣшенію подлежитъ еще одинъ вопросъ: откуда на наши Тамбовскія поля переселялись крестьяне. Переселялись они, разумѣется, изъ мѣстностей сравнительно плотно и изстари населенныхъ, напримѣръ, изъ сельъ Шацкаго и бывшаго Кадомскаго уѣздовъ. Приводимъ списокъ этихъ сельъ: Чернитово, Ялтуново, Борезово, Темешово, Шацкая Черная слобода, Студенецъ, Конобосово, Кашково и дедвня Черныхъ. Кромѣ того въ нынѣшній Моршанскій уѣздъ являлись переселенцы изъ Рязанской области (Вѣлоомута и Старой Рязани), Муромской, Владимірской и Пензенской. Большинство этихъ переселенцевъ состояло изъ бѣгловцевъ, уходившихъ въ Тамбовскія *дикія степи* отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ и отъ суда и расправы. Значительная часть бѣгловцевъ приходится на долю монастырскихъ крестьянъ преимущественно изъ вотчинъ бывшаго Запруднаго монастыря.

Съ усиленіемъ же крѣпостнаго быта переселенцы стали являться массами изъ старыхъ вотчинъ нашихъ Тамбовскихъ магнатовъ.

Вмѣстѣ съ писцовыми и мѣрными выписями наши провинціальныя архивы представляютъ намъ интересныя матеріалы для опредѣленія фискальныхъ отношеній и цѣвъ первой половины прошлаго вѣка. Въ указанное нами время пошлинный сборъ въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ касался всѣхъ сторонъ народно-промышленной жизни; даже домашній бытъ не ускользнулъ отъ фиска. Вслѣдствіе этого происходило сильное обремененіе народонаселенія, и безъ того отличавшагося безденежьемъ.

Во всѣхъ нашихъ уѣздахъ, въ городахъ и базарныхъ селахъ, до временъ Елизаветы Петровны были таможни, на которыхъ со всѣхъ торговыхъ статей брали пошлины по расчету съ рубля по гривнѣ. Платили съ покупнаго и продажнаго. Размѣры пошлинъ мы беремъ за 1737 годъ.

На кружечныхъ дворахъ брали въ казну съ ведра по 10 копѣекъ. Усиленная пошлина шла также съ лошадей, издавна составлявшихъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей мѣстной торговли. Между прочимъ таможенные сборы производились со всякаго мелкаго товара. Самые значительные сборы были, конечно, съ *итей*. Такъ, въ селѣ Земетчинѣ съ мелкаго товара въ базарный день собирали копѣекъ по 40, а кружечной пошлины бывало рубля по 3 и болѣе.

Повидимому, самымъ торговымъ селомъ Шацкой провинціи въ 1737 году была Апушка. Мелкаго сбора собирали тамъ въ торговые дни рубля по 4.

Въ царствованіе Анны Іоанновны обложены были податью даже бани, безъ которыхъ въ прежнія времена обходился рѣдкій крестьянскій дворъ. Съ каждой бани полагался рубль въ годъ.

Если ко всему этому мы прибавимъ разнообразныя штрафныя деньги, подушныя подати по 69 копѣекъ съ души и многочисленныя натуральныя повинности, рекрутскія, ямскія, дорожныя и церковныя, то въ результатъ получится весьма неутѣшительная картина нашего прежняго народно-экономическаго быта.

Отъ конечнаго разоренія наши предки спасаемы были дешевизною продуктовъ и земли. Цѣна простому вину была 86 копѣекъ ведро, медъ продавался по 24 копѣйки за ведро, а пиво—по 12 копѣекъ, Четверть ржи стоила 48 копѣекъ.

Но особенно дешева была земля—исконная русская кормилица. Въ 1731 году крестьянинъ Леонтій Сухановъ снялъ на 4 года казенную *пустовую* землю недалеко отъ Шацка. Земли той было въ трехъ поляхъ 324 четверти да 9 десятинъ и сѣнныхъ покосовъ на 50 коненъ. За все это годовая плата была 2 рубля 66 копѣекъ. Такая дешевизна свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ торговомъ и промышленномъ застоѣ, который обыкновенно характеризуетъ страны, только что начинающія свою культурную жизнь. Правда, къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія Тамбовская и Шацкая культура уже достаточно созрѣла въ извѣстномъ смыслѣ. Въ бывшихъ Мещерско-Мордовскихъ дѣбряхъ появились землевладѣльцы съ нѣмецкими фамиліями и интересами, а въ присутственныхъ мѣстахъ началась широкая бюрократическая практика, едва ли содѣйствовавшая оживленію края. Въ нашихъ канцеляріяхъ неустанно стали исписываться цѣлыя стопы бумагъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Возникали кляузныя дѣла листовъ въ 600 и болѣе... То было время, когда канцелярскіе дѣлцы, *поработивъ* нѣсколько лѣтъ, легко становились болѣе или менѣ крупными помѣщиками.

Слабая культура нашего края замѣтнѣе всего выражалась въ низкомъ уровнѣ благоустройства мѣстныхъ городовъ. Всѣ факты, которые мы сейчасъ сообщимъ, заимствованы нами изъ „экономическаго описанія Тамбовскаго намѣстничества“, офиціально составленнаго въ 1781 году, во время извѣстнаго генеральнаго межеванія *).

Начинаемъ съ главнаго города намѣстничества.

Городъ Тамбовъ. „Дворовъ въ немъ 354, всѣ деревянные. Жителей обоюго пола 5664 человекъ. Всей городской земли, усадебной и пашенной, покосовъ и лѣса, а также и неудобныхъ мѣстъ—4402 десятины 1435 сажень“.

Не особенно красивъ нашъ городъ и теперь, но сто лѣтъ тому назадъ онъ походилъ на обпирную деревню. Это видно

*) Подлинникъ экономич. описанія хранит. въ Тамб. межевой канцеляріи.

изъ слѣдующаго перечня Тамбовскихъ публичныхъ зданій.

„Публичныя зданія въ городѣ Тамбовѣ таковы: градская крѣпость, именуемая кремль; съ востока и сѣвера укрѣплена она рѣками Цною и Студенцомъ, съ юга—рвомъ, съ запада—рвомъ и землянымъ валомъ. Въ крѣпости соборная Преображенская церковь каменная, а колокольня деревянная, и въ той же крѣпости каменная кладовая для храненія денежной казны, да бывшій воеводскій дворъ, занятый присутственными мѣстами. Слободы въ предмѣстьи Тамбовскаго кремля слѣдующія: Покровская, Стрѣleckая, Пушкарская и Полковая. А въ тѣхъ слободахъ монастырей два: мужской Казанскій и Вознесенскій дѣвичій. Въ первомъ двѣ церкви деревянные, Казанская и Успенская, деревянный архіерейскій домъ въ 20 келлій; ограда монастырская деревянная съ башнями по угламъ; надъ воротами колокольня каменная, невысокая. Вознесенскій женскій монастырь весь деревянный. И въ томъ городѣ Тамбовѣ съ предмѣстьями приходскихъ церквей 11: пять каменныхъ и шесть деревянныхъ, въ томъ числѣ три кладбищенскихъ. Жители того города и предмѣстій торгъ имѣютъ мелочными товарами и закупаютъ по селамъ масло, медъ, воскъ, юфть, сало, шерсть, пеньку, рогатый скотъ и отпускаютъ все это для продажи въ Москву и другіе города. Постоялыхъ дворовъ въ Тамбовѣ не мало, а герберговъ (гостинницъ) нѣтъ. Рѣка Цна противъ Тамбова глубиной бываетъ 2½ аршина. Студенецъ лѣтомъ пересыхаетъ. А къ западу отъ города идетъ земляной валъ до Усмани. Построенъ онъ въ древнія времена для защиты отъ набѣговъ Ногайскихъ Татаръ“.

Экономическое описаніе города Тамбова оканчивается перечнемъ церковной писцовой земли.

„У Преображенскаго собора писцовой земли 333 десятины 688 сажень. У того же собора хуторъ къ востоку отъ города и подъ тѣмъ хуторомъ земли 29 десятинъ 500 сажень. У Знаменской церкви писцовой земли 180 десятинъ 334 сажени; у Покровской церкви—145 десятинъ 958 сажень; у Трегулиевскаго монастыря всей писцовой земли 671 десятина“.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ было уже очень много богатыхъ помѣщиковъ.

Нѣкоторые изъ нихъ жили въ своихъ вотчинахъ, поэтому въ окрестностяхъ Тамбова уже и тогда встрѣчались обширныя и благоустроенныя барскія усадьбы, напримѣръ: Охлебинина, Полетики, Хвощинскаго, Арапова и графа Воронцова. Эти-то усадьбы, построенныя на широкую ногу и наполненныя толпами многочисленной дворни, и служили единственными декораціями нашего бѣднаго намѣстничества.

Въ указанное нами время Тамбовскій уѣздъ былъ самымъ культурнымъ во всемъ намѣстничествѣ. Это видно изъ тогдашняго состоянія добывающей и обрабатывающей промышленности въ нашемъ уѣздѣ. Недалеко отъ Тамбова была тогда суконная фабрика купца Тулинова (цѣна сукна отъ 50 до 75 копѣекъ). Въ Разказовѣ находилась суконная фабрика купца Олесова, а въ Бондаряхъ было такихъ три фабрики и между ними возвышался огромный каменный домъ фабриканта Гарденина. Кромѣ того, въ селѣ Кершѣ работалъ винокуренный заводъ помѣщика Чубарова. Спирту выкуривалось тамъ ежегодно по 800 ведеръ (цѣна ведру 75 копѣекъ). Въ то же время въ селахъ Никольскомъ и Куньяхъ Липигахъ у помѣщиковъ Іевлева и Новосильцева были извѣстные въ свое время конскіе заводы, на которыхъ разводились лошади русской породы, арабской, англійской и нѣмецкой.

Переходимъ къ краткому описанію городовъ Тамбовскаго намѣстничества. Всѣ они, въ настоящее время далеко не послѣдніе между уѣздными городами имперіи, при открытіи намѣстничества отличались крайнею бѣдностію, что видно изъ слѣдующаго ихъ описанія.

Городъ Козловъ. „Дворовъ въ немъ 269, жителей обоего пола 776. Публичныя строенія въ немъ таковыя: градская крѣпость, именуемая кремль, окружена натуральнымъ рвомъ. Въ крѣпости соборная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, кладовая для храненія допозной казны, винный и соляной выходы — каменныя, а присутственныя мѣста деревянныя“.

Кругомъ Козлова было нѣсколько предмѣстій, лучшихъ во всемъ намѣстничествѣ, такъ какъ въ нихъ изрѣдка попадались каменные дома.

„Предмѣстье города, — говорится въ экономическомъ опи-

сапіи, — по теченію Каменки и Лѣснаго Воронежа. Укрѣплено оно съ восточной стороны рѣчкой, а съ другихъ сторонъ землянымъ валомъ, и въ немъ приходскихъ церквей 2 и 7 каменныхъ домовъ“.

„Сторожевская и Пушкарская слободы расположены по обѣимъ сторонамъ большой Тамбовской дороги. Здѣсь построена каменная Тихвинская церковь да въ этихъ же слободахъ 2 каменныхъ купеческихъ дома“.

„По Рижской дорогѣ еще Козловское предмѣстіе — Стрѣлецкая слобода. Въ немъ 2 каменные церкви, Троицкая и Казанская, первая о двухъ этажахъ. Да въ Полковой слободѣ — каменная Успенская церковь, да на Суходолѣ кладбищенская Воздвиженская церковь — деревянная. А всѣхъ жителей въ Козловскомъ уѣздѣ, — неожиданно прибавляетъ экономическое описаніе, — 87024 человекъ“.

Такъ же кратки и однообразны описанія и другихъ городовъ Тамбовскаго намѣстничества.

Городъ Моршанскъ. „Дворовъ въ немъ 655. Жителей 3730. Публичныя строенія въ Моршанскѣ таковы: каменная соборная Николаевская церковь и 3 церкви деревянные. Да въ томъ же городѣ 3 фабрики деревянные, парусная, полотняная и бумажная. При бумажной фабрикѣ поставлена пильная мельница о 6 рамахъ. Еще во ономъ городѣ 6 салотопень. Внутри города есть пристань, судовой ходъ за мелкостію воды бываетъ только въ полую воду“.

Городъ Борисоглѣбскъ. „Дворовъ въ немъ 384. Жителей обою пола 1934 человекъ. Въ томъ городѣ земляная крѣпость, именуемая кремль, деревянная соборная Борисоглѣбская церковь и деревянные жъ присутственныя мѣста. За кремлемъ еще 2 деревянные церкви, а торгъ идетъ въ Борисоглѣбскѣ мелочными товарами“.

Городъ Шацкъ. „Про этотъ городъ существуетъ въ мѣстномъ краѣ мѣніе, будто онъ когда то былъ значительнымъ центромъ цѣлой области. Правда, Шацкъ былъ провинціальнымъ городомъ, но никогда не былъ значительнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Это видно изъ его „экономическаго описанія“.

„Въ гоородѣ Шацкѣ домовъ 46, жителей мужскаго по-

ла 156 человекъ. Публичныя строенія въ немъ слѣдующія: градская крѣпость, укрѣпленная землянымъ валомъ, въ крѣпости Михайловская соборная церковь—каменная, да 2 каменные и 2 деревянные церкви. Кругомъ города много слободъ: Ямская слобода (жителей 461 человекъ обоого пола), Стрѣлецкая (жителей 290 душъ), Казачья (жителей 2605) и Черная слобода“.

Послѣдняя въ 1780 году принадлежала графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, въ ней было 3 церкви, а жителей 2547 человекъ.

„Экономическое описаніе“, между прочимъ, перечисляетъ села Шацкого уѣзда, при чемъ оказывается, что этотъ уѣздъ былъ плотно населенъ изстари, такъ какъ почти вся земля его была писцовая.

Между Шацкими пустошами встрѣчаются нѣкоторыя съ оригинальными названіями, указывающими на прежнія бытovyя условія Шацкого уѣзда. Напримѣръ: Выжельцова пустынь, Кнутовая, Вобровыя гоны.

Извѣстный Шацкій Черніевъ монастырь въ 1780 году былъ уже довольно значительнымъ учрежденіемъ. Въ немъ было 3 церкви: 2 каменные и 1 деревянная.

Городъ Линецкъ. Этотъ городъ, въ настоящее время одинъ изъ самыхъ красивыхъ уѣздныхъ городовъ въ имперіи, въ описываемое нами время былъ обширною деревнею. „Экономическое описаніе“ его таково:

„Въ городѣ Линецкѣ дворовъ 664. Жителей 4070 человекъ. А публичныя строенія въ томъ городѣ: Воздвиженская соборная церковь каменная да приходскихъ двѣ—обѣ деревянные. Да еще въ томъ городѣ 6 питейныхъ домовъ деревянныхъ и 16 деревянныхъ лавокъ. А купцы и мѣщане торгуютъ съ Москвою пенькою, шерстью и кожами. Женщины же вяжутъ для продажи чулки, варьги и перчатки. Да въ томъ же городѣ на запруженномъ прудѣ состоитъ казенный литейный чугунный заводъ, на немъ прежде основанія намѣстничества выливались пушки и прочія воинскія орудія“.

Къ крайнему своему удивленію въ экономическомъ описаніи города Липецка мы ни слова не встрѣтили о Липецкихъ минеральныхъ водахъ. Ясно, онѣ были заброшены и

ждали для своего открытія наступленія лучшей поры для Тамбовскаго края, именно—царствованія императора Александра I-го.

Городъ Лебедиль. „Въ ономъ городѣ крѣпость, а въ ней 15 дворовъ, жителей 718, да тамъ же Казанская соборная церковь каменная. А дома въ крѣпости и предмѣстьяхъ всѣ деревянные и жители торгуютъ скотомъ, особенно лошадыми“.

О знаменитой Лебодянской ярмаркѣ, прославившейся въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ „экономическомъ описаніи“ ничего не сказано. Слѣдовательно, ея еще не было.

Городъ Курсановъ. „Дворовъ въ немъ 314, душъ 3141. Въ городѣ деревянная соборная церковь во имя Николая Чудотворца, а приходскихъ нѣтъ. Да присутственныя мѣста, тюремная изба и 5 питойныхъ домовъ—всѣ деревянные и весьма малые“.

Городъ Спасскъ. Этотъ городъ считается теперь наименѣе культурнымъ во всей губерніи. Такимъ онъ представляется намъ и въ „экономическомъ описаніи“.

„Дворовъ въ городѣ Спасскѣ,—сказано въ этомъ описаніи,—389, жителей обоого пола 3005 человекъ. Въ ономъ городѣ управленія по новости никакого нѣтъ. А публичныя зданія таковы: 2 церкви деревянные древняго строенія и третья церковь на кладбищѣ“.

Городъ Усмань. „Число дворовъ въ немъ 6, жителей обоого пола 46 человекъ. Публичныя въ немъ строенія: земляная крѣпость и въ оной деревянныя присутственныя мѣста. Въ предмѣстіи города каменная соборная церковь, а приходскихъ церквей 2, каменная и деревянная. Жители того предмѣстья имѣютъ торгъ разными мелкими *ценетильными* товарами“.

Очевидно, Усмань въ XVII и началѣ XVIII столѣтія была чисто военнымъ городомъ, на что указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что извѣстная *Тамбовская черта* доходила какъ разъ до Усмани.

Переходимъ теперь къ двумъ сѣвернымъ, наиболѣе древнимъ. уѣздамъ Тамбовской губерніи, Темниковскому и Флатомскому.

Городъ Темниковъ. „Дворовъ въ немъ 484, душъ обоого

пола 2676. Въ томъ городѣ публичныя строенія: каменная соборная Преображенская церковь да приходскихъ 3 каменныхъ и 4 деревянныхъ церкви. Жители большею частію купцы и мѣщане. Они закупаютъ въ разныхъ мѣстахъ хлѣбъ, пеньку, медь, воскъ, деготь, лубья и мочалу и все это отправляютъ въ Арзамасъ, Спасскъ и Елатьму. Иные жъ мѣщане промыслъ имѣютъ въ каменной и штукатурной работѣ въ разныхъ городахъ“.

Объ извѣстной Саровской пустыни, а также и о заштатномъ городѣ Кадомѣ, древнѣйшемъ въ нашей губерніи, въ „экономическомъ описаніи“ ничего не сказано. О Санаксарскомъ монастырѣ сказано также не много, именно вотъ что: „вокругъ онаго монастыря сдѣлана каменная стѣна шестиугольникомъ; въ немъ 3 церкви каменные; кельи о 2-хъ этажахъ. За оградой домъ камонный для гостепріимства“.

Городъ Елатьма. „Дворовъ въ немъ 765, жителей мужескаго полу 1919. Въ немъ старое городище съ каменною церковію во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; въ томъ городѣ былъ прежде мужской монастырь, а нынѣ жительство имѣютъ священно-церковнослужители. Да въ немъ же слѣдующія публичныя строенія: Преображенская соборная церковь каменная, приходскихъ церквей 6—всѣ каменные, а присутственныя мѣста деревянные“.

Какъ на достопримѣчательности города Елатьмы, „экономическое описаніе“ указываетъ на два дворянскіе каменные дома и на Петропавловскую ярмарку, торговавшую пенькою, холстомъ, кожами, мясомъ, саломъ и рыбою. „Женщины города Елатьмы,—продолжаетъ описаніе,—упражняются въ пряхѣ льна и шерсти и холсты ткуть и сукна дѣлаютъ“.

При открытіи Тамбовскаго намѣстничества Елатомскій уѣздъ, очевидно, былъ самымъ культурнымъ послѣ Тамбовскаго. Это видно изъ слѣдующаго перечисленія Елатомскихъ фабрикъ и заводовъ.

„Въ Елатомскомъ уѣздѣ есть полотняная фабрика купца Коржевина. На ней 36 становъ, а работаютъ фабричныя крестьяне. Отпускъ съ фабрики на Москву и Петербургъ. Да въ томъ же уѣздѣ Унженскій желѣзный заводъ Ваташона, сѣрно-купоросный и красочный заводъ купца Семизоро-

ва, стеклянный заводъ купца Гусева и таковой же заводъ братьевъ Коржевиныхъ“.

Лѣса Елатомскаго и Темниковскаго уѣздовъ въ описываемое нами время были совершенною глушью. Тамъ были бортныя *государевы и царевичевы* въѣзжіе лѣса. Тамъ были урочища съ слѣдующими оригинальными, указывающими на глубокую древность, названіями: Медвѣжья пустошь, Чертово поле, Старая Каверза, Ермакова пустошь, Колодина и Лѣшная поляна. Тамъ же между поселеніями постоянно встрѣчались погосты и починки, т. е. такія формы сель, которыя свойственны исключительно старинной Руси.

Заключая третью главу, мы невольно обращаемъ вниманіе на современное состояніе городовъ Тамбовской губерніи. Теперь эти города далеко не послѣдніе въ массѣ всероссійскихъ городовъ. Слѣдовательно культурная живучесть нашего края не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, хотя проявленія ея до сихъ поръ пока еще довольно медленны и неопредѣленны. Постановку и развитіе этой мысли мы и имѣли въ виду, когда писали свою третью главу.

IV.

Нравственно-бытовые черты Тамбовскаго края по мѣстнымъ документамъ XVIII и XIX столѣтій.

У насъ нерѣдко выражаютъ любовь къ отечеству превеличенными ему похвалами, при чемъ намѣренно умалчивается о такихъ фактахъ отечественной жизни, которые, понятно, всякому изъ насъ весьма не желательны. Такимъ образомъ происходитъ лицемерная и фарисейская подтасовка фактовъ, а въ результатъ получается фальсификація, т. е. непростительное преступленіе противъ науки.

Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, мы въ предлагаемой главѣ не будемъ скрывать былыхъ несовершенствъ нашей родины—Тамбовской губерніи. Горячо любя ее и доказывая эту любовь не одними словами, мы лично въ данномъ случаѣ будемъ утѣшаться сопоставленіемъ прошлаго съ настоящимъ. Кроме того, въ отрицательныхъ явленіяхъ нашей старины мы будемъ видѣть нравственные уроки для современныхъ нашихъ поколѣній. Но въ то же время при малѣйшей возможности съ особеннымъ удовольствіемъ мы будемъ отмѣчать и такіе мѣстные факты, въ которыхъ съ большею или меньшею силою проявлялась умная и добрая русская натура. Съ половины XVIII столѣтія край нашъ сталъ по преимуществу дворянскимъ. О Тамбовскомъ дворянствѣ на первыхъ порахъ мы и поведемъ свою рѣчь.

Не на веселыя мысли наводятъ насъ Тамбовскіе дворяне XVIII столѣтія, пріютившіеся преимущественно въ нашихъ сѣверныхъ Татарскихъ и Мордовско-Мещерскихъ уѣздахъ. Люди большею частію не развитые и праздные, они всю свою энергію тратили единственно на подвиги самаго необуздан-

наго самодурства, которое было тѣмъ рельефнѣе, что неразвитость Тамбовскаго дворянства весьма нерѣдко выражалась въ совершенной неграмотности. Въ 1789 году у насъ были слѣдующія неграмотныя инородческаго происхожденія дворянскія фамили: Маматказины, Булушевы, Енгалычевы, Бигловы, Кашаевы, Еникѣевы, Маматовы, Дивѣевы, Елышевы, Мусьевы, Тюменевы, Бекмаевы, Канчурины, Сакаевы и Сампалаевы. Всѣ они официально аттестованы были такъ: „въ службѣ не были, грамотѣ и писать не умѣютъ“. По словамъ Г. Р. Державина, опытнаго знатока Тамбовскаго края, — *Тамбовское дворянство было такъ грубо и необходимо, что ни одѣться, ни войти, ни обратиться какъ должно благородному человѣку не умѣли, кромѣ нѣкоторыхъ, которые жили въ столицахъ.*

Конечно, были у насъ образованные и гуманные дворяне, такъ какъ лучшіе люди нашего отечества всетаки принадлежали именно къ дворянскому сословію, но таковыхъ у насъ было очень немного.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы здѣсь почтенное имя Козловскаго помѣщика И. Г. Рахманинова, извѣстнаго основателя типографіи въ селѣ Казинкѣ и замѣчательнаго переводчика сочиненій Вольтера; не можемъ не вспомнить также и г. Ниловой, усерднѣйшей сотрудницы Державина въ его Тамбовскихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Съ любовію передаемъ мы современникамъ дорогое имя Козловскаго депутата въ законодательномъ собраніи 1767 года дворянина Коробина, который чуть не одинъ возвысилъ свой голосъ въ защиту крѣпостнаго крестьянства. Голосъ его заглушенъ былъ оппозиціею противоположнаго ему направленія, тѣмъ не менѣе высокая инициатива Коробина заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ особенности же въ данномъ случаѣ вниманіе наше останавливается на высокогуманной личности Елатомскаго помѣщика А. А. Ушакова.

Ушаковъ имѣлъ 600 душъ въ селѣ Изтлеевѣ. Въ 1796 году въ это село пріѣхали изъ разныхъ полковъ на постоянное жительство три сына Андрея Алексѣевича. Отецъ такъ любилъ ихъ, что позволилъ имъ совершенно самостоятельно распоряжаться въ имѣніи. И начали они распоряжаться: стонъ

пошелъ по всей деревнѣ отъ ихъ управленія... Андрей Алексѣвичъ не сѣкъ своихъ крѣпостныхъ, а дѣти его то и дѣло препровождали на конюшню и старыхъ и малыхъ. Не перенесъ этого добрый старикъ и рѣшился всѣхъ своихъ крѣпостныхъ отпустить на волю и написалъ объ этомъ министру В. П. Кочубею. Письмо начинается такъ: „Внуши, Боже, молитву мою и не презри моленія моего! Не удивись, сіятельный графъ, началу сему; оно слѣдуетъ отъ оскорбленнаго отца“.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе уже извѣстныхъ намъ обстоятельствъ. Съ особенною силою Андрей Алексѣвичъ настаивалъ на томъ, что дѣти его не могутъ послужить благу крестьянства и что въ нихъ слишкомъ много сословнаго эгоизма. „Почему,—заключаетъ онъ свое письмо,—учиня крестьянъ моихъ свободными, утверждаю всѣ мои земли съ угодьями въ вѣчное ихъ владѣніе“.

Такимъ образомъ отъ тяжкаго крѣпостнаго ига освобождено было 600 душъ. Дѣтямъ же своимъ Андрей Алексѣвичъ завѣщалъ по нѣсколько тысячъ рублей. А между тѣмъ еще при жизни своей снова опредѣлилъ ихъ на службу. „Пусть—говорилъ онъ,—узнаютъ они, что такое нужда и что такое долгъ, тогда ко всѣмъ людямъ они лучше относятся будутъ“ *).

Кромѣ Ушакова въ средѣ Тамбовскаго дворянства было и еще очень много истинно добрыхъ русскихъ людей и вѣрныхъ слугъ царскаго престола. Не кичась своимъ привилегированнымъ положеніемъ и не злоупотребляя имъ, они патриархально вникали въ безчисленныя крестьянскія нужды и искренне радовались по поводу скромнаго мужицкаго довольства. Къ такимъ лицамъ мы относимъ Темниковскаго помѣщика князя А. В. Дивѣва, дворянина Григорова и господа Шуталіну. Безъ всякаго сомнѣнія, подобныхъ гражданъ между нашими помѣщиками было не мало, но изъ документовъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, имена ихъ и поступки намъ неизвѣстны. Къ сожалѣнію, въ этихъ самыхъ документахъ встрѣчается намъ масса фактовъ, изображающихъ отжившее Тамбовское дворянство въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Многіе дворяне наши отличались крайнимъ само-

*) арх. Тамб. двор. собр. № 14-й.

управствою и неуваженіемъ къ установленной власти. Именно въ такомъ направленіи въ 1780 году дѣйствовалъ Кирсановскій помѣщикъ Можаровъ.

Можаровъ поссорился съ своимъ сосѣдомъ Шишковымъ и раздѣлался съ нимъ по своему. 1-го сентября 1780 года крестьяне его, по его личному приказанію, напали на сѣнокосъ помѣщика Шишкова и свезли оттуда 340 копенъ сѣна. Въ октябрѣ того же года Шишковъ послалъ рабочихъ на 40 подводахъ за сѣномъ на свои луга. Наложили они сѣно и тронулись домой, какъ вдругъ напали на нихъ Можаровскіе крестьяне и все отняли. Обиженный помѣщикъ далъ знать объ этомъ капитанъ-исправнику Волкову и тотъ съ понятиями немедленно поѣхалъ на слѣдствіе.

У воротъ Можаровской усадьбы исправника встрѣтили человекъ 100 дворовыхъ и крестьянъ, вооруженныхъ цѣпами и дубинами.

— Что вы за люди? громко спросили они у приближавшагося къ нимъ полицейскаго поѣзда.

Волковъ прикрикнулъ на нихъ и объяснилъ имъ, что онъ капитанъ—исправникъ, представитель царской власти.

— Врешь,—отвѣчали ему,—вы всѣ разбойники и пріѣхали грабить господскій домъ, да не на таковскихъ напали: въ дубье мы васъ примемъ...

Нечего дѣлать, исправникъ долженъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ.

Въ томъ же 1780 году 21 марта черезъ Тамбовъ проѣзжалъ помѣщикъ Шегаровъ. Пріѣзжій подкатилъ къ почтовому двору съ многочисленною свитою и грозно потребовалъ лошадей и проводниковъ. Къ несчастію, всѣ почтовые лошади были въ разгонѣ. Тогда Шегаровъ пошелъ къ правителю Тамбовскихъ ямовъ майору Федерману.

— Читалъ ли ты, нѣмчура, подорожную мою? — сказалъ онъ—Сейчасъ же подавай ямщиковъ!

Федерманъ посоветовалъ ему обратиться за проводниками въ воеводскую канцелярію.

Это обидѣло Шегарова и онъ схватилъ Федермана за грудь и сталъ колоть его пальцами въ глаза.

— Ты нѣмецкій бѣглець,—кричалъ онъ,—и я велю заковать тебя въ кандалы.

Федерманъ попытался возразить: и я де такой же штабъ, какъ и ты, а ты меня порочишь, — но тутъ подбѣжали къ нему Шегаровскіе дворовые, схватили его и высѣкли на его же собственномъ дворѣ.

Федерманъ убѣжалъ, а Шегаровъ получилъ то, что требовалъ, и крохъ того — сани съ подрѣзами, принадлежавшія побитому почтовому начальнику. На этихъ саняхъ, съ громомъ и звономъ, подкатилъ онъ къ дому одного своего Тамбовскаго пріятеля и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ, а затѣмъ совершенно благополучно прослѣдовалъ въ село Талинку, откуда и отпустилъ ямщиковъ, не заплативъ имъ прогонювъ...

Подобную же необузданность иногда проявляли и такіе Тамбовскіе дворяне, которые нигдѣ никогда не служили и слѣдовательно не имѣли никакого офиціального положенія. Таковъ былъ недоросль Вельяминовъ.

Однажды онъ съ цѣлою шайкою въ полночь подбѣжалъ къ дому нелюбимаго имъ дьякона Лысогорскаго, ворота въ его домъ выломалъ, окна выбилъ, всю семью избилъ... Дьяконскій сынъ въ одномъ изорваномъ бѣлѣ выбѣжалъ тогда изъ дому и зазвонилъ въ церковный колоколъ. Священникъ и пономарь прибѣжали въ церковь. Явился туда же и Вельяминовъ, священника и пономари ударилъ *рожномъ*, а самъ направился на колокольню и для собственнаго удовольствія началъ звонить во все колоколъ. Собрался народъ. Дивились все, а ничего не могли сдѣлать съ *баринимъ*...

Въ то же время мелкое Тамбовское дворянство, которое изъ-за куска хлѣба шло въ разныя канцеляріи, тоже не блистало нравственными совершенствами.

Какъ поступали служилые Тамбовскіе дворяне съ подчиненными имъ сельскими жителями, это очень ясно видно изъ письма Кадомскаго секретаря Карева къ крестьянскому старостѣ Мирону Курмашову. Вотъ это письмо:

„Я къ тебѣ писалъ передъ тѣмъ, чтобы ты, плутъ и мошенникъ, выслалъ сюда въ Кадомъ солдата Пайкова. Да онъ уже здѣсь хотя подушныя деньги платилъ, но отсюда, не взявъ квитанціи, бѣжалъ. И для того къ тебѣ еще пишу, чтобы ты непремѣнно его выслалъ сюда еще съ подушными деньгами, ибо ежели челобитную солдатъ подастъ, то я увѣ-

ряю васъ всѣхъ, будетъ она ему больше 200 рублей стоить“.

Солдатъ, привозившій въ Кадомъ подушныя деньги, которыя очутились въ карманѣ у секретаря Карева, дѣйствительно подаль въ судъ челобитную съ жалобою на то, что секретарь требуетъ съ міра двойной подушной подати, но за такую дерзость попалъ подъ арестъ, а ловкій секретарь ухитрился выйти изъ-подъ слѣдствія совершенно оправданнымъ.

Надобно однако замѣтить, что всѣ эти приведенные нами факты были невинными шалостями въ сравненіи съ дикими выходками знаменитыхъ Тамбовскихъ самодуровъ К—рова и К—чинскаго, печально прославившихъ нашу сѣверную Татарско-Мордовскую сторону.

Имя К—рова, ознаменованное крайнею жестокостію къ крѣпостнымъ и самымъ необузданнымъ цинизмомъ въ развратѣ, и донынѣ слишкомъ памятно всѣмъ жителямъ Тамбовской губерніи, не смотря на то, что въ этомъ краѣ крѣпостническія злоупотребленія практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и слѣдовательно болѣе или менѣе примелькались всѣмъ и каждому.

Въ имѣніи у К—рова заведены были самыя строгіе порядки. Въ случаѣ малѣйшей неисправности крестьянъ наказаніе производилось немедленно. Давали по 400 ударовъ кнутомъ, такъ что наказанные лежали больными мѣсяца по три и болѣе. Одного крестьянина К—ровъ высѣкъ въ теченіи великаго великаго поста 16 разъ, каждый разъ по 100 ударовъ. Бывало и такъ, что наказанные уже не вставали съ мѣста и трупы ихъ безъ всякой огласки были препровождаемы на кладбища. Такой участи чаще всего подвергались дѣти. Какъ человѣкъ съ чрезвычайно жестокою натурою, К—ровъ, наказывая, любилъ издѣваться надъ своими жертвами. Такъ, у одной дѣвочки послѣ сѣченія онъ сжегъ на головѣ волосы, а у другой обезобразилъ лицо зажженной свѣчкой. У оброчныхъ крестьянъ К—ровъ обыкновенно отнималъ имущество и переводилъ ихъ въ дворовые.

При такомъ порядкѣ вещей не удивительно, что многіе К—ровскіе крестьяне охотно шли въ солдаты, или же куда глаза глядятъ, рискуя попасть изъ огня въ полымя. Вообще, К—ровъ былъ настоящимъ пугаломъ для своихъ крестьянъ.

янтъ. Съ прїѣздомъ его въ какую нибудь деревню,—а ихъ у него было много,—на всѣхъ деревенскихъ жителей напала панической ужась: женщины и дѣти бѣжали тогда куда попало—въ конопли, во ржи, а зимою къ гумнамъ и въ овраги.

Кромѣ того, К—ровъ весьма неумѣренно пользовался своими правами надъ крѣпостными женщинами и дѣвушками, даже малолѣтними, отъ 7 и 8 лѣтъ. За несогласіе билъ кнутомъ, розгами и брилъ головы. Затѣмъ все—таки добивался своей цѣли и непослушныхъ отдавалъ впослѣдствіи замужъ нарочно за самыхъ безобразныхъ мужиковъ. Замѣчательно, что К—ровъ пользовался иногда правомъ *primae noctis* въ присутствіи своей жены, и госпожа К—рова не только не возмущалась этими зрѣлищами, но какъ будто сочувствовала имъ, вѣроятно—изъ принципа помѣщичьей власти. По крайней мѣрѣ извѣстно, что нѣкоторыхъ малолѣтнихъ дѣвочекъ она сама приводила къ мужу и въ случаѣ ихъ сопротивленія помогала ому...

Въ 1844 году К—ровъ прїѣхалъ въ одно изъ своихъ имѣній Темниковскаго уѣзда и потребовалъ къ себѣ старостиху Акулину Папкову. Старостихѣ отданъ былъ приказъ собрать къ барину молодыхъ бабъ и дѣвокъ. Тѣ долго не явились. Тогда К—ровъ, въ наказаніе за нераспорядительность, подвергъ публичному позору на улицѣ 70-лѣтнюю Акулину Папкову... Обиженная пожаловалась губернатору, а помѣщикъ за это отдалъ въ солдаты ея единственнаго сына.

Подвиги К—рова дошли до свѣденія высшаго правительства и въ 1845 году надъ нимъ назначено было слѣдствіе. Въ его резиденцію отправился губернаторскій чиновникъ Сумароковъ и жандармскій офицеръ Телѣгинъ. Слѣдователи, имѣя въ виду очевидныя улики противъ К—рова, подвергли его строгому заключенію. Днемъ держали его подъ карауломъ въ кабинетѣ, а ночью въ спальнѣ. Повидимому К—рову приходилось плохо и уже между его крестьянами распространился слухъ, что барина непременно засудятъ и что онъ пытается отравиться. Самъ К—ровъ увидѣлъ, что съ нимъ не шутятъ и, какъ очень богатый челоуѣкъ, сталъ подкупать слѣдователей. Слѣдователи оказались однако честны-

ми людьми и не польстились на богатяя взятки. Тогда К—ровъ сталъ писать на нихъ жалобы губернатору и шефу жандармовъ. Судователей переѣнили. На мѣсто Сумарокова и Телѣгина прибыли полковникъ Ходновъ и совѣтникъ Поповъ. Но и второе слѣдствіе произведено было не въ пользу К—рова. Къ прежнимъ обвиненіямъ присоединово было еще одно, именно: будто бы К—ровъ судилъ своихъ крестьянъ за уголовныя преступленія самъ, *какъ независимый владѣтель* *).

Когда о дѣйствіяхъ К—рова стали разсуждать въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, то онъ обратился къ нему письменно съ слѣдующимъ патетическимъ заявленіемъ: „настоющія обвиненія противъ меня представляютъ случай небывалый, ибо безпорочный дворянинъ, дожившій почти до 60 лѣтъ, обвиняется въ нарушеніи будто бы права, предоставленнаго ему верховною властію. Но страдаетъ ли отъ этого незапятнанная честь моя? И гдѣ же у слѣдователей моихъ страхъ Божій!“

Между тѣмъ этотъ Елатомскій баронъ, прикинувшійся такимъ цѣвиннымъ страдальцемъ, тысячу разъ заслуживалъ самаго строгаго уголовного суда. Онъ, напримѣръ, приказывалъ своимъ крѣпостнымъ женщинамъ кормить грудями щенятъ и неистовствовалъ въ своемъ крѣпостномъ районѣ. „Какъ безчеловѣчный бичъ,—жаловались на него графу Орлову,—какъ тиранъ и пугать, К—ровъ приводилъ въ ужасъ даже стороннихъ крестьянъ, кои называютъ его фармазономъ, ибо онъ никогда въ церковь не ходилъ, Богу не молился, не говѣлъ и св. таинъ не пріобщался. Только онъ богатъ необыкновенный и мѣстное начальство судить его не можетъ. Лѣтъ 10 тому назадъ К—ровъ засѣкъ одного мальчика до смерти и ему за это ничего не было. Онъ же лишилъ дѣвства 11-лѣтнюю Татьяну и 9-лѣтнюю Прасковью и за это ему ничего не было. Сама барыня своеручно розгами и кнутомъ сѣчетъ людей нещадно и тоже никто ей слова не скажетъ. А сѣчетъ она истинно безъ всякой жалости: крестьянина Владиміра Румянцева не устыдась сама сѣкла; женщину Авдотью Сергѣеву, нагую и беременную, повела въ баню и тамъ долго издѣвалась надъ ней, три пучка розогъ переѣнила и голо-

*) Древняя и Новая Россія 1877 г., стр. 128-я, наша статья.

вой объ стѣну била. Въ 1845 году у насъ въ ижѣнн на первый донь пасхи шла обѣдня и К—ровъ въ это время съкъ кнутомъ своихъ дворовыхъ, щипаль ихъ и палилъ ихъ волосы лучиною“.

Эта жалоба предъявлена была подсудимому, но онъ упорно увѣрялъ слѣдователей въ своей невинности и въ испорченности своихъ крестьянъ. „Крестьяне мои, — объяснялся онъ, — самые развращенные и все лгутъ“.

По какому же поводу происходили все эти дикія оргіи самодурства и за что страдали крестьяне? Отвѣтъ на это представляетъ разбираемое нами слѣдственное дѣло. „За каждыя малости били насъ, — наказывали крестьяне жандармскому полковнику Ходнову, къ намъ придирались и пинили насъ за то, что не такъ подали, не такъ вошли, не такъ потрафили*“).

Скотина была худая, за это скотниковъ съкли. Скотина потолстѣла — и за это съкли. Баринъ былъ не въ духѣ, онъ съкъ съ досады; баринъ былъ веселъ — для потѣхи дралъ“.

Слѣдующая жалоба всего лучше иллюстрируетъ прежніе крѣпостные порядки. Крестьянинъ Яковъ Графовъ вотъ что объяснялъ слѣдователямъ: „дочь Анну отымалъ у меня баринъ, а я не далъ, и за это меня съ хозяйкою съкли, дали ударовъ по 100. И отъ того съченія были у насъ рубцы въ указательный палець и не заживали 4 недѣли“.

Особенною неумоимостию К—ровъ отличался, какъ мы сказали уже, въ преслѣдованіи малолѣтнихъ дѣвочекъ. Одну изъ нихъ за извѣстное упрство онъ привязалъ въ скотной избѣ къ кровати, потомъ посадилъ въ погребницу, откуда она ушла чрезъ худую крышу въ поле и спряталась въ горохѣ. Тамъ-то и нашелъ ее баринъ, высѣкъ розгами, остригъ и изнасиловалъ. Въ это время отецъ дѣвочки, Хмурый, стоялъ неподалеку и пересталъ работать. Увидѣла это барыня, всегда покровительствовавшая продѣлкамъ своего мужа, и начала злополучнаго старика таскать за волосы. Послѣ этого поруганная дѣвочка сбѣжала со двора и скрылась неизвѣстно куда, за что старика — отца снова позвали къ барину...

Иногда К—ровъ впадалъ въ игривый тонъ, когда собирался когонибудь съчь.

*) Слѣдственное дѣло о К—ровѣ хранится въ архивѣ Там. Губ. Правленія.

— Карпуша, — ласково приказывалъ онъ своему человѣку, — сними съ гвоздика собачій кнутикъ.

Кнутикъ, т. е. сыромятный охотничій кнутъ съ узлами, снимали и начиналась варварская расправа...

Слѣдствіемъ обнаружено, что въ имѣніяхъ К—рова не было ни одного небитаго и несѣченнаго крестьянина. За все про все отдувалась терпѣливая мужицкая спина. Не было также у К—рова ни одной крѣпостной дѣвушки, непоруганной.

Слѣдователи вызвали изъ Елатъмы врача Туберовскаго и поручили ему освидѣтельствовать К—ровскихъ крестьянъ. Врачъ успѣлъ пересмотрѣть только 27 человѣкъ и больше уже не смотрѣлъ, такъ какъ дѣло было ясно. Всѣ эти 27 человѣкъ имѣли на себѣ глубокіе рубцы и синебагровые знаки.

Тогда о К—ровѣ сдѣлали въ Елатомскомъ уѣздѣ повальный обыскъ. Къ удивленію, большинство Елатомскихъ дворянъ дало о подсудимомъ такой отзывъ: „К—ровъ истинно благородный человѣкъ и о жестокостяхъ его мы не слышали“.

Иные къ этому прибавляли: „К—ровъ истинный христіанинъ и исполняетъ всѣ христіанскіе обряды“.

А уѣздный предводитель Карачинскій написалъ губернатору, что между крестьянами уѣзда, по поводу извѣстнаго слѣдствія, стали ходить слухи о вольности „Весь уѣздъ, — заявлялъ онъ, — встревоженъ по случаю бѣдствій господина К—рова.“

Только не многіе дворяне показывали правду. Одинъ изъ нихъ, Стокасимовъ, говорилъ: „ничего хорошаго и приличнаго званію дворянина я въ К—ровѣ не видѣлъ, у литургіи не видалъ его ни разу, а живемъ мы съ нимъ въ одномъ селѣ. Жестокость супруговъ К—ровыхъ не сообразна съ правами помѣщиковъ и не имѣетъ границъ; вопли и крики въ ихъ домѣ раздаются постоянно. Въ дополненіе ко всему этому прибавлю, что многіе К—ровскіе крестьяне ходили и ходятъ по міру, такъ какъ мучимы были барщиною въ воскресные дни и въ праздники“.

Мѣстные полицейскіе чиновники, очевидно кѣмъ слѣдуетъ задаренные, тоже всячески препятствовали слѣдователямъ, уклоняясь отъ слѣдствія и отговариваясь важными служебными дѣлами.

При такихъ условіяхъ К—ровъ приободрился и сталъ писать высшимъ властямъ смѣлѣе, указывая имъ на свою по-срамленную дворянскую честь. „Везъ власти моею,—писалъ онъ Тамбовскому губернатору Вулгакову,—въ имѣніяхъ моихъ пошли безпорядки: земля осталась не вспаханною, дворовые люди предались буйству и дракѣ, женскій полъ—распутству, чего прежде не было, и оброки не собраны“. Словомъ, по мнѣнію К—рова, всякое вмѣшательство представителей закона въ дѣйствія помѣщиковъ, каковы бы они ни были, представлялось уже нарушеніемъ государственныхъ основъ и народнаго спокойствія... И странно, всѣ эти соединенныя усилія, направленные къ огражденію К—рова отъ законной кары, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Правда, подсудимаго вызвали въ Тамбовъ подъ надзоръ полиціи, имѣніе его нѣсколько времени было въ опекѣ, но.... тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ томъ же направленіи, какъ и К—ровъ, дѣйствовалъ другой Елатомскій помѣщикъ, К—чинскій. Имя его извѣстно мѣстному краю въ особенности вслѣдствіе трагической участи, постигшей его въ декабрѣ 1859 года, когда измученные имъ крестьяне, не видя себѣ ни откуда помощи, рѣшились положиться, какъ они выражались на судѣ, на судъ Божій и убили своего помѣщика. Въ свое время это убійство надѣлало большого шума даже въ Петербургѣ. Шефъ жандармовъ князь Долгорукій телеграфировалъ въ Тамбовъ на имя губернатора Данзаса: „18 декабря помѣщикъ К—чинскій умеръ. Примите мѣры къ огражденію его имущества отъ расхищенія возмущившихся крѣпостныхъ“.

Въ 1859 году К—чинскій былъ уже дряхлымъ старикомъ. Это былъ человекъ мрачный и нелюдимый. Домъ у него былъ настоящій дворецъ, съ башнями, теплицами и оранжереями. За свое богатство К—чинскій пользовался въ своемъ уѣздѣ понятнымъ уваженіемъ и былъ избираемъ въ предводители и попечители губернской гимназіи. Между тѣмъ крестьяне его страшно бѣдствовали вслѣдствіе малаго надѣла, тяжелой барщины и частыхъ переселеній съ лучшей земли на худшую.

Крестьянскія жалобы на К—чинскаго начались въ началѣ 1859 года. „Баринъ,—писали крестьяне,—переселялъ

насъ съ мѣста на мѣсто 7 разъ и совсѣмъ разорилъ и измучилъ. Когда мы упрашивали его не трогать насъ, онъ томилъ насъ голодомъ и сѣкъ розгами и плетьюми, а избы наши велѣлъ разметать и сжечь“. Жалоба эта однако не была уважена. Просителей наказали розгами и посадили въ Елатомскій острогъ. Всѣ остальные крестьяне, понятно, притихли послѣ этого урока.

Впрочемъ тишина была передъ бурей. Въ декабрѣ 1859 года три крестьянина села Русанова, Николай и Иванъ Балдины и Лукьянъ Куренковъ, сговорились между собою покончить съ бариною. Всѣ они имѣли давніе счеты съ К—чинскимъ: онъ ихъ пустилъ по міру и лишилъ семейнаго спокойствія и чести. Часто по долгу ставали они на барскомъ дворѣ, на вѣтру и на холодѣ безъ шапокъ, ожидая позволенія войти въ барскую переднюю. Думали они слезами да мольбами укротить барское сердце, но К—чинскій не любилъ видѣть мужичьи слезы... Въ заговорѣ Балдиныхъ и Куренкова участвовала также крестьянка Агафья Никитина, по неволѣ принадлежавшая старику—сластолюбцу, у котораго разъ навсегда было приказано, чтобы лѣтомъ приводили къ нему каждый день по 8 женщинъ, а зимой—по 4.

18 декабря К—чинскій имѣлъ свиданіе съ Агафьей Никитиной въ садовой оранжереѣ. Въ это время неожиданно вошли къ нему заговорщики. Первый заговорилъ Иванъ Балдинъ. „Долго ли,—сказалъ онъ,—будешь ты мучить насъ переселеніями“.

К—чинскій молчалъ.

Тогда Николай Балдинъ крикнулъ: „мы пришли не разговаривать съ бариною, а дѣло дѣлать“. Вслѣдъ за этими словами на несчастнаго старика посыпались удары. Трупъ К—чинскаго раздѣли до-нага, ругались надъ нимъ и звѣрски оскопили его.

Убийцы сразу повинились. Старшій изъ нихъ, 50-ти лѣтній Николай Балдинъ, слѣдующимъ образомъ показывалъ на допросѣ.

„Житье у насъ въ Русановѣ было такое—и сказать нельзя. А тутъ баринъ велѣлъ переселяться въ село Петровское, гдѣ всѣ крестьяне ходили по міру, да еще от-

нял у меня овесъ' и рожь. Не въ могути мнѣ это стало“.

Иванъ Валдинъ и Куренковъ, повторяя вышесказанное, съ своей стороны, жаловались: „баринъ отнял у насъ женъ на другой день послѣ вѣнчанья“.

Одна женщина Анисья Сѣрина говорила слѣдвателямъ: „господинъ нашъ такой былъ, что не давалъ проходу не только намъ, молодымъ бабамъ, но и нашимъ матерямъ и бабкамъ“. А дворовая Марья Шильнова къ этому показанію добавила: позвали меня въ хоромы въ самую свадьбу и на прощанье давалъ мнѣ баринъ 5 копѣекъ“.

Крестьянинъ Егоръ Тюринъ, человѣкъ степенный и уважаемый всѣмъ сельскимъ обществомъ, такъ плакался на свою обиду: „была у меня всего одна дочка, пошелъ ей 15-й годъ, и ее не пожалѣлъ господинъ нашъ, взялъ съ собой въ городъ и продержалъ тамъ три года“.

Трое стариковъ, спрошенныхъ по дѣлу К—чинскаго, отказались давать показанія. „По старости лѣтъ нашихъ,—сказали они,—намъ непригоже разговаривать про дурныя барскія дѣла“.

Когда во время повальнаго обыска спросили о поведеніи Балдиныхъ и Куренкова, то всѣ показали, что убійцы, до своего несчастія, были люди работающіе, только очень ужъ бѣдные. Иные прямо называли ихъ людьми хорошими, рѣшившимися на грѣхъ отъ натужной жизни.

Замѣчательно между прочимъ показаніе помѣщика Дьяконова: „барщина въ имѣніи г. К—чинскаго,—писалъ онъ,—была безусловно тягостна, развратное поведеніе владѣльца перешло всякое воображеніе, и изъ женщины его помѣстій имѣютъ право другъ надъ другомъ смѣяться“.

Нѣкоторые помѣщики, хотя не отвергали несомнѣнныхъ пороковъ К—чинскаго, однако и тутъ старались всячески облить его память. Такъ, помѣщикъ Путиловъ пытался извинить развратъ К—чинскаго примѣромъ Евангельской блудницы.

По окончаніи слѣдствія начался судъ. Убійцамъ дали по 100 ударовъ плетью и затѣмъ сослали ихъ въ Сибирь въ безрочную каторгу.*)

Подобныхъ К—рову и К—чинскому героевъ крѣпостнаго

*) Дѣло о К—чинскомъ хранится въ архивѣ Тамб. губ. управленія.

права мы могли бы указать цѣлыя десятки. Но мы не дѣлаемъ этого, такъ какъ цѣль нашего очерка заключается не въ увѣковѣченіи отжившихъ печальной памяти типовъ, а въ простомъ указаніи на бывшія несовершенства мѣстной внутренней жизни. Всѣ эти мрачныя стороны нашего быта уже открыты свѣтлымъ ореоломъ 19-го февраля; и какъ воинскія знамена въ прошломъ столѣтіи возстановляли поруганную честь, такъ и великая крестьянская реформа незабвеннаго царя-освободителя примиряетъ насъ съ прошлымъ...

Былъ у насъ въ Тамбовской губерніи и еще одинъ дворянскій типъ. Это совершенно разорившіеся дворяне. Ничего не имѣя, они докучали всѣмъ состоятельнымъ людямъ о посябѣ. Таковъ былъ прапорщикъ Зеттингеръ. Вотъ что писалъ онъ однажды губернскому предводителю Ознобишину: „гремящая повсюду слава о добродѣтельной вашего превосходительства душѣ и творимыхъ благахъ страждущимъ подаетъ мнѣ безсомнѣнную надежду, что лучъ вашего благодѣянія и ко мнѣ коснется“.

Въ награду за такое краснорѣчіе Зеттингеръ получилъ отъ Ознобишина 25 рублей.

Нѣкоторые Тамбовскіе помѣщики были тяжелы для своихъ крѣпостныхъ еще и тѣмъ, что имѣли обыкновеніе держать при себѣ очень лихихъ управляющихъ, старостъ и бурмистровъ. Отъ этого происходили иногда самыя печальныя явленія. Напримѣръ.

Однажды крестьянинъ помѣщика Анцыферова Захаръ Никитинъ косилъ сѣно на лугахъ села Разказова. Въ это время позвалъ его къ себѣ бурмистръ Федоръ Ефимовъ и началъ ножницами стричь ему голову и остригъ полъ-головы.

— Ну, теперь ступай работай, — сказалъ бурмистръ, — а вечеромъ приходи на конюшню: сѣчь буду.

Зло взяло Никитина и онъ изо всей силы ударилъ своего притѣснителя косою и опрокинулъ его на землю. Къ вечеру бурмистръ умеръ. Начался судъ.

— За что ты убилъ бурмистра? спросили судьи.

— Житья мнѣ не было отъ бурмистра, — отвѣчалъ Никитинъ. Не было у меня своей избы, шлялся я съ женой со двора на дворъ и слушалъ попреки. И содержаться было не

тѣмъ: получалъ я отъ барина въ мѣсяць пудъ и 30 фунтовъ ржаной муки и гарнецъ пшена—и все тутъ. Убѣжалъ я, куда глаза глядятъ, но меня поймали и тутъ то бурмистръ началъ тиранить меня: днемъ я работалъ не покладая рукъ, а ночью меня заковывали въ желѣза. А иногда замѣсто того сѣкли на конюшнѣ. Вотъ я и убилъ Ефимова, думаю—одинъ конецъ.

При такихъ-то и подобныхъ обстоятельствахъ, утвердившихся въ нашемъ краѣ съ половины прошлаго столѣтія, объявлена была высочайшая жалованная грамота 24 апрѣля 1785 года. Понятно, что первыя попытки къ самоуправленію со стороны Тамбовскихъ дворянъ были весьма неудачны. Были у насъ права и полномочія, а дѣятелей достойныхъ того и другаго почти не было. Выбраны были у насъ дворянскіе депутаты, но рѣдкіе изъ нихъ охотно шли на службу. Большинство отказывалось отъ общественной службы по разнымъ причинамъ. Елатомскій депутатъ Мещериновъ не являлся къ должности *по болѣзни*. Между тѣмъ предводитель Языковъ такъ писалъ о немъ: „въ дворянское собраніе оный Мещериновъ не является, а со псовою охотою ѣздитъ въ отъѣзжихъ поляхъ, въ медвѣжьихъ островахъ и на рыбныхъ ловляхъ бываетъ же почасту по Окѣ рѣкѣ и по заливамъ“.

Даже въ дворянскіе предводители мѣстные дворяне шли неохотно и при малѣйшемъ удобномъ случаѣ подавали въ отставку. Были у насъ и такіе служилые дворяне, которые по своему поведенію оказывались недостойными своего званія. Напримѣръ Усманскій депутатъ Малышовъ. Онъ переправлялъ въ другія губерніи бѣглыхъ крестьянъ, чужой хлѣбъ продавалъ вмѣсто своего и кромѣ того осужденъ былъ Воронежскимъ епископомъ Тихономъ за кровосмѣшеніе.

Если же наконецъ кое-какъ составлялись Тамбовскія дворянскія собранія, то при этомъ начинались вмѣсто дѣла взаимныя ссоры и пререканія. Выступали на сцену личныя антипатіи и шла по этому поводу болѣе или менѣе крупная перебранка.

Отъ дворянскихъ междоусобій трудно было уклониться даже и такимъ людямъ, какъ Г. Р. Державинъ, бывшій Тамбовскій губернаторъ. Въ 1787 году съ нимъ поссорился губернскаго предводитель А. Г. Пановъ. Причиною ссоры послу-

жило то обстоятельство, что Тамбовское наместническое правление осмѣливалось писать на имя Панова указы. Между тѣмъ губернскому предводителю хотѣлось получать предписанія прямо отъ губернатора. Когда узналъ объ этомъ Державинъ, то онъ написалъ Панову пространное письмо, въ которомъ на основаніи законовъ доказывалъ, что не только *отъ наместническаго правленія, но и отъ верхняго земскаго суда предводитель долженъ принимать указы.**)

„Признаюсь вамъ, — заключаетъ Державинъ свое письмо, — будучи на вашемъ мѣстѣ я бы пріятнѣе принималъ указы изъ наместническаго правленія подъ заглавіемъ священнаго императорскаго имени, предъ коимъ все раболѣпствовать и преклоняться должно, нежели какое либо предписаніе отъ губернатора, тѣмъ паче младшаго васъ лѣтами, а службою и можетъ быть самыми способностями далеко отъ васъ отстоящаго“.

Вскорѣ послѣ Панова Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ былъ генераль Баратынскій, а губернаторомъ въ то же время состоялъ Кошелевъ. Эти губернскіе сановники сначала жили согласно, а потомъ поссорились до того, что стали жаловаться другъ на друга Петербургскимъ властямъ. Въ ссорѣ этой приняла участіе и нѣкоторые уѣздные предводители, какъ это видно изъ слѣдующаго. Однажды Кошелевъ приглашалъ предводителей въ Тамбовъ для разсужденій о рекрутскомъ наборѣ. На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: три предводителя отказались пріѣхать по случаю какихъ-то текущихъ дѣлъ, а самъ Баратынскій ночью тихонько выѣхалъ изъ Тамбова въ деревню.

Нравственно безсильное Тамбовское дворянство прошлаго столѣтія, разумѣется, не могло заботиться о благѣ своего края и неоднократно доказывало это самымъ положительнымъ образомъ. Еще задолго до знаменитой жалованной грамоты, именно въ 1767 году, дворянство призывалось къ широкой и плодотворной дѣятельности. Мудрая царица призывала всю русскую землю въ лицѣ ея выборныхъ къ великому земскому дѣлу. И охотно шли нѣкоторые русскія области на царскій зовъ, только нашъ край, вмѣстѣ

*) Переписка Державина съ Пановымъ находится въ Тамб. двор. архивѣ.

съ немногими другими, слабо откликнулся на призывъ Екатерины II-й. Нѣкоторые нынѣшніе наши уѣзды, наприм. Моршанскій, Борисоглѣбскій, Кирсановскій, Лебедянский и Спасскій, совсѣмъ не выбирали дворянскихъ депутатовъ, другіе же выбирали въ законодательную комисію такихъ людей, которые смотрѣли на свое призваніе, какъ на лишнюю тяготу, и потому по пріѣздѣ въ Москву сразу озаботились тѣмъ, какъ бы имъ поскорѣе оставить столичныя затѣи и снова водвориться въ мирныхъ своихъ захолустьяхъ.

Намъ извѣстны имена слѣдующихъ Тамбовскихъ дворянскихъ депутатовъ 1767 года: Тѣмниковскаго депутата капрала Ильи Васильевича Еникѣева, Шацкаго—полковника Ивана Лаврентьевича Богданова, Усманскаго-секундъ-маіора Никифора Васильевича Чернова, и Козловскихъ депутатовъ-секундъ-маіора Семена Савича Муравьева и извѣстнаго Коробьина. Кромѣ того въ архивѣ губернскаго правленія намъ встрѣтились еще имена депутатовъ неизвѣстныхъ уѣздовъ: мурзы Ураза Шимакова, князя Елафѣова и Льва Евсюкова. Всѣ эти лица отличались болѣе или менѣе безучастнымъ отношеніемъ къ дѣламъ Московской комисіи и только одинъ извѣстный Коробьинъ возвышалъ свой голосъ въ защиту крестьянства, нравственное и экономическое положеніе котораго въ XVIII столѣтіи было самое неудовлетворительное.

О судьбѣ нашихъ депутатовъ мы знаемъ очень мало. О капралѣ Еникѣевѣ извѣстно, что въ 1774 году онъ былъ повѣшенъ въ селѣ Леплейкѣ Пугачевцами. А полковникъ Богдановъ ухитрился немедленно по прибытіи въ Москву сложить съ себя дѣлскія полномочія. *)

Имена нашихъ доморожденныхъ законодателей такъ бы и исчезли въ нашемъ краѣ, если бы въ концѣ прошлаго столѣтія не состоялось правительственное распоряженіе объ отобраніи отъ бывшихъ выборныхъ въ комисію ихъ знаковъ. Изъ переписки по этому поводу мы и узнали кое-что относительно нашего представительства въ 1767 году.

Первое дворянское собраніе въ городѣ Тамбовѣ состоялось 3 сентября 1788 года. Въ общемъ своемъ собраніи Тамбовское дворянство прежде всего стало разсматривать *доказа-*

*) Арх. Шац. пров. канц. № 2,322-й.

тельства на дворянское достоинство отъ дворянъ и отъ князей и мурзъ Татарскаго происхожденія.

Послѣ повѣрки *доказательствъ* въ Тамбовскомъ, имѣстничествѣ оказалось 330 несомнѣнныхъ дворянскихъ фамилій. А лицъ претендовавшихъ на дворянское достоинство и не имѣвшихъ возможности документами доказать его насчитывали до 3000.

Самыя древнія наши дворянскія фамиліи оказались въ Темниковскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ. Почти всѣ онѣ Татарскаго происхожденія. Древнѣйшія жалованныя грамоты Тамбовскихъ дворянъ восходятъ, какъ это указано выше, ко временамъ великаго князя Василія III-го, отъ котораго сохранилась слѣдующая грамота: „се язъ князь великій всея Руси пожаловалъ есми Микитку Васильева Мордвою въ кормленіе и вы, всѣ люди тое Мордвы чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было пережъ сего“.

Но большинство коронныхъ Тамбовскихъ дворянъ жаловано дворянствомъ и помѣстьями, пашнями, сѣнными покосами, боргными ухажьями, рыбными ловлями и всякими угодыями, крестьянами, бобылями и вотчинами—при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ и при цряхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. Вотъ наприм. одна жалованная грамота царя Шуйскаго на имя мурзы Барашова, предъявленная въ доказательство дворянства его потомками:

„Служилъ ты намъ подъ Тулою и взяли тебя въ полонъ и приветчи на Тулу били кнутомъ и медвѣдемъ травили и на башню взводили и въ тюрьму сажали, и голодъ и нуку всякую терпѣлъ, и съ Тулы пришелъ къ намъ съ вѣстыми. И мы, великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Россіи, велѣли есми дати тебѣ жалованную грамоту на княженьѣ“.

А вотъ извлеченіе изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича, имѣвшее ту же цѣль:

„Мурзѣ князь Булаеву, ногаю Айкину да Артуганову—жалованье на дикое поле по 10 четви въ полѣ, а въ дву по тому жт. А чтобъ межъ ими впредь о той землѣ спору не было, первый рубежъ отъ рѣчки Виндрев на большую куд-

равую березу, а отъ той березы прямо на березу жъ, что подлѣ тальника, а отъ тое березы скрозь тальника на вилватую березу и до орлова гнѣзда.“

Въ царствованіи Іоанна и Петра Алексѣевичей пожалованія производились большею частію вслѣдствіе частыхъ и усиленныхъ домогательствъ просителей. „Въ службу великихъ государей мы поспѣли,—просили служилые люди,—а помѣстными окладами не верстаны“.

„Нашихъ жёнъ и дѣтей посѣкли,—писали другіе,—и въ половъ побрали и домъ наши въ конецъ разорили“.

Таковыхъ просителей жаловали крестьянами, мотивируя это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „противъ злодѣевъ нашихъ тѣ челобитчики стояли крѣпко и многое дородство и храбрость и кровопролитіе показали, голодъ и наготу и нужду всякую осадную терпѣли, а на измѣну не покусились“.

Покончивши съ этими и подобными доказательствами дворянства, Тамбовское дворянское собраніе 1788 года порѣшило на разныя нужды дворянства собирать по 10 копѣекъ съ ревизской души. Изъ этихъ и иныхъ сборовъ составился первоначальный дворянскій капиталъ, изъ котораго и разрѣшено было выдавать мѣстнымъ дворянамъ ссуды подъ залогъ.

Немедленно явились многочисленные искатели этихъ ссудъ и въ самое короткое время роздано было Тамбовскимъ дворянамъ нѣсколько тысячъ рублей. Но исправныхъ должниковъ, кромѣ одной бѣдной помѣщицы, не оказалось: всѣ просрочили платежемъ, даже самъ губернскій предводитель Пановъ не платилъ 300 руб. *). Впрочемъ, на это обращено было должное вниманіе. По приказанію ревизовавшихъ въ концѣ прошлаго столѣтія Тамбовскую губернію сенаторовъ Трощинскаго и князя Щербатова, употреблены были самыя энергическія мѣры для возвращенія выданныхъ въ ссуду дворянскихъ суммъ.

Съ начала XIX столѣтія характеръ дѣятельности Тамбовскаго дворянства измѣняется къ лучшему. Въ 1801 году наше дворянство открываетъ на свои средства училищный корпусъ. Въ 1806 году оно дѣлаетъ въ пользу государства

*) Послѣ Панова Тамб. губернскіе предводители дворянства до 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія слѣдовали въ такомъ порядкѣ: полковникъ Дотаровъ, секундъ-майоръ Жуковъ, VIII класса Мартыновъ, генералъ-лейтенантъ Баратынскій, Сабуровъ, Чубаровъ, Оснобишинъ, генералъ-майоръ Глазовъ и Чарыковъ.

разныя значительныя пожертвованія деньгами (по 2 рубля съ ревизской души) и вещами. Такъ какъ въ то время помѣщичьихъ крестьянъ было у насъ 250 тысячъ, то въ государственномъ казначействѣ непредвидѣннаго приходу оказалось 500,000 рублей. Впослѣдствіи разныя добровольныя пожертвованія Тамбовскаго дворянства все увеличивались и увеличивались и достигли наконецъ громадной суммы шести миліоновъ. Въ 1812 году мѣстное дворянство бесплатно поставило въ армію три тысячи воловъ и сформировало пѣхотный полкъ. Въ то же время Тамбовскій помѣщикъ извѣстный Н. П. Архаровъ выставилъ на свой счетъ 500 конныхъ ратниковъ съ провіантомъ на три мѣсяца, а другой Тамбовскій дворянинъ Ліонъ пожертвовалъ на нужды арміи 200 половиновъ армейскаго сукна. Позднѣе Тамбовскіе дворяне содѣйствовали учрежденію мѣстнаго женскаго института и развитію губернской гимназіи. Наконецъ въ 1870 году одинъ мѣстный землевладѣлецъ, имя котораго извѣстно теперь всей Россіи,²⁾ употребилъ громадную сумму, до 500,000 рублей, на основаніе Тамбовскаго учительскаго института и такимъ образомъ совершилъ подвигъ христіанской любви по отношенію къ тому самому народу, трудами котораго прежніе дворяне пользовались даромъ...

Теперь мы переходимъ къ краткому изображенію нашего отжившаго чиновничества.

Былая роль нашихъ чиновныхъ дѣльцовъ, крупныхъ и мелкихъ, тоже далеко не утѣшительна. Правда, и между ними были у насъ люди добросовѣстно преданные престолу и отечеству и для края весьма полезные. Съ любовію вспоминаемъ мы воеводу—строителя города Тамбова Романа Федоровича Бобарыкина и знаменитаго правителя нашего намѣстничества Гаурила Романовича Державина. Обращаясь къ болѣе скромной средѣ, мы и тамъ находимъ не мало типовъ, достойныхъ нашего вниманія и совершеннаго сочувствія. Таковъ былъ второй директоръ Тамбовскихъ училищъ А. Жоховъ, много послужившій дѣлу мѣстнаго народнаго просвѣщенія въ концѣ прошлаго вѣка. Таковъ былъ Темниковскій капитанъ-исправникъ Маматовъ, тратившій свое скудное жалованье на нужды бѣдныхъ горожанъ и сельчанъ... Но всѣ

¹⁾ *Губернаторъ Тамбовской губерніи*. ²⁾ *И. И. Писаревъ*.

они, извѣстные намъ и неизвѣстные, были только счастливыми исключеніемъ и слишкомъ слабо окрашивали общій темный колоритъ... Конечно, въ этомъ случаѣ не столько люди были виноваты, сколько господствовавшее надъ ними направленіе.

Мірѣ чиновниковъ въ прежнія времена былъ едвали не сильнѣе дворянской корпораціи. Это, между прочимъ, видно изъ того, повидимому, мелкаго факта, что первые Тамбовскіе вице-губернаторы Зубовъ и Ушаковъ жили у купца Расторгуева *даромъ* и для топки своихъ печей разломали хозяйскіе заборы и ворота... Вся русская жизнь текла подъ чиновничью эгидою, почти безконтрольно правившою всѣмъ и всѣми. Понятно, плохо было жить русскому человѣку при такихъ условіяхъ. Мы говоримъ объ XVIII столѣтіи и о настоящемъ до великихъ реформъ прошлаго царствованія. То было время, когда вполне оправдывалась старинная русская пословица: до Бога высоко, а до царя далеко.

Каковъ же былъ личный составъ этого отжившаго и властного приказнаго сословія, этихъ *великихъ ловцовъ человечковъ*?

Все это были люди большею частію безъ всякаго образованія, а нерѣдко и малограмотные. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣлствуютъ мѣстные служебные формулярные списки.

Приводимъ выдержки изъ нихъ за 1831-й годъ.

„Судья Тамбовскаго совѣстнаго суда надворный совѣтникъ Алексѣй Федоровичъ Федоровъ. *Образованіе* получилъ въ палатѣ суда и расправы, гдѣ началъ службу копистомъ, имѣя отъ роду 12 лѣтъ“.

„Дворянскій засѣдатель Николай Васильевичъ Федоровъ. Въ школѣ не былъ и учился въ Петербургскомъ казначействѣ“.

„Дворянскій засѣдатель Павелъ Васильевичъ Степановъ. Нигдѣ неучился, а службу началъ подканцеляристомъ въ Тамбовскомъ губернскомъ правленіи“.

„Уѣздный судья Алексѣй Александровичъ. Въ школахъ не учился, а службу началъ нижнимъ чиномъ въ гарнизонномъ баталіонѣ“.

Что касается лицъ болѣе высокаго положенія въ Тамбовской администраціи 1831 года, то объ нихъ формулярные отзывы большею частію были въ такомъ родѣ: Такой-то. Об-

разованія домашняго. Окончателное образованіе получалъ въ такомъ-то гвардейскомъ полку... *)

Нѣкоторые Тамбовскіе чиновники прежнихъ временъ ухитрялись достигать вліятельныхъ и *теплыхъ* мѣстъ и въ то же время сохраняли полную невинность и, такъ сказать, дѣвственность ума. Именно такимъ чиновникомъ въ 1837 году оказался старшій засѣдатель уѣзднаго суда Булатовъ. Вотъ что писалъ о немъ дворянинъ Зайцевъ.

„Сей еле и кое-какъ пишетъ и читаетъ по русски, имѣя горестную и слабую отъ природы способность, что легко повѣрить даже публичнымъ ему экзаменомъ“.

Крайняя умственная неразвитость отжившаго Тамбовскаго чиновничества съ особенною яркостію выражается въ его канцелярскихъ работахъ, журналахъ, протоколахъ, предписаніяхъ, рапортахъ и подобныхъ литературныхъ опытахъ. Эти опыты прежде всего поражаютъ насъ крайнимъ многословіемъ. Прежніе канцелярскіе дѣльцы не жалѣли казенной бумаги и изъ пустяковъ исписывали цѣлыя ея кипы. Такое утомительное празднословіе объясняется отчасти литературною неумѣlostію прежнихъ чиновниковъ, а съ другой стороны—ихъ привычкою намѣренно затежнять всякое дѣло. Да и само общество поощряло бесполезное многословіе канцелярскихъ писакъ. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія между Темниковскими дворянами нашелся одинъ такой субъектъ, который въ теченіи полутора года только въ уѣздный и земскій суды подаль болѣе 600 клаузныхъ бумагъ.

Многія *дѣла* старыхъ приказныхъ дѣльцовъ замѣчательны еще курьезностію изложенія. Напримѣръ.

„Протоколъ Тамбовской палаты уголовного суда отъ 14 іюля 1820 года. Палата, слушавъ дѣло, поступившее на ревізію изъ Липецкаго уѣзднаго суда, въ зарѣзаніи якобы губернской секретарши Зеленовой дворовыми людьми находящагося двороваго челоуѣка Чайковскаго на прокормленіи помѣщицы Вишневокой быка, рыжепестраго уѣзднаго казначея Свѣшника“.

Смысль этихъ курьезныхъ словъ совершенно внезапно обнаруживается лишь на 3-й страницѣ *дѣла*. Оказывается,

*) Арх. двор. собр. № 97-й.

что рыжепестрый быкъ принадлежалъ уѣздному казначею Свѣшникову.

Даже заглавія иныхъ *дмз* отличались большею или меньшею курьезностію, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

„Дѣло Кирсановскаго уѣзднаго сула о появившемся въ тамошнемъ уѣздѣ скотскаго рогатаго падежа“.

„Дѣло объ учинившемся въ селѣ Красивкѣ рогатомъ скоту падежѣ“.

„Дѣло о крестьянинѣ Сидоровѣ, обвиняемомъ якобы въ покушеніи себя къ давленію“.

„Дѣло по прошенію Трескинскихъ священнослужителей о уничтоженіи діакона“.

„Дѣло объ однодворцѣ Трофимѣ Мордасовѣ въ уязвленіи ерегичествомъ однодворку Парфенову“.

„Дѣло о представленіи Шацкаго депутата Тутолмина къ знаку отличія безпорядочной службы“.

Крайняя литературная неумѣлость Тамбовскаго чиновничества была замѣчена даже высшимъ правительствомъ и еще въ январѣ 1797 года отъ генераль-прокурора Куракина было формальное предписаніе Тамбовскимъ чиновникамъ, *чтобы они во всѣ судебныя мѣста изъяснялись самими чистыми и простыми слогами, употребляя всю возможную точность, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ, всегда избѣгали бы.*

Однако, малограмотное и чуждое умственныхъ интересовъ Тамбовское чиновничество въ былыя времена отличалось замѣчательною ловкостію въ преслѣдованіи своекорыстныхъ цѣлей и въ формальномъ судопроизводствѣ. Оно умѣло находить для себя источники наживы тамъ, гдѣ, повидимому, не было никакого мѣста виѣшателству начальства, а въ случаѣ появленія такъ называемыхъ интересныхъ дѣлъ для приказнаго міра наступала пора самой обильной жатвы. Тамбовскіе старожилы еще и доселѣ помнятъ бывшего Кирсановскаго застѣдателя Андреева, который ѣздилъ по селамъ своего уѣзда и, желая попользоваться мірекимъ карманомъ, за номѣніемъ другихъ ресурсовъ, приказывалъ запечатывать въ деревенскихъ избахъ печи. Припоминается намъ и другой ловкій дѣлецъ, совѣтникъ казенной палаты Гороховскій, ко-

торый во время рекрутскаго набора 1814 года собралъ со всего губернскаго крестьянства около 170,000 рублей и при этомъ былъ такъ аккуратенъ, что всѣ полученія свои записывалъ въ особую счетную книгу. Не можемъ не отмѣтить здѣсь и Тамбовскаго городничаго Клементьева, забираваго прохожихъ только за то, что они *среди бѣлаго дня ходили по улицамъ*. Маіоръ Клементьевъ не выдавалъ солдатамъ губернской роты ремонтныхъ денегъ, такъ что инвалиды чинили оружіе и амуницію на свой счетъ. Онъ же отнялъ у роты всѣ полусубки и сухарные мѣшки, а у кого ихъ не было, съ тѣхъ бралъ по 70 копѣекъ. Хищническія продѣлки городничаго Клементьева дошли до высочайшаго свѣденія и виновный исключенъ былъ изъ службы. Однако, награбленное имущество осталось при немъ и государственнй хищникъ сыто и весело окончилъ дни свои *).

Нечистые на руку Тамбовскіе служилые люди умѣли провялять самое необузданное самоуправство. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ слѣдующіе.

Въ 1776 году полковникъ и Тамбовскій воевода Г. А. Сухотинъ собралъ изъ своей дворни и изъ крестьянъ толпу въ 60 человекъ и съ этимъ отрядомъ двинулся на село Девятовку, гдѣ разграбилъ домъ помѣщицы Богдановой, а всѣхъ крестьянъ взялъ въ плѣнъ и торжественно водворилъ ихъ въ Тамбовѣ.

Въ городѣ Кирсановѣ въ 1802 году былъ не менѣе замѣчательный случай административнаго самоуправства. Мѣстный городничій Таировъ узналъ однажды, что у купца Федюкина гости. Уѣздному юпитеру не понравилось это обывательское пированіе безъ его участія и вотъ онъ собралъ инвалидовъ солдатъ и 40 человекъ плѣнныхъ Турокъ и съ этою толпою оцѣпилъ купеческій домъ. Всѣ гости Федюкина объявлены были арестованными и препровождены въ полицію, въ томъ числѣ священникъ Алексѣевъ. Въ это время Таировъ былъ пьянъ и ѣхалъ по городу безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ.

„Поведеніе городничаго,—жаловался по этому поводу Кирсановскій протоіерей Трескинъ,—по его жестокости *тягостно* и ужасно“ **).

*) Арх. губ. правл. № 88-й.

**) Арх. губ. правл. № 2661-й.

Таировъ былъ смѣщенъ. Его должность получилъ нѣкто Кутуковъ, но и этотъ былъ не лучше своего предшественника. Въ 1811 году онъ пріѣхалъ въ село Никольское къ однодворцу Свиридову, разломалъ его сундукъ и взялъ оттуда деньги, кромя того Кутуковъ свелъ со двора Свиридова лошадь. Все это онъ дѣлалъ подъ предлогомъ полицейскаго осмотра: нѣтъ ли у Свиридова бѣглыхъ.

Немного ранѣе описываемаго времени Спасскимъ капитанъ-исправникомъ былъ секундъ-маіоръ Рогожинъ—гроза и бичъ крестьянства. Крестьяне должны были платить въ казну по рублю, а Рогожинъ собиралъ съ нихъ по 10 рублей. 21 іюня 1787 года исправникъ пріѣхалъ въ село Воковой Майданъ. Остановившись въ лучшей сельской избѣ, онъ потребовалъ къ себѣ голову Бондарева и спросилъ у него обычную дань. Тотъ на этотъ разъ оказался неисправнымъ плательщикомъ. Тогда Рогожинъ привязалъ его къ сохѣ и собственноручно билъ по лицу, а за тѣмъ связаннаго водилъ по селу. Вели Бондарева не просто, а за волосы, и при томъ два солдата били его палками. Измученнаго и избитаго голову послѣ этой экзекуціи доставили въ квартиру Рогожина, на дворъ, гдѣ расходившійся капитанъ-исправникъ производилъ судъ и расправу надъ сотскимъ Логиновымъ и отставнымъ солдатомъ Васильевымъ. Оба они привязаны были къ столбамъ, возлѣ которыхъ чернѣли для чего-то вырытыя ямы. Къ столбу же привязали и Бондарева. Всѣ трое были въ однѣхъ рубашкахъ. По знаку исправника, къ нимъ подошли солдаты и стали медленно сверху поливать холодной водою, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока пациенты не впали въ безпамятство. Когда они очнулись, ихъ повели за село и начали сѣчь. Но они уже не кричали: кровь шла у нихъ изъ ртовъ и ушей... А Рогожинъ въ это время грозно покрикивалъ на нихъ и приговаривалъ: „отъ рукъ моихъ и въ гробъ пойдете“.

Въ началѣ текущаго столѣтія въ Моршанскѣ проживалъ нѣкто Федюхинъ, копіистъ, получавшій жалованья по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ. Замѣченный начальствомъ, онъ попалъ наконецъ въ земскіе засѣдатели и въ этой скромной должности счумѣлъ подъ старость составить себѣ значительное состояніе. Въ 1830 году губернское начальство потребовало отъ

Моршанскихъ полицейскихъ властей статистическихъ свѣдѣній о разныхъ статьяхъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго производства, между прочимъ, и о пчеловодствѣ. Для собиранія этихъ свѣдѣній былъ командированъ въ уѣздъ Федюхинъ. Вотъ тутъ-то онъ и нажился. Пріѣзжаетъ онъ, напримѣръ, къ какому нибудь пасѣчнику на чельникъ. Разумѣется, ему хотѣлось въ этомъ случаѣ *сорвать*, и онъ это дѣлалъ такъ. Обращаясь къ пасѣчнику, онъ грозно приказывалъ ему выгонять изъ ульевъ пчелъ, но такъ, чтобы онѣ вылетали постепенно и непремѣнно по одной. А самъ вынималъ записную книжку, карандашъ и готовился записывать. Конечно, хозяинъ пчельника не могъ исполнить такого требованія Федюхина и, чтобы развязаться съ нимъ, давалъ ему взятку. А Федюхинъ, записавши въ книжку что ему хотѣлось или что говорилъ ему пасѣчникъ, отправлялся далѣе, въ слѣдующія пасѣки, чтобы собирать *новые статистическіе матеріалы*.

Когда этотъ Федюхинъ ѣздилъ на *мертвья тѣла*, то обыкновенно входилъ въ сдѣлку съ врачомъ и бралъ взятки вотъ за что. Мертвое тѣло онъ приказывалъ нести въ избу къ какому нибудь богатому крестьянину, и когда тотъ откупался отъ этой непріятной исторіи, Федюхинъ поочередно точно также перебиралъ остальныхъ зажиточныхъ крестьянъ. Когда же оканчивалось анатомирование тѣла, онъ обращался къ понятымъ съ приказаніемъ зашивать это тѣло и опять *собиралъ жатву*.

Состарѣвшись, Федюхинъ, по примѣру многихъ старыхъ грѣшниковъ, вдался въ ханжество. Часто ходилъ онъ въ церковь и благотворилъ ей довольно значительными приношеніями. Федюхинъ легко и скоро помирился съ своею совѣстію и до того возмечталъ о своей праведности, что сталъ готовить себѣ *гробницу въ своей приходской церкви*. Видно, слишкомъ высоко цѣнилъ онъ рубли: для нихъ онъ всю жизнь кривилъ душою, или же думалъ купить милость у самого Бога, мѣряя небесное правосудіе на свой аршинъ.

Въ концѣ царствованія императора Павла въ нашей губерніи особенно увеличился классъ чиновниковъ-ябедниковъ. Дѣятельность ихъ стали общественнымъ зломъ, отъ котораго терпѣли и правительственныя мѣста и частныя лица.

Вотъ что писалъ объ этихъ чиновникахъ генераль-прокурору Оболяянинову Тамбовскій губернаторъ Вахметевъ (19 іюня 1800 года):

„Отставные приказные служители, составляя собою довольное число, занимаются только праздностію, которая естественнымъ слѣдствіемъ своимъ производитъ то, что они подумаютъ всѣхъ на просьбы, несоответственныя ни справедливости, ни закону, ниже порядку. Неограничиваясь писаніемъ просьбъ въ здѣшнія мѣста, они подвигаютъ тѣхъ, кои ими руководствуются, на посыланіе подобныхъ въ С.-Петербургъ и тѣмъ составляютъ одну ябеду. Сіи же люди, кои находятся въ Тамбовѣ, тѣмъ несомнѣе, что они поведенія нехорошаго и не имѣютъ уже способности къ статской службѣ“.

Очевидно, Вахметевъ рассчитывалъ на какія нибудь чрезвычайныя мѣры противъ Тамбовскихъ ябедниковъ и крюкодѣвъ; однако Петербургское начальство приказало ему только усилить административный надзоръ за ними.

Изъ Тамбовскихъ архивныхъ источниковъ видно, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ грабительствахъ и дерзкихъ похиженіяхъ мелкихъ уѣздныхъ властей принимали слишкомъ открытое участіе и важные губернскіе сановники.

При Екатеринѣ II-й и Павлѣ I-мъ съ Тамбовскихъ крестьянъ собиралась, такъ называемая, хлѣбная подать. За Усманскихъ и Липецкихъ крестьянъ взялся ставить хлѣбъ Козловскій купецъ Месилинъ, полагая съ души по 60 копѣекъ. И когда онъ приводилъ уже къ концу свою операцію, на него нагрянули два стряпчихъ губернской—Хвоцинскій и Липецкій—Каверинъ, арестовали его, а подрядъ отдали другому купцу, который сталъ брать съ крестьянъ уже по 80 копѣекъ съ души... Все это дѣлалось по приказанію губернатора Неклюдова.

Намъ остается теперь, на основаніи Тамбовскихъ архивныхъ актовъ, познакомить читателей съ тѣми чиновниками, которые, оставивъ по разнымъ причинамъ службу, жили на счетъ общественной благотворительности. Вотъ случай въ этомъ именно родѣ.

22 августа 1822 года въ Кирсановъ привезли изъ Петербурга одного чиновника, по фамиліи Щелкунова, и сдали

его подъ росписку городничему Рожанскому. Пріѣзжему было лѣтъ 60. Выслали его изъ столицы за безпокойный, надоедливый характеръ. Щелкуновъ былъ человекъ бѣдный и вотъ онъ во имя своего *оберъ-офицерства* сталъ приставать къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, требуя съ нихъ денегъ. Съ своими просьбами, словесными и письменными, онъ обращался даже къ членамъ царской фамиліи и къ самому Императору Александру I-му и при томъ очень удачно. Въ 1818 году государь пожаловалъ ему черезъ князя Волконскаго 500 рублей. Это вскружило голову бѣдному Щелкунову и онъ сталъ чрезвычайно назойливъ по отношенію къ Петербургской аристократіи. За это его и выслали изъ столицы.

Въ Кирсановѣ Щелкунова помѣстили въ домѣ мѣщанина Ширяева и смотрѣли за нимъ очень строго. Мѣстные обыватели обязаны были подпискою не знакомиться и даже не разговаривать съ нимъ. Кромѣ того почтовому начальству было сообщено, чтобы отъ Щелкунова не принимать никакой корреспонденціи, *а наименѣе прошеній и писемъ къ высокопоставленнымъ особамъ.*

Тогда Щелкуновъ съ своими прошеніями сталъ нападать на проѣзжавшихъ сановниковъ. У одного изъ нихъ, именно у А. Л. Нарышкина, онъ съумѣлъ выпросить 50 рублей. Эта значительная подачка дала ему возможность на нѣсколько времени зажить прицѣвляючи. Но Щелкунову, привыкшему писать прошенія, стало скучно въ Кирсановѣ и вотъ онъ сочинилъ и переслалъ губернатору Крюкову жалобу на городничаго Рожанскаго. Въ этомъ прошеніи Кирсановскій городничій обвинялся въ слѣдующихъ преступленіяхъ: „Рожанскій просилъ съ меня, — доносилъ Щелкуновъ, — 25 рублей, какъ только узналъ, что А. Л. Нарышкинъ, по знакомству еще въ С.-Петербургѣ, подарилъ мнѣ 50 рублей, имущество мое распродалъ, а самого меня посадилъ въ холодную. Рвавши на мнѣ мундиръ, кричалъ — заморю тебя голодомъ до смерти! Все сіе Рожанскій чинилъ пьяный, имѣя въ комнатѣ большую бутылъ вина, а малыхъ съ разнымъ виномъ до 50. Кромѣ того онъ же Рожанскій бралъ у мужиковъ и купцовъ на базарѣ осетрину и иную рыбу, якобы для освидѣтельствованія, а на дѣлѣ вся сія рыба шла въ кухню и въ погребъ городничаго“.

„Хожу я, — писалъ далѣе доносчикъ уже относительно горожанъ города Кирсанова, — въ храмъ Вожій для пѣнія на клиросѣ; однако жители, пренебрегая меня, не зовутъ *обидать*. Вотъ жизнь около 60 лѣтъ прожившаго оберъ-офицера!“

Въ заключеніе, Щелкуновъ просилъ губернатора снестись съ Кирсановскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Хвоцинскимъ и предложить ему подписку между дворянами Кирсановскаго уѣзда въ пользу его, просителя.

Результатомъ просительскихъ искательствъ было то, что Щелкунова перевели въ городъ Борисоглѣбскъ, гдѣ онъ и умеръ 23 декабря 1824 года.

Въ массѣ мелкихъ Тамбовскихъ чиновниковъ изрѣдка встрѣчались, впрочемъ, и такіе люди, которые всецѣло предавались идеямъ служебной чести но вслѣдствіе слабой научной подготовки и непрактичности, а также и вслѣдствіе полного своего нравственнаго одиночества, они оказывались только посмѣшищемъ для болѣе счастливыхъ въ практическомъ отношеніи своихъ собратьевъ.

Именно такимъ чиновникомъ былъ нѣкто Казанскій, служившій въ 30-хъ годахъ въ городѣ Борисоглѣбскѣ. Не жалѣя себя, постоянно говорилъ онъ всемъ объ отсутствіи правды на свѣтѣ и въ особенности въ чиновномъ мірѣ. Отъ словъ къ дѣлу Казанскій перешелъ по стѣдующему поводу. Борисоглѣбскій питейный откупъ настроилъ множество кабаковъ въ неуказанныхъ мѣстахъ и началъ систематически разорять все Борисоглѣбское крестьянство, раздавая водку въ долгъ иногда на сумму до 1000 рублей. А потомъ, при помощи злобренныхъ уѣздныхъ властей, откупъ разыскивалъ долги такъ, что у крестьянъ ломали избы и забирали оттуда всю убогую рухлядь. Тогда Казанскій, во имя закона и правды, написалъ объ этомъ Тамбовскому губернатору, шефу жандармовъ, министру финансовъ и государынѣ императрицѣ.

„Августѣйшая монархиня. — писалъ онъ послѣдней, — всемилостивѣйшая государыня! Вотъ уже 4 мѣсяца, какъ я просилъ мѣстное начальство взойти въ изслѣдованіе злоупотребленій Борисоглѣбскаго откупа, отъ коего казенные крестьяне пришли въ крайнее разореніе. Однако, не видя никакого распоряженія, я нашель себя вынужденнымъ отнести къ

графу Вонкендорфу, но и здѣсь успѣлъ не болѣе. Я хотѣлъ просить августѣйшаго супруга вашего, нашего всемилостивѣйшаго государя Николая Павловича, но извѣстонъ будучи о милостяхъ, кои онъ изливаетъ на его сіятельство, и не осмѣлился поворгнуть просьбу мою къ стонамъ его. Осмѣливаюсь умолять васъ, яко мать благоутробную и не лицепріятную: воззрите благосерднымъ окомъ на угнетенный народъ свой, гибнущій отъ злоупотребленія власти сильныхъ вельможъ, которые не только не хотятъ открытъ существующее зло, но сверхъ того сами болѣе или менѣе увеличиваютъ оное и, забывъ долгъ присяги и христіанства, похищаютъ казну вашего величества. Для объясненія же подробно существующаго зла желаю быть предъ лицомъ вашего императорскаго величества“.

Вступивши въ такую необыкновенную переписку, Казанскій, конечно, нажилъ себѣ массу непріятностей. *Неизвѣстные люди* однажды схватили его даже, положили въ телѣгу и привозили въ одинъ загородный кабакъ. Кабакъ потомъ заперли и вся питейная Борисоглѣбская администрація съ угрозами стала требовать у Казанскаго, чтобы онъ отказался отъ всѣхъ своихъ доносовъ и сдѣлалъ письменныя показанія въ смелѣтѣ благопріятномъ откупѣ.. Велѣдъ за тѣмъ Казанскаго отставили отъ службы. По распоряженію администраціи, его посадили въ полицію и томили голодомъ и жаждою. Это продолжалось до извѣстнаго манифеста 1841 года.

Въ это же время на противоположной окраинѣ Тамбовской губерніи, именно въ Елатомскомъ уѣздѣ, появился другой чиновникъ—эксцентрикъ, по фамиліи Потаповичъ. Этого сочли душевно больнымъ и въ губернскомъ правленіи стали свидѣтельствовать его умственные способности, но нашли ихъ въ совершенномъ порядкѣ. Между тѣмъ нѣкоторыя рѣчи Потаповича въ присутствіи губернскихъ властей отличались оригинальностію и рѣзкостію.

— Что вы писали въ Шацкій уѣздный судъ? спросили его.

— Я представлялъ суду, чтобы онъ нашелъ средства сдѣлать людей добросовѣстными.

— Не желаете ли вы служить? продолжали члены Тамбовскаго губернскаго правленія.

— Желаю.

— Гдѣ?

— Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе благородства, ибо служба въ статской службѣ, я самъ себя дѣлалъ вопросомъ, какая польза отъ этой службы, и не могъ рѣшить этого. Впрочемъ, я готовъ служить, но только съ благородными людьми, которые имѣютъ такія же правила, какъ и я *).

Считаемъ нужнымъ упомянуть еще объ одномъ замѣчательно честномъ чиновникѣ былыхъ временъ. Это былъ Спасскій городничій Станицинскій. Онъ отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ и въ особенности любилъ стоять за интересы инвалидовъ и полицейскихъ солдатъ, положеніе которыхъ въ прежнія времена было въ высшей степени тягостно. Въ 1802 году Станицинскій настойчиво потребовалъ отъ Тамбовскаго губернатора Кошелева, чтобы онъ высылалъ Спасскимъ солдатамъ ихъ жалованье сполна. „Солдатъ, — писалъ онъ, — всегда будетъ неисправенъ, если у него ружье безъ пороха, гербъ безъ сумы и тесакъ безъ португези“.

За это письмо Станицинскій былъ отданъ подъ судъ, подобно извѣстному Флячко-Карпинскому, бывшему въ 1795 году Борисоглѣбскимъ городничимъ.

Флячко-Карпинскій былъ вполне честнымъ служакою и въ интересахъ казны вступилъ въ борьбу съ самимъ губернаторомъ Неклюдовымъ, въ послѣдствіи отданнымъ подъ судъ правительствующаго сената. Дѣло началось по слѣдующему поводу.

Неклюдовъ покровительствовалъ Борисоглѣбскому содержателю питейныхъ сборовъ Котельникову, довольно темному человѣку, и грозилъ за него городничему Флячко-Карпинскому, который не любилъ потакать сомнительнымъ людямъ. Тогда Карпинскій написалъ губернатору слѣдующее письмо.

„Александръ Македонскій. Ваше Превосходительство, всегда челобитчиковъ однимъ ухомъ слушалъ, оставляя другое для отвѣтчиковъ, но вы пожертвовали обоими для государственнаго вора Котельникова и тѣмъ самымъ нарушили свой долгъ оберегателя казенныхъ интересовъ. Счастье Вашего Превосходительства и мое, что я не трусливъ, иначе въ угоду Вашу публично совершалось бы корчемство и ни-

*) Арх. Тамб. губ. правл. № 2400-й.

тересу казенному наносился бы ущербъ. Сію истину примите, Ваше Превосходительство, благосклонно, тѣмъ паче, когда имѣю честь напомнить вамъ объ императорскомъ указѣ, данномъ генераль прокурору Самойлову 1794 года августа 22 дня. Если же моя неробкость не нравится вамъ и вы потребуете отъ меня, чтобы я былъ слѣпымъ, нѣмымъ, глухимъ и въ должности ничуть недѣйствующимъ, то извините, что меня одолѣлъ уже страхъ передъ закономъ. На случай же Вашего Превосходительства гоненій, буду утѣшаться словами одного философа: хотящему быть добрымъ человѣкомъ надобно имѣть или гораздо вѣрныхъ друзей или же великихъ поприятелей. Соблюду и Эпиктово о терпѣннн нравоученіе, заключенное въ сихъ двухъ словахъ: сноси и воздержись, я снесу и воздержусь — дондеже преданъ буду уголовному суду, въ которомъ и надѣюсь оправдаться. Одинъ изъ премудрыхъ сказалъ: тотъ человѣкъ несовершенъ, кто напередъ видѣть не умѣетъ. И я, по силѣ понятія моего, со дня прибытія Вашего Превосходительства занявшись примѣчаніемъ разныхъ обстоятельствъ, положилъ за необходимость имѣть кромѣ полицейской собственную архиву. Она въ критическое время совершенно мнѣ поможетъ избавиться отъ притѣсненій вашей распутной канцеляріи“.

По поводу этого письма Флячко-Карпинскій принужденъ былъ выдти въ отставку и отданъ былъ подъ судъ уголовной палаты и тайной экспедиціи. Пришлось ему извѣдать не мало крупныхъ огорченій, сидѣлъ онъ не разъ въ казематахъ, но въ 1804 году честный старикъ дождался своего торжества: императоръ Александръ I-й назначилъ ему пенсію въ 300 рублей и повелѣлъ выплатить ее Карпинскому со дня его отставки. А Неклюдовъ отставленъ былъ отъ всѣхъ должностей съ воспрещеніемъ участія его въ дворянскихъ выборахъ и вѣзда въ столицу... *).

Здѣсь мы оканчиваемъ свои наблюденія надъ прошлою жизнію Тамбовскаго чиновничества и переходимъ къ мѣстному крестьянству.

Тамбовское крестьянство сформировалось постепенно и его составили самые разнообразныя элементы. До XVII сто-

*) Арх. губ. правл. № 1902-й.

лѣтія въ наши лѣсныя дебри и дикія поля шли вольные, *суляціе* люди, которымъ на родныхъ пепелищахъ *нудно было отъ сылушки, какъ отъ тяжелаго бремени*, и шли они въ наши мѣста, избывая неволи и ища раздолія... Въ XVIII столѣтіи край нашъ началъ переполняться невольными переселенцами, которыхъ тянули на новыя мѣста ихъ владѣльцы. Въ то же время вся наша Мещера успѣла уже обрусѣть. Часть мѣстной Мордвы постигла та же участь. Все тотъ же великороссійскій элементъ сумѣлъ ассимилировать и Малороссійанъ и многихъ Татаръ, издавна въ значительномъ количествѣ населявшихъ нашу сторону... Думаемъ, что разнообразный этнографическій составъ нашего крестьянства вліялъ не мало на извѣстный Тамбовскій религіозный мистицизмъ и раціонализмъ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, мы сдѣлаемъ общій историческій обзоръ на тему о нашихъ крестьянахъ.

Крайне неприглядна была наша крестьянская жизнь. Для многихъ нашихъ крестьянъ самая смерть, этотъ всеобщій примиритель, нерѣдко являлась при особыхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Иной, напримѣръ, провалился въ колодезь и утонулъ тамъ, другого задавилъ возъ съ сѣномъ, третій погибъ подъ глыбою глины, которую копалъ онъ, или подъ деревомъ, неосторожно срубленнымъ; иного разорвали волки или медвѣдь задавилъ или быкъ забодалъ или конь убилъ копытомъ или свиньи съѣли; кого зацѣпило крыломъ мельницы — вѣтрянки, кто умеръ отъ излишняго употребленія горячаго вина или отъ неудачнаго оскопленія, кто безвременно легъ на кулачномъ бою...

Выражая темныя стороны нашего отжившаго крестьянства, мы прежде всего скажемъ о крестьянскихъ волостныхъ и вотчинныхъ начальникахъ.

Многіе Тамбовскіе крестьяне, попавши въ волостные или вотчинные начальники, сразу забывали про свое кровное и нравственное родство съ остальнымъ крестьянствомъ и дѣлались его бичами. Мы такъ думаемъ на основаніи множества добытыхъ нами архивныхъ фактовъ.

Въ 1802 году въ селѣ Сеславинѣ, Козловскаго уѣзда, волостнымъ головою былъ нѣкто Жмаевъ. „Содѣлавшись властителемъ цѣлаго селенія, — жаловались на него Сеславинскіе

однодворцы, — Жмаевъ дѣлалъ жителямъ разныя притѣсненія, принуждалъ работать на себя безъ всякой платы, общественныя земли самовластно отдавалъ разнымъ купцамъ или же запахивалъ самъ, сколько хотѣлъ. Кто же противился ему, тѣхъ бивалъ безъ милосердія, заковывалъ въ желѣза и содержалъ подъ карауломъ“.

Между прочимъ голова Жмаевъ произвольно распоряжался рекрутскою очередью и по этому поводу бралъ съ однодворцевъ рублей по 200 и болѣе. Если же иногда ему нужны были лишнія деньги, то онъ безъ церемоніи собиралъ ихъ съ Сеславинскихъ обывателей, копѣекъ по 30 съ души. Нѣкоторые крестьяне не могли удовлетворить Жмаева деньгами и за это биты были имъ съ чрезвычайною жестокостію.

И въ своей семьѣ грозный Сеславинскій голова былъ суровымъ деспотомъ. Родного брата отдалъ онъ въ солдаты, а жену его согналъ со двора и пустилъ по міру.

Долго неистовствовала Жмаевъ, наконецъ попалъ подъ судъ. Когда ему объявили объ этомъ, онъ сказался больнымъ, такъ что его привезли въ Козловъ насильно. На всѣ вопросы во время судоговоренія Жмаевъ отвѣчалъ такъ: „я боленъ и отвѣчать не могу и ничего не помню“. Очевидно, онъ рассчитывалъ на извѣстный характеръ прежнихъ судебныхъ административныхъ порядковъ и отчасти не ошибся въ этомъ. Дѣло Жмаева окончилось для него довольно благополучно. Его отставили отъ должности и напутствовали въ село Сеславино 50 ударами батожемъ *).

Одновременно съ Жмаевымъ въ Козловскомъ уѣздѣ свирѣпствовалъ сельскій засѣдатель Малышевъ. До какой степени онъ былъ лютъ относительно казенныхъ крестьянъ Козловскаго уѣзда, видно изъ слѣдующаго. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1802 года съ однихъ крестьянъ села Хмѣлевого онъ выпилъ водки на 400 рублей и все это въ одномъ кабакѣ названнаго села **).

Такихъ лихихъ сельскихъ начальниковъ, какъ Жмаевъ и Малышевъ, въ началѣ настоящаго столѣтія было у насъ очень много. Передавать ихъ имена — значитъ вдаваться въ

*) Протоколъ Тамб. уголов. нал. отъ 14 окт. 1802 года.

**) Арх. Тамб. окруж. суда, № 221-й.

слишкомъ скучныя подробности. Поэтому мы переходимъ къ вотчинному начальству, краткое указаніе на которое уже сдѣлано нами въ предыдущей главѣ.

Въ 1805 году въ селѣ Конобеевѣ прикащикомъ былъ нѣкто Ароновъ, который въ отсутствіе помѣщика любилъ держать себя настоящимъ вольможнымъ баринкомъ. Однажды онъ пришелъ въ церковь. Священникъ говорилъ въ это время проповѣдь. Тогда Ароновъ громко сказалъ ему: „будеть тебѣ читать, замолчи!“ Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, именно 26 марта, Конобеевскій прикащикъ опять былъ въ церкви и громогласно выбранилъ тамъ дьячка за неудовлетворительное пѣніе. А 27 марта Ароновъ послѣ обѣдни остановилъ народъ въ церкви и вслухъ прочиталъ священнику *предписаніе* объ удаленіи его изъ прихода. Молча слушалъ народъ грознаго прикащика и, конечно, не могъ подать помощи своему пастырю. Уже въ Тамбовѣ злополучный священникъ Алексѣй Сергіевъ нашелъ себѣ защитника въ лицѣ епископа Теофила, который, какъ извѣстно, отличался строгостію къ духовенству, но въ то же время при случаѣ умѣлъ и заступиться за него *).

Еще лютеѣ Аронова былъ нѣкто Кугушевъ, бурмистръ помѣщика Муханова въ селѣ Кочемировѣ, Темниковскаго уѣзда. Однажды онъ велѣлъ взять съ поля дьяконскаго сына, малолѣтняго Якова, на господскій дворъ и приказалъ сѣчь его плетьюми. На крикъ ребенка прибѣжала его мать, а за нею и отецъ. Но суровый барскій намѣстникъ нисколько не смутился этимъ и продолжалъ свое дѣло. Мало того, дьяконицу онъ тоже высѣкъ, а дьякону грозилъ смертію.... Это было въ 1812 году **).

Подобныхъ фактовъ самодурства и лютости сельскихъ властей было у насъ слишкомъ много и они всеѣмъ извѣстны. Поэтому мы ихъ оставляемъ и переходимъ къ дальнѣйшему изображенію нашей прошлой крестьянской жизни.

Въ прежнія времена у насъ никто не думалъ о просвѣщеніи крестьянства. Поэтому крестьяне наши были слишкомъ далеки отъ культурной жизни. Это выражалось, между прочимъ, въ огромномъ количествѣ крестьянскихъ преступленій.

*) Арх. дух. конц. № 149-й.

**) Арх. губ. правл. № 384-й.

Въ архивныхъ документахъ Тамбовской уголовной палаты намъ постоянно встрѣчались дѣла то о *зартзаніи*, то объ отравленіи, удушеніи, то о грабежахъ, воровствѣ и потравахъ всякихъ, то о растлвѣніи даже дочерей и внучекъ... Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Тамбовская губернія терпѣла страшныя пожарныя бѣдствія. Горѣли города и села, деревянные и крытые соломой; горѣли хлѣбныя скирды и всякіе товарныя склады; горѣли наконецъ домашнія животныя и даже люди, въ особенности дѣти. Словомъ, исконный нашъ врагъ-красный пѣтухъ гулялъ на всей своей волѣ... Разумѣется, были пожары и отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, но нерѣдко происходили они отъ поджоговъ. Многіе крестьяне мстили своимъ владѣльцамъ за поруганную честь женъ, сестеръ и дочерей; мстили также и за свои собственные увѣчья, за разорѣніе бѣдныхъ домовъ своихъ и вообще за всякое *изнуреніе*.

Въ 1798 году крестьянка помѣщицы Дуловой Пелагея Иванова, бывшая подъ особенной барской опалой, оставила свою семью и убѣжала въ лѣсъ. Черезъ двѣ недѣли ее поймали и привели къ барынѣ. Началось обычное сѣченіе. Иванову сѣкли лозами и били палками. По всему тѣлу ея, отъ шеи и до пятокъ, пошли сине-багровыя пятна. Бѣглая наконецъ умерла подъ палками. Когда узнали объ этомъ дворовые, то собрались въ людской избѣ и составили совѣтъ. „Ну, такъ и быть,—сказалъ въ это время дворникъ Алексѣй Федоровъ,—иду на пропалую; пусть другіе люди помолятся за меня Богу“.

— Алексѣй,—сказала на это Федорову жена его,—что ты задумалъ, зачѣмъ идешь на пропалую?

— Не твое дѣло,—прервалъ ее Федоровъ,—иди, куда идешь.

Съ этими словами онъ взялъ камень и труть и отправился къ барскому дому. Черезъ полчаса домъ Дуловой уже весь обнятъ былъ пламенемъ *).

Чаще всего поджоги въ Тамбовской губерніи совершались вслѣдствіе мелкихъ сосѣдскихъ ссоръ и семейныхъ недоразумѣній.

*) Арх. губ. правл. № 102-й и 249-й.

7-го мая 1799 года въ селѣ Хоботцѣ, Козловскаго уѣзда, сгорѣло 27 дворовъ. Поджигателемъ былъ крестьянинъ Клычниковъ, извѣстный въ окологдѣ пьяница и буянъ.

— Зачѣмъ ты учинилъ поджоги? спросили его члены Козловскаго земскаго суда.

— Былъ я голодень, — отвѣчалъ Клычниковъ, — и мнѣ не дали ѣсть; просилъ я у односельцевъ водки, тоже не дали; и вотъ я не пожалѣлъ и себя: и моя изба сгорѣла *).

Около того же времени однодворецъ стрѣлцкой слободы Никита Голлобовъ, человекъ уже преклонныхъ лѣтъ, сталъ очень внимательно и нѣжно обращаться съ своей невѣсткой Анной. Та отказывалась отъ старческихъ ласкъ. За это старикъ сталъ бить ее. Тогда она подошла къ его дому, а сама убѣжала къ отцу **).

Въ селѣ Двурѣчкахъ, Липецкаго уѣзда, крестьянка Аграфена Пахомова была въ такомъ гоненіи отъ свекрови, что нерѣдко вынуждена была побираться и скрываться у сосѣдей. Суровая свекровь по три дня не дала ей ѣсть и приковывала на цѣпь къ печкѣ. Аграфена Пахомова пошла тогда къ приходскому священнику съ жалобою и получила отъ него такой отвѣтъ: „слушайся свекрови и не шлайся по дворамъ“. На другой день послѣ этого въ Двурѣчкахъ былъ пожаръ. Первымъ загорѣлся тотъ самый домъ, въ которомъ жила Аграфена Пахомова...

Тамбовскіе поджигатели часто дѣлали свое дѣло съ замѣчательною дерзостію и даже предупреждали жителей о своихъ планахъ подметными записками. 15-го іюля 1800 года на Тамбовской сѣнной площади крестьянинъ Панковъ говорилъ: „вчерашняго дня господинъ губернаторъ Александръ Борисовичъ Палицынъ шелъ по каменному мосту и поднялъ записку, а въ той запискѣ было означено, что скоро городъ Тамбовъ будетъ зажженъ съ трехъ сторонъ и отъ такихъ словъ губернаторъ упалъ“. И дѣйствительно, ночью съ 15-го на 16-е іюня въ Пушкирской части сдѣлался пожаръ: загорѣлась пустая и запечатанная баня. Къ счастью пошелъ дождь и пожаръ прекратился. На утро во второй части пожаръ вспыхнулъ ра-

*) Арх. губ. правл. № 13-й.

**) Арх. губ. правл. № 191-й.

зою въ двухъ мѣстахъ. Въ теченіе двухъ часовъ сгорѣло 113 домовъ и 1 человекъ. Черезъ день снова въ Тамбовѣ былъ пожаръ. Такимъ образомъ подметная записка, прочитанная губернаторомъ Палицынымъ, была не пустою шалостию, а дѣйствительною угрозою со стороны какихъ то злоумышленниковъ... Поджигателей не нашли.

Сколько именно было пожаровъ въ Тамбовской губерніи въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія и каковы были убытки отъ нихъ, этого, по отсутствію статистическихъ данныхъ въ Тамбовскихъ архивахъ, мы сказать не можемъ. Съ увѣренностію въ справедливости своихъ словъ мы можемъ сказать только то, что ежегодные Тамбовскіе пожарные убытки всегда отличались громадностію. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Во время Тамбовскаго іюльскаго пожара 1800 года огонь охватилъ пространство въ двѣ квадратныя версты. Многіе жители остались тогда безъ крова и пищи. Пожаръ такъ былъ силенъ, что слабыя пожарныя команды оставили свое дѣло и были только зрителями ужасной катастрофы... Въ іюнѣ 1803 года въ Тамбовѣ было 6 пожаровъ. Горѣть начинало обыкновенно въ нежилыхъ строеніяхъ, поэтому губернаторъ Палицынъ, подозрѣвая поджоги, составилъ земскую стражу изъ 200 обывателей...

Постоянные мѣстные пожары вызвали даже Тамбовскихъ крестьянъ *на изобрѣтенія*. Въ концѣ прошлаго столѣтія крестьянинъ села Куриловки Побѣжимовъ представилъ губернскому начальству *прожектъ помела огнегасительнаго*.

„Огнегасительное помело, — писалъ Побѣжимовъ, — должно быть длинное и лѣтомъ обмакивать его въ воду, зимою — въ снѣгъ, осенью — въ грязь; имѣть оное въ каждомъ домѣ и дѣлать его преимущественно изъ стараго суконнаго платья“.

Во время пожаровъ нашему разоренному крестьянству приходили иногда самыя странныя мысли. Убитые горемъ, крестьяне наши начинали дѣйствовать внѣ сферы здраваго смысла и воплиѣ подчинялись необузданной фантазіи: они вили въ своей бѣдѣ чиновниковъ и помѣщиковъ... То было время, когда между русскими людьми происходило какое-то странное недоразумѣніе.

Въ концѣ августа 1839-го года были большіе пожары

въ смежныхъ уѣздахъ Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерній. Особенно сильный пожаръ случился въ селѣ Дворянщинѣ, Кирсановскаго уѣзда.

Не долго думая, погорѣльцы села Дворянщины заподозрѣли въ поджогѣ своихъ помѣщиковъ, Иванова и Гарденина. „Кому же, — говорили они, — придется на умъ разорять насъ, кромѣ господъ. На то они и господа, чтобы намъ было худо“.

Однажды, вскорѣ послѣ пожаровъ, за Дворянщиной собралась крестьянская толпа. Разговоры, конечно, были самыя невеселыя: кто считалъ свои убытки, кто соображалъ, куда дѣваться теперь съ ребятишками въ настоящую зиму, кто бранилъ лиходеевъ — поджигателей, въ существованіи которыхъ, но обыкновенію, никто не сомнѣвался.. Въ это время къ толпѣ подбѣжалъ крестьянинъ Малафей Ромаповъ, считавшійся въ своемъ селѣ однимъ изъ первыхъ богачей. Махая желѣзною лопатою, онъ съ крикомъ требовалъ отъ прочихъ крестьянъ, чтобы всѣхъ помѣщиковъ, какъ несомнѣнныхъ поджигателей, перебить, а ихъ дворню — повѣсить на ветлахъ и оставить тамъ на три дня, чтобы всѣмъ злодѣямъ это было въ наученье и страхъ.

Въ это время помѣщики Ивановъ и Гарденинъ, какъ видно, не слыхавшіе про крестьянскіе разговоры или не придавшіе имъ особеннаго значенія, шли вмѣстѣ по селу. У моста черезъ рѣку Малый Ломависъ ихъ увидалъ крестьянинъ Юдаевъ и закричалъ: держите ихъ! На крикъ Юдаева со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ и всюю массою бросился въ погоню за Ивановымъ и Гарденинымъ. Иванову однако посчастливилось: получивши нѣсколько ударовъ и оставивши на мѣстѣ побойща фуражку, онъ успѣлъ вырваться и бѣжать домой. Гарденину же пришлось плохо. Крестьянинъ Латуновъ ударилъ его цѣпомъ по головѣ и свалилъ въ воду. Это обстоятельство сразу образумило толпу. Многіе испугались и разбѣжались, а болѣе храбрые кинулись въ воду и вытащили оттуда Гарденина. Но все-таки на другой день крестьяне опять попли на помѣщиковъ, хотя уже не съ прежнею рѣшительною цѣлю. Забравши Иванова и Гарденина, они посадили ихъ въ одну изъ уплывшихъ избъ и поставили около *арестантовъ* караулъ, впредь до суда. Судъ, разумеется, не за-

медлилъ. Начались обычныя при подобныхъ обстоятельствахъ экзекуціи. Нѣкоторые же крестьяне села Дворянщины неожиданно-негаданно принуждены были переселиться въ Сибирь...

Около того же времени сгорѣло село Татарская Лака. Погорѣльцы подозревали въ поджогѣ мелкопомѣстнаго Лакинскаго помѣщика Дуракова: взялъ де три тысячи рублей, чтобы пустить по міру все село... Подозрѣніе это было основано на томъ, что Дураковъ наканунѣ пожара бѣгалъ по задворкамъ съ горящею лучиною. Тогда рѣшено было идти къ *поджигателю* всѣмъ міромъ и судить его мірскимъ судомъ. Дуракова, тщетно обьяснявшаго крестьянамъ всю нелѣпость ихъ подозрѣнія, избили, причемъ жена мѣстнаго священника проломила ему голову скалкой, потомъ связаннаго *поджигателя* клали на раскаленные угли и въ заключеніе бросили на улицу. И только черезъ нѣсколько часовъ послѣ этой свирѣпой экзекуціи, уже ночью, нашлись добрые люди, которые подтащили Дуракова, оле живаго, къ воротамъ одного уцѣлѣвшаго дома и положили тамъ на солому...

Крестьянскія враждебныя отношенія къ помѣщикамъ, которые почему-либо считались народными *ворогами*, иногда выражались самымъ оригинальнымъ образомъ.

Въ описываемое нами время много шуму надѣлало убійство помѣщика Радзевича, человѣка крайне жестокаго, который лѣтъ по 10 не допускалъ крестьянъ къ исповѣди и причастію и вогналъ ихъ въ совершенную нищету постоянною барщиною. Особенно не довольны были Радзевичемъ женщины, которыхъ высылали на работы даже и въ томъ случаѣ, если онѣ были беременны. Разъ, во время полевыхъ работъ, десятка четыре женщинъ сговорились убить Радзевича. Случайно бывшіе при этомъ разговорѣ крестьяне, родственники заговорщицъ, ободряли ихъ: „вы-бабы,—говорили они,—и съ васъ какъ съ гуся вода. Ничего вамъ не будетъ, если и узнаютъ про ваше дѣло, въ солдаты васъ не отдатутъ“. Въ это время Радзевичъ на бѣговыхъ дрожкахъ подѣхалъ къ разговаривавшимъ. Крестьяне отошли въ сторону, а женщины кинулись на Радзевича и убили его точно также, какъ въ свое время былъ убитъ сынъ Бориса Годунова... Послѣ этого тѣло Радзевича привязали къ дрожкамъ и погнали лошадей въ поле.

Современникомъ Радзевича былъ нѣкто Ахлебининъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для его характеристики. Между тѣмъ несомнѣнно, что онъ былъ выдающимся типомъ помѣщика—самодура. Въ 1812 году за его жестокости надъ крестьянами жаловалась на него правительству родная мать и только смутная пора спасла его отъ законнаго наказанія. Онъ былъ подѣ судомъ 50 разъ. Въ 1840 году былъ проданъ вѣнному суду по высочайшему повелѣнію и все за жестокости. Нѣсколько разъ ему вѣспрощено было вѣзжаться въ его деревни. Но онъ имѣлъ своего рода счастье попадать подѣ милостивыя манифесты. И вотъ именно онъ-то былъ наказанъ своимъ кучеромъ Рожновымъ. Въ 1848 году Ахлебининъ вѣхалъ съ Рожновымъ въ Спасскъ. Дорогою кучеру пришла странная мысль высѣчь барина. Недолго думая, онъ нарочно уронилъ кнутъ и послалъ за нимъ лакея, а самъ сейчасъ же повалилъ Ахлебинина и высѣкъ его.

Мѣстные хранилища архивныхъ документовъ весьма богаты указаніями и еще на одну темную сторону прошлаго крестьянскаго быта, именно на систематическія разбои, которыя, разумѣется, были несомнѣннымъ продуктомъ извѣстныхъ осложнившихся неблагопріятныхъ бытовыхъ условій. Въ Липецкомъ и Лободянскомъ уѣздахъ и доволѣ живо сохраняются имена разбойничьихъ атамановъ: Купамы, Руса, Тинки, Бал, Наяны, Тараса и Кудояра. Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ настоящаго наши уѣздныя власти чуть не ежедневно писали донесенія въ губернской городѣ примѣрно въ такомъ родѣ: „въ нашихъ лѣсныхъ дачахъ ходятъ многіе невѣдомые люди съ ружьями и рогатинами и отбиваютъ у проходящихъ и проезжающихъ имущество и чинятъ смертныя убійства“.

Случалось и такъ, что *разбойные люди* нападали на населенныя мѣста среди бѣлаго дня. Напримѣръ, 7-го декабря 1793 года разбойники на четырехъ парахъ подѣхали къ Кадомскому питейному дому. „И тѣ воровскіе люди, — доносило на нихъ сельское начальство, — взоподѣ съ усиліемъ вѣ питейный домъ, выпили полводра вина да съ собою ваяли 3 подра, и у нихъ начальнымъ человекомъ былъ одинъ церковникъ“.

Въ томъ же 1793 году въ Спасскомъ уѣздѣ разбойни-

ки даже предупреждали жителей о своихъ злодѣйствахъ и подкидывали къ помѣщикамъ угрожающія письма. Во главѣ ихъ находился атаманъ Яковъ Долининъ.

Воровскіе люди дошли до такой дерзости, что осмѣливались нападать на военныя команды и нерѣдко разбивали ихъ... Такъ, между прочимъ была разсѣяна команда Кабардинскаго полка съ сержантомъ Козминымъ.

Нѣкоторые Тамбовскіе разбойники спеціально занимались конокрадствомъ и съ этою цѣлю ѣздили изъ своихъ притоновъ за сотни верстъ. Въ 1801 году на этомъ поприщѣ въ особенности прославились два брата Василій и Варлаамъ Невѣровы, жившіе въ деревнѣ Мачилейкѣ. На Тамбовско-Пензенской границѣ, около села Татарской Лаки, еще и доселѣ есть урочище, называемое въ память братьевъ — разбойниковъ *Исавировымъ мостомъ*.

Замѣчательно, что нашъ народъ особенно ненавидѣлъ именно конокрадовъ и часто съ величайшею суровостію расправлялся съ ними самосудомъ. Приведу одинъ такой примѣръ.

Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія *разбойный* промыселъ до того усилился въ Тамбовской губерніи, что опасно было проѣзжать рѣшительно по всѣмъ большимъ Тамбовскимъ дорогамъ. Зажиточные люди стали ѣздить не иначе, какъ съ проводниками. Но и проводниковъ достать было трудно, какъ это видно изъ слѣдующаго факта.

1-го февраля 1781 года маіоръ Федерманъ просилъ себѣ проводниковъ въ селѣ Куликахъ и ему не дали ихъ, потому что *отъ разныхъ причинъ почти всѣ Куликовскіе жители разбѣжались*.

Съ цѣлю охраненія проѣзжихъ мѣстная администрація поставила было на главныхъ трактахъ вооруженные пикеты, но и это средство не помогло.

Въ 1793-мъ году Тамбовскій губернаторъ В. С. Звѣревъ писалъ намѣстническому правленію слѣдующее: „поколику грабительства и разбой и смертныя убійства уже довольно произведены, но таковыя злодѣи и поныѣ не явны, то дабы злодѣйство сіе не могло распространиться, строжайше предписываю таковыхъ злодѣевъ вездѣ развѣдывать и поступать съ ними по всей строгости законовъ.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ вмѣноно было въ обязанность строго слѣдить за содержателями постоянныхъ дворовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ заманивали къ себѣ проезжихъ и потомъ убивали ихъ.

Не смотря на всѣ административныя мѣры, разбойники не унимались. Въ *разбойныхъ дѣлахъ* приняли участіе даже привилегированныя лица, напримѣръ Лебединскій помѣщикъ Филинъ. Вотъ что повѣствуетъ о его подвигахъ протоколъ Тамбовской уголовной палаты, составленный въ мартъ 1802-го года.

„Онъ Филинъ, выѣхавши съ людьми своими, грабилъ и мучилъ разныхъ людей и былъ отъ него страхъ великій. Когда же въ имѣніе его явилась полиція для представленія преступника въ судъ, то Филинъ выгналъ оную и грозилъ ей ружейными выстрѣлами. Тогда губернаторъ А. Л. Львовъ вынужденъ былъ послать въ Лебединскій уѣздъ воинскую команду“ *).

Въ томъ же 1802-мъ году Темниковскій помѣщикъ Никифоровъ, поссорившись съ одною своею сосѣдкой, напалъ на нее *со многочисленнымъ и наряднымъ дѣломъ и, учиня великій шумъ, угрожалъ всѣхъ побить до смерти* **).

Многимъ Тамбовскимъ крестьянамъ *разбойный* промыселъ представлялся до такой степени соблазнительнымъ, что нѣкоторые мирные деревенскіе обыватели совершенно внезапно рѣшались на такіе подвиги, которые были подъ статью только закоренѣлымъ разбойникамъ.

Лѣтомъ 1792-го года прапорщикъ Гавриловъ ѣхалъ изъ Усмани въ Воронежъ черезъ Уманскій черный лѣсъ. Въ это время въ лѣсу работали крестьяне и вдругъ имъ пришла мысль ограбить проезжаго, что они и сдѣлали немедленно...

Съ наступленіемъ XIX столѣтія Тамбовскія большія дороги постепенно стали дѣлаться болѣе безопасными. Обыватели городовъ и всей Тамбовскихъ почти перестали бояться неожиданныхъ-непрощенныхъ гостей. Однако, полной безопасности отъ разбойничьихъ шаекъ долго еще не было. Даже въ 1838 году по Борисоглѣбскому уѣзду свободно разгуливала партія въ 40 человекъ подъ начальствомъ бѣжавшаго

*) Протоколъ палаты, № 435-й.

**) Протоколъ палаты отъ 4-го ноября 1802 года.

изъ Сибири каторжника Ивана Федотова. Главный притонъ Борисоглѣбской шайки былъ въ селѣ Русановѣ *).

Развитію разбѣговъ въ Тамбовской губерніи весьма много содѣйствовало обиліе бѣглыхъ, скрывшихся въ мѣстныхъ лѣсахъ. Изъ убогихъ деревень нашихъ, подѣ влияніемъ разнообразныхъ условій, бѣжали взрослые, старики и дѣти—цѣлыми десятками семей. Они направлялись преимущественно въ Саратовскія и Астраханскія степи, въ Аккерманскій, Оренбургскій и Бузулуцкій уѣзды. Меньшинство же ихъ ютилось дома, напримѣръ въ Елатомскомъ лѣсу около села Новаго, близъ села Алгасова и въ лѣсныхъ окрестностяхъ Липецка, Моршанска и Тамбова.

Изъ переписки генераль-прокурора Обольянинова съ Тамбовскимъ губернаторомъ Вахметевымъ видно, что бѣглыхъ ловили у насъ цѣлыми десятками и сотнями. Въ 1800-мъ году въ одномъ Тамбовѣ ихъ поймано 709 человекъ. Но общественное зло черезъ это не искоренялось, потому что въ губерніи было множество пристанодержателей. Такимъ образомъ Тамбовскій край не безъ основанія назывался прежде *воровскимъ краемъ*. Кличка эта упрочена была за нимъ въ XVI-мъ вѣкѣ и потеряла свой смыслъ уже въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія.

Все эти, указанные нами черты Тамбовскаго крестьянскаго быта, разумѣется, были у нашихъ крестьянъ общими со всею Русью. Поэтому-то мы только намѣчали ихъ и воздерживались отъ подробнаго изложенія извѣстныхъ намъ фактовъ. Съ болѣею подробностію мы изложимъ за то мистико-религіозныя и вообще противоцерковныя движенія въ предѣлахъ нашего края. Мы думаемъ, что на этомъ поприщѣ Тамбовская губернія самая *интересная*. На этомъ основаніи мѣстному религіозному вопросу мы посвящаемъ особую главу.

*) Арх. губ. правл. № 9371-й.

V.

Противоцерковныя движенія въ Тамбовской губерніи.

Съ половины XVII вѣка Тамбовскій край начинаетъ обращать на себя правительственное и общественное вниманіе разнообразіемъ и силою мѣстнаго раскола и сектъ. Съ теченіемъ времени это мистико-раціоналистическое и обрядовое своеволіе религіозной мысли все развивалось и усиливалось и такимъ образомъ Тамбовская губерніи въ настоящее время стала наконецъ такимъ краемъ, въ районѣ котораго по преимуществу выразилась рознь національно-религіознаго сознанія.

Край нашъ издавна изобилуетъ раскольниками обоихъ толковъ и особенно сектантами: молоканами, духоборцами, субботниками, шелапутами, хлыстами и еконцами. По мнѣнію изслѣдователей русской религіозно-отрочонной жизни, въ Тамбовской губерніи сосредоточиваются еконческіе и хлыстовскіе капиталы. Слѣдовательно изученіе Тамбовскихъ противоцерковныхъ движеній составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашей церковно-исторической науки.

Въ Тамбовскомъ краѣ не одни крестьяне и имъ подобныя простые люди увлекались борьбою противъ господствующей церкви. Въ концѣ XVII столѣтія во главѣ мѣстнаго противоцерковнаго движенія стояли первыя Тамбовскіе епископы, Леонтій и Игнатій, оба фанатики старообрядства и послѣдователи извѣстнаго Талицкаго *). А въ началѣ XVIII столѣтія у насъ возможны были и такія явленія, какъ наприм. публичный, среди базарной площади, протестъ Трегулявскаго монаха Самуила Выморкова противъ Петра I-го, какъ антихриста.

*) Епископъ Леонтій былъ на Тамб. кафедрѣ съ 1682 г. по 1684 г. Епископъ Игнатій—съ 1698 по 1699 годъ. Съ этого времени и до 1758 г. наша епархія своего епископа не имѣла и управлялась Московскою Синодальною конторою.

Широкое развитіе сектантства въ Тамбовской епархіи свидѣтельствуеетъ о томъ, что Тамбовское народонаселеніе всегда отличалось чуткостію къ религіознымъ вопросамъ, хотя понимало ихъ весьма узко и наивно. Поэтому-то наши крестьяне и крестьянки нерѣдко всю жизнь перекочевывали изъ монастыря въ монастырь, мѣняя всю русскую землю своими неутомимыми ногами. Въ особенности формально-аскетическая жизнь практиковалась Тамбовскими крестьянками, не малое число которыхъ составляло всегда особый классъ свободныхъ монахинь или черничекъ. Институтъ этихъ черничекъ, безъ всякаго сомнѣнія, служилъ сильнымъ прецедентомъ для ложнаго развитія религіозныхъ помысловъ Тамбовскаго народонаселенія, протестовавшаго противъ разныхъ несовершенствъ государственной, общественной и церковной жизни.

А что у Тамбовскихъ сектантовъ недовольство условіями жизни сильно и постоянно выражалось, на это есть масса документальныхъ доказательствъ. Въ поясненіе этой мысли приводимъ слѣдующій фактъ, одинъ изъ многихъ, ему подобныхъ.

Утромъ 16 апрѣля 1803 года къ квартирѣ Тамбовскаго губернатора Палицына подѣхалъ крестьянинъ.—духоборецъ Зоть Мукосѣевъ.

— Дома ли губернаторъ? спросилъ онъ у часоваго солдата Князева.

— Ихъ превосходительства нѣтъ дома,—отвѣтилъ Князевъ.

— Такъ доложите обо мнѣ губернаторшѣ, продолжалъ Мукосѣевъ,—я привезъ гостинецъ.

Губернаторскій дворецкій Кузьминъ подошелъ было къ возу и хотѣлъ посмотреть, что тамъ за гостинецъ, но Мукосѣевъ отстранилъ его, распрягъ лошадь и верхомъ на ней уѣхалъ, а подводу оставилъ у губернаторскаго крыльца. Разумѣется, губернаторскіе дворовые поспѣшили раскрыть возъ и увидѣли тамъ мертвое тѣло, покрытое синебагровыми пятнами и рубцами. То было тѣло одного духоборца, засѣченнаго чинами земской полиціи.

Мукосѣева догнали, привели въ полицію и стали допрашивать. Вотъ что показалъ онъ на этомъ допросѣ.

„13-го апрѣля крестьянинъ Ермаковъ привелъ ко мнѣ

родного брата моего Сергѣя, а за ними шло много людей. Братъ мой едва стоялъ на ногахъ и его держали подъ руки. Уложилъ я Сергѣя на полати и тутъ мнѣ сказали: твой братъ боленъ отъ наказанія, сдѣланнаго ему публично съ прочими нашего села духоборцами, а наказывалъ ихъ за вѣру засѣдатель фонъ-Меникъ. На другой день пошелъ я провѣдывать наказанныхъ, между прочимъ зашелъ къ Петру Дробышову, а онъ ужъ былъ мертвъ и при немъ сидѣлъ маленькій сынъ его и плакалъ. Тогда я взялъ мертвое тѣло Дробышова и поѣхалъ съ нимъ къ губернатору просить защиты“.

По поводу этого дѣла губернаторъ Палицынъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

„Всеу семейству моему, — писалъ онъ, — за необычностію моею въ домѣ причинено крайнее смятеніе, обида и великое оскорбленіе“.

По обыкновенію стали производить послѣ всего этого слѣдствіе, во время котораго обнаружались такіе факты. Фонъ-Меникъ наказывалъ духоборцевъ нещадно. Онъ принуждалъ духоборческихъ дѣвушекъ цѣловать его, а съ ихъ отцовъ и братьевъ производилъ большіе поборы, такъ что однихъ крестьянскихъ кушаковъ набралъ на 30 рублей. Но, не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ еще 100 рублей, угрожалъ за недачу кнутомъ и ссылкой. Это было въ селѣ Красной Дубровѣ. Краснодубровцы почему-то не могли выплатить фонъ-Менику требуемой суммы. Поэтому грозный засѣдатель Тамбовскаго земскаго суда началъ съечь всѣхъ духоборцевъ названнаго села. Съченіе производилось въ три плети и было на столько жестоко, что двое высѣченныхъ умерли на мѣстѣ.

Къ слѣдствію вызванъ былъ врачъ Друговъ. Ему поручено было осмотрѣть трупы засѣченныхъ и дать объ нихъ свое заключеніе. Заключение его выражено было въ слѣдующихъ словахъ: „наказаніе духоборцамъ дано соразмѣрное и умерли они вѣроятно отъ ядопринятія, отъ какого могли произойти и синеватые пятна и иные знаки на спинѣ и животѣ наказанныхъ“.

Дѣло это кончилось тѣмъ, что многихъ Краснодубровскихъ духоборцевъ еще высѣкли плетьюми и сослали въ Кольскій уѣздъ. Но мира въ Красной Дубровѣ всетаки не добились. „Вашего пѣнія и чтенія, — говорили чинамъ полиціи остав-

шіеся духоборцы,—мы ни за что слушать не будем* *).

Приступая теперь къ изображенію прошлыхъ фактовъ Тамбовской противодерковной жизни, мы прежде всего обратимъ вниманіе читателей на тѣхъ мѣстныхъ религіозныхъ фанатиковъ и мистиковъ, которые, не уклоняясь отъ единства съ православною церковію, въ то же время отличались своею эксцентричностію, переходившею иногда въ совершенный и ловко рассчитанный практицизмъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія въ селѣ Двурѣчкахъ, Липецкаго уѣзда, проявился нѣкто Агафонъ, старый и больной крестьянинъ. Въ народѣ ходила про него молва, что онъ *святой угодникъ Божій, совершающій великія чудеса*, и вотъ въ хату мнимаго чудотворца, въ сущности весьма ловкаго проходима, повалили разные люди; мужья шли къ нему отъ женъ, жены отъ мужей, сыновья и дочери отъ отцовъ и матерей и всѣ они находили у старца Агафона вѣрный пріютъ и жили сообща. Особенно горячимъ приверженцемъ святоши оказался крестьянинъ Пронинъ, который по смерти своего патрона счумѣлъ нажить себѣ отъ *благочестивыхъ жертвователей* двухъ-этажный домъ съ многочисленными пристройками. Въ 60-хъ годахъ этотъ Пронинъ принялся даже хлопотать объ открытіи въ его собственномъ домѣ женской общины подъ управленіемъ *богугодной дѣвницы Матрны, бывшей послушницы великаго угодника Агафона*. Въ такомъ смыслѣ поданы были прошенія епархіальному архіерею и Московскому митрополиту. Въ нихъ ловкій и начитанный грамотѣй указывалъ между прочимъ на разныя пророчества Агафона. „Старецъ Агафонъ,—писалъ онъ,—передъ своею праведною кончиною изрекъ мнѣ: послѣ смерти моей черезъ годъ сосѣди хотя васъ и дерзнуть, но за то Господь накажетъ ихъ пожаромъ“... На счастье Пронина въ тотъ годъ въ селѣ Двурѣчкахъ были пожары и ловкій преемникъ Агафона объявилъ это гнѣвомъ Божиимъ за то, что Двурѣченскіе обыватели жѣшали ему заводить общину. Кромѣ прошеній, Пронинъ составилъ *житіе угодника Божія Агафона* и отослалъ его Тамбовскому архіерею. Вотъ краткое извлеченіе наиболѣе существенныхъ чертъ изъ этого *житія*.

*) Следственное дѣло о Краснодубровскихъ духоборцахъ хранится въ архивѣ Тамб. губ. правленія.

„Въ 18 верстахъ отъ города Липецка есть село Двурѣчки. Въ немъ-то 13 лѣтъ сряду подвизался во славу Божию и окончилъ тяжкое бремя сей временной жизни дивный угодникъ Божій, великій старецъ Агафонъ, богоугодная жизнь котораго за три года до его отшествія ко Господу стала вѣдома мѣстнымъ и околнымъ жителямъ. Старецъ сей многимъ предсказывалъ будущее и часто обличалъ даже и тайные помыслы. Когда я, Семень Пронинъ, въ первый разъ пришелъ къ отцу Агафону, онъ открылъ мнѣ всѣ мои тайные помыслы и взялъ меня къ себѣ въ послушники. Я вздумалъ было воспротивиться сему благословенію старца и за это подвергся нападенію силы вражьей, которая не давала мнѣ ни днемъ, ни ночью покоя. Послѣ того опять пошелъ я къ старцу и онъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ слѣдующими словами: вотъ, Семя, ты не хотѣлъ ко мнѣ идти, такъ я повелѣлъ врагамъ пригнать тебя, вѣтъ мнѣ старцу о имени Господа Иисуса враги и то повинуются. Тогда я остался у него и былъ при немъ до самой блаженной его кончины. И разные люди узнали про меня и идутъ ко мнѣ мужчины и женщины, которые изрѣдка и теперь чувствуютъ усадательное благоуханіе на мѣстѣ кончины старца. Старецъ Агафонъ при жизни своей между прочимъ сказалъ мнѣ: не забудь моего мѣста, живи на немъ, и если изъ тѣхъ лицъ, за кого я былъ распятъ и кровь и слезы пролилъ, оставить свое мѣсто, то ихъ накажетъ Господь тѣмъ, что нигдѣ не дастъ дыханія. И вотъ я, усордный Агафоновъ ученикъ, всѣ труды свои прилагаю, чтобъ устроить обитель“.

Защищая свое дѣло передъ духовными властями, Пронинъ обнаружилъ большое знаніе текста священнаго писанія и этимъ знаніемъ довольно ловко умѣлъ пользоваться. „Зачѣмъ, — спрашивалъ онъ, — насъ преслѣдуютъ и ненавидятъ? Вѣдь любовь не ищетъ своихъ си; она долготерпитъ, милосердствуетъ, не безчинствуетъ, не раздражаетъ, не мыслитъ зла, все покрываетъ, всему вѣритъ. Въ этомъ заключается весь законъ и долгъ христіанина“.

„Становой, — продолжаетъ далѣе Пронинъ, — разоряетъ нашу общину и всѣхъ насъ разгоняетъ, до онъ не знаетъ, что Господь въ святомъ евангеліи повелѣваетъ не только оставить

свои дома, но даже и своихъ отцовъ, матерей, братьевъ и женъ“

Изложивши Тамбовскому архіерею *житіе св. Агафона*, Пронинъ убѣдительно звалъ его въ село Двурѣчки, гдѣ буд-то бы мощи угодника изливали *усладительное благоуханіе*. Конечно, епархіальный архіерей на открытіе Двурѣченскихъ мощей не поѣхалъ. Тогда Пронинъ и его послѣдователи обошлись и безъ архіерея. Толпою отправились они на кладбище, вырыли изъ могилы замерзшій (дѣло было зимою) трупъ старца Агафона и съ торжествомъ понесли его въ свою такъ наз. обитель. Такъ какъ отъ мерзлаго тѣла не было запаха и въ комнатѣ, то это окончательно уже убѣдило Двурѣченскихъ фанатиковъ, что *отъ мощей идетъ благоуханіе*. Мѣстная полиція отнеслась однако къ этому благоуханію скептически, тѣло зарыла, а самозванныхъ канонизаторовъ арестовала. По этому поводу Пронинъ отнесся къ мѣстнымъ властямъ съ слѣдующею запискою, приводимою нами въ сокращеніи: „старецъ Агафонъ при жизни говорилъ не разъ: если тронуть васъ—тронусь и я. И вотъ мы отрыли мощи и многіе чувствовали при перенесеніи ихъ благоуханіе. И еще говорилъ старецъ: придетъ время и всѣ отъ мени отрекутся, что и случилось при первоначальномъ открытіи мощей, ибо всѣ тогда отъ страха разбѣжались. На этотъ случай припоминаю изреченіе великаго старца: Сеня, что тебѣ скажу; въ одно время, какъ меня тащили, кто за ноги, кто за что, поглядѣли, а тамъ одинъ зипунъ, а я стою сзади ихъ и со смѣху никакъ не отдохну. Потомъ, когда разгоняли насъ, мнѣ пришло на мысль одно старческое слово: если потребуюсь, то тогда взыщите и будьте готовы, а я всегда готовъ“ *).

Старецъ Агафонъ и ученикъ его Пронинъ, не смотря на ихъ несомнѣнный мистицизмъ, были, конечно, людьми себѣ на умѣ и подъ фирмою святошъ и чудотворцовъ ловко обдѣлывали свои мірскія дѣла. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ намъ представляется одна Тамбовская энтузіастка, священническая дочь Анна Егорова. Дѣло о ней производилось въ мѣстной духовной консисторіи въ 1842 году. Въ то время Аннѣ Егоровой было 24 года. По мнѣнію всѣхъ ея знакомыхъ, она была дѣвушка работающая, скромная, богомольная и разсудитель-

*) Подлинникъ любопытной записки Пронина хранится въ Тамб. губер. музѣ.

ная. Часто задумывалась она на тему о своей судьбѣ, о исходномъ человѣческомъ горѣ и о неразрѣшимыхъ тайнахъ жизни и смерти. Отзычивое сердце подсказывало ей единственный путь къ разрѣшенію всѣхъ мучившихъ ее вопросовъ — путь вѣры, и вотъ Аннѣ Егоровой стали представляться видѣнія, реальность которыхъ признавалъ и отецъ ея, священникъ села Становаго, Козловскаго уѣзда. Богомольная дѣвушка чаще всего видѣла *Божію Матерь, молившуюся на воздусяхъ*. Наконецъ увидѣла она въ образѣ человѣческомъ и самого Спасителя. Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Скоро ли я умру, Господи?

— Скоро, на пасху между утреней и обѣдной.

— Когда будетъ, — продолжала допрашивать Анна Егорова, — второе пришествіе Христова?

— Скоро гряду, отвѣчало видѣніе и скрылось.

Анна крѣпко зянула и на другой день ни съ кѣмъ не говорила ни слова. Но вчоромъ *Гласъ Христовъ* повелѣлъ ей рассказать о видѣніи.

На первой недѣлѣ великаго поста Анна пришла отъ вечерни и передъ сномъ стала молиться. Въ это время къ ней явился Ангелъ и сказалъ: „возстань, съ тобой будетъ великое искушеніе“. Дѣвушка отъ страха присѣла на постель и вотъ, по словамъ ея, *враги* полѣзли въ дверь сильно стуча и отдирая дверную рогожу. Анна позвала тогда отца, но и онъ слышалъ необычайный стукъ и былъ *въ великомъ смущеніи*.

Въ день причастія чудо повторилось, но уже въ другой формѣ. Аннѣ Егоровой показалось, что всѣ образа — точно живые люди, а икона Спасителя плакала.

Слухъ объ этомъ дошелъ до епархіальнаго архіерея. Дѣвушку вызвали для допросовъ въ консисторію, но отвѣты ея всѣхъ убѣдили въ томъ, что она *совершенно здорова. Подсудимую* препроводили затѣмъ во врачебную управу, но и медицинскіе чины ни чуть не усумнились въ нормальности ея положенія... *).

Надобно замѣтить, что практика прошлой Тамбовской жизни слишкомъ обильна фактами религіозныхъ увлеченій.

*) Арх. дух. конс. № 124-й

Такъ, въ началѣ текущаго столѣтія въ Шацкомъ уѣздѣ, на хуторѣ у купца Аникѣева, проживалъ слѣпецъ Ефремъ съ послушникомъ Василюмъ. Въ комнатѣ у Ефрема былъ устроенъ иконостасъ, передъ которымъ *самозванный іерей*, въ присутствіи многочисленныхъ богомольцевъ, самочинно священнодѣйствовалъ... При этомъ были и проповѣди. Слепой старецъ особенно любилъ говорить на тему о второмъ Христовомъ пришествіи. „Идите, — говорилъ онъ, — того часа, когда восплачется вся земля, море и аоръ, восплачутся и всѣ животныя со птицами, восплачутся горы и холмы и дѣрева польскія, восплачутся и оба свѣтила со звѣздами за родъ человѣческій“. И слушала его неразумная толпа, тяжело вздыхая о грѣхахъ человѣческихъ и страпась суда Божія, грядущаго *въ той часъ*... Въ Шацкомъ и Спасскомъ уѣздахъ долго потомъ ждали свѣтопреставленія. На пасху 1848 года жители селъ Велутки, Хомутовки и Киселевки — всю ночь съ понедѣльника на вторникъ не спали и все ждали архангельской трубы, пока отъ утомленія не заснули *).

Въ то же время въ Козловскомъ уѣздѣ въ селѣ Хмѣлевой слободѣ жилъ нѣкто Григорій Бекетовъ, котораго почитатели его обыкновенно называли отцомъ Григоріемъ. Бекетовъ былъ тоже слѣпъ и это обстоятельство сдѣлало его религіознымъ мечтателемъ. Мало-по-малу слѣпецъ вообразилъ себя великимъ народнымъ учителемъ. Въ избѣ своей онъ началъ служить вечерни, утрени и обѣдни, при чемъ прислуживали ему колошницы, числомъ 15 дѣвиць, отъ 15 до 30-лѣтняго возраста. Служилъ *отецъ Григорій* въ ризахъ и золотой шапочкѣ. Служба совершалась обыкновенно ночью, до благовѣста къ заутрени. Съ первымъ ударомъ приходскаго колокола все самочинное собраніе начинало пѣть врозь разныя канты. Потомъ пѣвцы ударяли себя кулаками въ груди и приговаривали: побѣдили, побѣдили! Церемонія оканчивалась *общимъ хохотомъ* и скромной трапезой.

Слѣпецъ Григорій *священствовалъ* 10 лѣтъ. Въ это время онъ обзавелся тремя просторными избами и обширнымъ садомъ и уже приступилъ было къ постройкѣ *своей* церкви. Слухи о его необыкновенныхъ подвигахъ дошли до Синода

*) Арх. дух. канц. № 258-й

и вслѣдствіе этого дѣятельность его наконецъ прекратилась *)).

Крайній религіозный мистицизмъ Тамбовскаго народонаселенія иногда выражался въ самыхъ странныхъ формахъ, на примѣръ—въ такъ наз. трушевѣриіи или труховѣриіи.

Въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ селѣ Верхней Мосоловкѣ, Усманскаго уѣзда, объявился одинъ мѣщанинъ Трофимъ Пановъ. Жилъ онъ въ домѣ помѣщика Аблова, *своего ближайшаго послѣдователя*, и вотъ именно его-то ученики назывались трушевѣрами.

Трушевѣры видимо исполняли православныя обряды. Но ихъ выдавали слѣдующія обстоятельства: они часто и въ большомъ количествѣ собирались у Трофима Панова для моленій, другъ другу кланялись въ ноги, священниковъ называли бѣсами, женщинъ стригли въ кружокъ, жили невѣнчанные, православныхъ при удобномъ случаѣ били, *изгоняя изъ нихъ нечестіе*. При этомъ иногда бывало, что сынъ—трушевѣръ поднималъ руки на родителей.

Однажды приходскій священникъ Лукинъ говорилъ въ церкви проговѣдъ противъ трушевѣрія. Между слушателями стояли и приверженцы Трофима Панова, въ томъ числѣ Абловы—мужъ и жена. Не понравилась имъ проповѣдь и вотъ они публично стали бранить священника и грозили изорвать на немъ облаченіе. „Ты—разоритель, грабитель и служка“,—громко шумѣли Абловы на всю церковь. Это было 14-го іюля 1868 года. Именно по этому поводу и началось *дѣло* о трушевѣрахъ.

Слѣдствіемъ обнаружено было, что Трофимъ Пановъ называлъ себя богомъ, а учениковъ своихъ—полубогами. Вся трушевѣрская община отличалась воздержною жизнію, ненавистію къ существовавшимъ порядкамъ и экзальтированными обычаями во время моленій. Когда трушевѣры сходились вмѣстѣ, то они снимали съ себя верхнее платье и оставались въ однѣхъ рубахахъ. Съ этого момента они называли свои избы Сіонскими горницами, пѣли церковныя пѣсни и канты, били въ *ладони* и притопывали ногами...

Слѣдователи узнали также и то, что Трофимъ Пановъ часто расхаживалъ по солу въ сопровожденіи своихъ учени-

*) Арх. дух. конс. № 2077-А.

ковъ, при чемъ на шею надѣвалъ большой перламутровый крестъ на широкой шелковой лентѣ. А одежда его въ то время заключалась въ длинной красной рубахѣ, обшитой по подолу и по рукавамъ желтой тесьмою. Поясъ его былъ желѣзный въ сукнѣ.

Во время допроса Трофимъ сознался въ своихъ заблужденіяхъ и говорилъ такъ: „я браню начальниковъ за слабое исполненіе обязанностей и именую бѣсами всѣхъ враговъ своихъ. Учу же я отъ имени Божія и всѣ мы—блаженные и нищіе духомъ, а весь міръ погрязъ во грѣхѣ“.

Самымъ усерднымъ ученикомъ Панова былъ крестьянинъ Иванъ Поповъ, который произнесъ передъ слѣдователями слѣдующія слова: аще кто отвергнется отъ Трофима, отверженъ будетъ передъ отцомъ небеснымъ“.

Когда въ домъ Трофима Панова произвели обыскъ, то между прочимъ нашли рукопись его сочиненія подъ весьма страннымъ и нескладнымъ заглавіемъ: *святочестному и благочестиво живущему правосудію, нищеть духовной, сострадательной попечительности нѣжножалобное объявленіе на жизнь развратнаго міра нынѣшняго вѣка нечестивыхъ и беззаконныхъ людей.*

Въ самомъ текстѣ безсвязно изложены жалобы на то, что безчисленное множество христіанскихъ душъ запуталось въ сѣтяхъ вражьихъ, *въ шатаніяхъ и молвахъ.* „Люди,—говоритъ Трофимъ,—утопаютъ какъ въ морскихъ волнахъ и у язычниковъ было лучше нашего“.

Затѣмъ слѣдуетъ печальное и лирическое въ народно-литературномъ стилѣ изображеніе дѣйствительности: правда въ тѣснотѣ, злочестивая ложь имѣетъ великое пространство, любовь злонравіемъ больна. Вѣра раздробляется, надежда на свою хитрость и любостяженіе полагается. Покаяніе страдаетъ, грѣхъ нераскаяніемъ прикрылся, боголюбивое усердіе отъ нечестія, какъ пчела отъ дыма, не уклоняется и святая жизнь камнями побивается. Здравое ученіе захворало, истина осиротѣла, правосудіе въ бѣгахъ, на судѣ кручкодѣйственная грабительница—корысть обрѣтается. Благодѣяніе подъ арестомъ, состраданіе въ острогѣ сидитъ и дщи Вавилонская ликуеть. Стыдъ ослѣпъ, совѣсть съ ума сошла, справедли-

вость обанкрутилась, честь въ отставку вышла, а законное супружество въ грязи лежитъ“.

Съ особенною силою трушевѣрскій учитель возстаеъ противъ пѣсень, хороводовъ, качелей, карточной игры, псовой охоты, театровъ, сквернословія и модныхъ женскихъ нарядовъ. О послѣднихъ онъ выражается такъ: „о, оружіе дьявола, бѣсово чудовище, невѣста князя тьмы, любовница сатаны, Пентефріева жена, Египецкая бѣсноватая свинья, поклонница Венеры, неукротимый звѣрь, зѣвъ ада преисподняго!“.

Не щадить Трофимъ Пановъ также и духовенства, о которомъ онъ говоритъ: „нечестія ревнители, благочестія гонители, ненавистники рода христіанскаго, предтечи злобы и ярости антихристовой, Анны и Каіафы, предатели Христа на мученіе и несмысленные пастыри!“

Рукопись заключается слѣдующими словами: „благодатию Божіею все вы, чтущіе сіе, утвердитесь до скончанія вѣка. Аминь“.

Очевидно, трушевѣріе не имѣло самостоятельнаго обрядаго и догматическаго характера. Скорѣе—оно представляло собою рѣзкій и наивный протестъ, направленный противъ общественной безнравственности. Самыя сходки трушевѣровъ не заключали въ себѣ, строго говоря, ничего противощерковнаго. Тамъ приверженцы Трофима Панова пѣли обыкновенно псалмы: благослови, душе мой, Господа... Влженъ мужъ... На рѣкахъ Вавиловскихъ... да изъ евангелія читали любимыя мѣста, чаще всего бесѣду Спасителя съ женою Самарянякою. Если же Трофимъ называлъ себя богомъ, то это слово онъ понималъ, конечно, въ нравственномъ смыслѣ. Это видно изъ слѣдующаго.

Трофима Панова отлучили отъ церкви, но онъ насильно вривался въ православные храмы и въ этомъ случаѣ оправдывалъ себя словами Спасителя: „приходящихъ ко мнѣ не изжену вонъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ упорный фанатикъ *благорезменно и безвременно* убѣждалъ духовенство *возстать отъ сна*.

17 мая 1867 года священникъ Лукинъ, встрѣтившись съ Трофимомъ, дружески сказалъ ему: „преосвященный требуетъ отъ меня донесенія о тебѣ и я хочу доносить, что тебя исправилъ“.

На это Трофимъ отвѣчалъ священнику: „чтожь, батюшка, пиши на свою шею“.

Между тѣмъ по селу онъ распространялъ такіе слухи „меня гонять, но Господь наказываетъ гонителей Христа— кто отъ пьянства безъ покаянія умеръ, кто умеръ потопленіемъ водою, кого Господь огнемъ сжегъ, кого лишилъ чадъ, а кого оставилъ еще на покаяніе. Чудны дѣла Господа! А священникъ все-таки меня гонить и старается погубить овецъ своихъ. Настало время ужасное, храмъ Божій сдѣлался въ ловитву“.

Однако, краснорѣчіе Трофима не спасло его. Вся Пашковская волость огромнымъ большинствомъ голосовъ порѣшила: труховѣровъ удалить изъ общества *).

Переходимъ теперь къ сектанству, которое представляетъ рѣзкую выдающуюся бытовую черту мѣстнаго края.

Секты развивались у насъ главнымъ образомъ среди помѣщичьихъ хрестьянъ. Тяжелая крѣпостная обстановка невольно влекла изстрадавшееся крестьянство къ религіозной мистикѣ и фанатизму. Духовенство же своими дѣйствіями полицейскаго характера не только не умирало наивную толпу, а еще болѣе волновало. Отсюда происходило взаимное раздраженіе, роль котораго въ исторіи развитія Тамбовскаго сектанства, по нашему мнѣнію, далеко не послѣдняя... При такихъ-то условіяхъ развивался мѣстный религіозно-критическій анализъ. Люди непросвѣтной глуши, не забытые только тѣми, кто нуждался въ ихъ скудныхъ достояніяхъ, Тамбовскіе крѣпостные и имъ подобные обыватели естественно искали отраду для своей горемычной жизни въ религіи и находили ее по своему. Самые бѣдные крестьяне переходили иногда въ извѣстную, подходящую къ ихъ міросозерцанію, секту изъ матеріальныхъ выгодъ, такъ какъ сектанты всегда были зажиточнѣе большинства православныхъ и щедро помогали своимъ единовѣрцамъ. Между тѣмъ крестьяне, болѣе чуткіе къ вопросамъ вѣры и нравственности, могли увлекаться въ сектанствѣ тѣмъ, что почти все его сторонники—люди воздержные, трезвые, тихіе, другъ другу всячески и отъ души помогающіе...

*) Арх. дух. конс. № 2149-й.

О степени распространенности въ Тамбовской губерніи сектъ судить слишкомъ трудно, потому что официальныя статистическія данныя на этотъ предметъ слишкомъ подозрительны. Мѣстная консисторская статистика за всѣ годы съ начала XIX столѣтія показывала почти одну и ту же цифру: приблизительно 9000 сектантовъ. Это количество, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо ниже дѣйствительности и на это есть у насъ основательныя доказательства.

Еще въ 1830 году маіоръ Владиміровъ писалъ всеподданнѣйшее письмо императору Николаю I-му, въ которомъ съ увѣренностію доносилъ, что только въ трехъ уѣздахъ: Тамбовскомъ, Моршанскомъ и Шацкомъ-сектантовъ болѣе 70,000 человекъ. Припоминается намъ по этому поводу и наша беседа съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ молоканъ города Тамбова, который говорилъ, что *онъ отписной молоканъ и всѣ его знаютъ съ этой стороны, а то много у нихъ и соблюдающихъ наружно православные обряды ради мірской чести и всякихъ выгодъ и это, по молоканскому ученію, не грѣхъ.*

Въ 1839 году Тамбовскій епископъ Арсеній Москвинъ составлялъ списки главныхъ молоканскихъ наставниковъ. Мы думаемъ, что онъ узналъ не про всѣхъ, и однако въ его спискахъ стояла весьма почтенная цифра: 112 *).

О количествѣ сектантовъ Тамбовской епархіи приблизительно можно судить также и по числу лицъ, не принимавшихъ св. причастія. По консисторскимъ даннымъ, въ 1830 году таковыхъ значилось 165,374 человекъ. Въ слѣдующемъ году это число возрасло до 172,978 человекъ. Въ 1832 году не было у исповѣди и св. причастія 129,390 человекъ, а въ 1833 году—174,685 человекъ. Справка эта подана была въ консисторію 13 августа 1840 года архиваріусомъ Иванскимъ.

Секта субботниковъ или жидовствующихъ всегда считалась у насъ самою незначительною по количеству сектантовъ. Между тѣмъ въ 1864 году вотъ что писало о ней Разсказовское приходское духовенство: „субботниковъ у насъ около 1000 душъ и ждуть они въ скоромъ времени Мессію, а для построенія Іерусалимскаго храма собирають большія деньги“.**)

*) Арх. дух. конс. № 287-й.

**) Арх. дух. конс. № 406-й.

Впослѣдствіи, въ 1865 году, въ Разсказово пріѣхалъ одинъ еврей—аферистъ, объявилъ себя Іерусалимскимъ агентомъ, собралъ нѣсколько сотъ рублей и за тѣмъ неизвѣстно куда скрылся...

Особенную антипатію между многочисленными Тамбовскими ересями возбуждаетъ, конечно, скопчество, о которомъ мы сказали уже нѣсколько словъ въ концѣ первой главы. Намъ представляется особенно удивительнымъ то, какъ скоро и съ какимъ легкомысліемъ многіе Тамбовскіе крестьяне рѣшались на оскотленіе *).

25 декабря 1830 года крестьянинъ села Русскаго, Моршанскаго уѣзда, Семень Куликовъ пообѣдалъ вмѣстѣ съ семьей и вышелъ погулять. Черезъ нѣсколько часовъ, окровавленный и согнувшійся, онъ вернулся домой и при входѣ упалъ.

— Что это съ тобою, Семень? спросила его сноха Афросинья.

— Лошадь разбила меня и ушибла обѣ колѣнки.

Стали слѣдить за Куликовымъ и оказалось, что онъ оскотился.

Впослѣдствіи на судѣ Куликовъ показывалъ: „содержу я секту скопческую, но въ чемъ она заключается—не знаю. Думаю только, что мясного мнѣ ѣсть нельзя. На праздникъ Рождества Христова мы обѣдали и вдругъ мнѣ пришла мысль: человекъ я бѣдный и жениться мнѣ по бѣдности нельзя; такъ лучше, чѣмъ разжигаться, глядя на женскій полъ и грѣшить—отрѣжу я сѣменные ядра“.

Послѣ этихъ размышленій Куликовъ пошелъ въ клѣтъ, перевязалъ дѣтородныя части лычкомъ и простымъ ножомъ сразу отрѣзалъ ихъ. Не смотря на жгучую боль и сильное кровоизліяніе, Куликовъ имѣлъ на столько присутствія духа, что тщательно вытеръ снѣгомъ ножъ и пошелъ въ избу, но у коника упалъ на полъ. Въ это время и стала разспрашивать его сноха Афросинья **).

Въ томъ же 1830 году изъ Владикавказа вернулся на родину въ село Уварово, Борисоглѣбскаго уѣзда, отставной

*) Распространителемъ скопческой секты въ Тамб. и Морш. уѣздахъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія былъ самъ Кондратій Селивановъ съ учениками Ретивымъ, Поповымъ и дьякономъ Алексѣевымъ.

** Арх. Тамб. окруж. суда, № 335-й.

солдаты Никулинъ. Одна нога у него была отнята, слѣдовательно къ сельскимъ работамъ онъ былъ неспособенъ. Никулинъ сдѣлался сельскимъ учителемъ. Разъ онъ задумался, сидя въ своей бѣдной и темной хатѣ. Тутъ пришли ему на умъ извѣстныя евангельскія слова: „скопцы сами себя покажиша царствія ради небеснаго“, и онъ, не долго думая, оскопился бритвою. При этомъ Никулинъ утолялъ свою боль тою мыслию, что безъ умерщвленія плоти нельзя получить царствія Божія.

„Скоро раны мои,—говорилъ онъ потомъ судьямъ,—зажили и стали приходить ко мнѣ всякіе люди и я читалъ съ ними священное писаніе и пѣлъ псалмы и молитвы. Разъ пришли ко мнѣ три дѣвки и одинъ товарищъ мой оскопилъ ихъ, а къ порѣзаннымъ мѣстамъ приложилъ пластырь изъ воску и конопляннаго масла“ *).

Нѣкоторые Тамбовскіе крестьяне до поступленія въ скопческую секту отличались чрезвычайно набожностію и готовы были идти въ монахи. Таковъ былъ крестьянинъ села Крюкова, Моршанскаго уѣзда, Артемъ Брюнинъ.

„Возымѣлъ я отвращеніе къ мясной пищѣ,—говорилъ онъ,—сталъ ѣсть постное и намѣревался вступить въ какой либо монастырь для всегдашняго моленія, но отецъ съ матерію въ монахи меня не пустили“.

Томимый постояннымъ желаніемъ душевнаго спасенія и крайне нервный, Брюнинъ однажды пошелъ къ отцу на гумно. Въ это время встрѣтилъ его какой-то странникъ, повидимому монахъ, и упробилъ проводить его на большую дорогу. Брюнинъ пошелъ съ незнакомцемъ и сталъ жаловаться ему на свое горе.

Странникъ остановился.

„Если ты хочешь спастись себя,—съ важностію возвысилъ онъ голосъ,—то оскопись, умертви грѣшную плоть и это для души твоей будетъ очень хорошо“.

Брюнинъ сразу согласился на оскотленіе. Тогда мнимый монахъ повелъ его къ одоньямъ, совершилъ надъ нимъ операцію и ушелъ неизвѣстно куда своей дорогой. Между тѣмъ скопецъ—неофитъ истекалъ кровью и лежалъ на гумнѣ безъ памяти. Утромъ кое-какъ дотащился онъ до дому, рассказалъ обо

***) *ibid.* № 337-а.

всемъ роднымъ и тѣ въ тотъ же день препроводили его въ Моршанскій земскій судъ. Это было въ іюнь 1837 года.

Странникъ, оскопившій Брюнина, не даромъ торопился уйти изъ Крюкова. Тамъ онъ успѣлъ оскопить еще 18 человекъ, кого въ открытомъ полѣ, кого на гумнѣ, кого на большой дорогѣ... Въ числѣ оскопленныхъ были и дѣти — мальчики и дѣвочки *).

Изъ Тамбовскихъ консисторскихъ документовъ видно, что въ первой половинѣ настоящаго столѣтія село Крюково было главнымъ рассадникомъ скопческой ереси. Главою Крюковскихъ скопцовъ былъ въ указанное нами время крестьянинъ Аристарховъ, у котораго найдены были самыя уважаемыя скопческія рукописи. Въ рукописяхъ заключались преимущественно аллегорическія молитвы, представлявшія скопцовъ пчелами, а ихъ радѣнія — пчелинымъ жужжаніемъ.

Наиболѣе сильное развитіе всѣхъ Тамбовскихъ ересей относится ко временамъ епископа Арсенія, когда мѣстные сектанты подверглись суровымъ и систематическимъ преслѣдованіямъ. Именно въ то время появились у насъ пылкіе и убѣжденные сактантскіе проповѣдники, явилась полная нравственная и экономическая солидарность всѣхъ членовъ извѣстной религіозной общины и даже — сектантская школа.

Глубокій интересъ по религіозно-мистической оригинальности представляетъ намъ секта хлыстовъ, иначе называемыхъ шелапутами, богомолами, истинными христіанами и Давыдовымъ согласіемъ. Къ окружавшей ихъ дѣйствительности хлысты относились съ полнымъ отрицаніемъ. Они говорили такъ: „весь міръ погрязъ въ ужасныхъ грѣхахъ, только и есть наше малое чистое стадо“.

Одинъ изъ хлыстовъ, фельдфебель Тюкаловъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ своихъ православно-хлыстовыхъ сотоварищей: „живу я грѣшный среди свиной и другихъ дикихъ звѣрей, не имѣющихъ боготканной одежды и небесной пищи. Угоднички Божіи! Молитесь за насъ и омывайте насъ крещеніемъ чистой совѣсти. О горе! гонятъ на духа святаго, а въ насъ благодать“ **).

*) Протоколъ Тамб. угод. пал. отъ 28 іюня 1837 года.

**) Арх. дух. конс. № 7699-й

Хлысты тщательно укрывали свое богослуженіе отъ православныхъ. Всѣ знали, что они вѣруютъ въ непрерывное и періодическое возрожденіе Христа, какъ духа Божія, что у нихъ есть самозванныя богородицы, пророки, апостолы и архангелы и что они часто подвергаются самымъ сильнымъ нервнымъ экзальтаціямъ, принимаемымъ за наитіе св. духа. Но обрядовъ ихъ не знали и потому на этотъ предметъ возникли у насъ легенды. О хлыстовскихъ собраніяхъ у насъ говорили такъ: „соберутся хлысты въ какую нибудь просторную избу и бѣгаютъ кругомъ чана съ водою, приговаривая: хлыщу, хлыщу, Христа ищу. Тогда нѣкто выходитъ изъ чана и начиналось общее бѣснованіе“.

Болѣе подробныя официальныя свѣденія о богомольской сектѣ получились у насъ въ 1850 году по слѣдующему случаю.

Въ одномъ селѣ Борисоглѣбскаго уѣзда проживало многочисленное семейство купцовъ Аникѣевыхъ. Ихъ было три брата: двое женатыхъ и одинъ холостой. У одного изъ первыхъ вдругъ заболѣла жена и стала кричать. Какъ ни лечили больную, ничего не могли сдѣлать. Въ это время къ Аникѣевымъ пріѣхали по торговымъ дѣламъ крестьяне Тимофеевъ и Козьминъ. Оба они были хлысты. Случилось такъ, что они были свидѣтелями припадковъ Аникѣевой. Тогда Тимофеевъ сказалъ больной:

— Хочешь, я исцѣлю тебя напосланіемъ благодати Божіей?

Больная согласилась.

— Такъ пріѣзжай ко мнѣ подъ рождество. У тебя внутри бѣсы и ты постись, тогда бѣсы сами выдутъ.

Въ назначенный день семья Аникѣевыхъ поѣхала въ село Туголуково къ Тимофееву, въ просторной избѣ котораго собрано было многочисленное общество. Тутъ была вдова — крестьянка Астафьева съ цѣлой свитой черничокъ и странницъ. Все собраніе относилось къ ней съ воличайшимъ почитеніемъ и именовало ее матушкой, чудотворкой и богородицей. Тутъ же былъ *настоятель* Перфиль Катасоновъ, къ которому сама Астафьева обращалась, какъ къ набольшему.

Въ избѣ, по словамъ одного изъ Аникѣевыхъ, былъ *настоящій* рай. Пѣли разныя стихи и всѣ цѣловались безъ раз-

бору и стыда. Перфиль Катасоновъ подозвалъ къ себѣ прѣзжихъ и громко произнесъ: „теперь всѣ ваши грѣхи я принялъ на себя. Да мяса, смотрите, не ѣшьте, самъ Христосъ его не ѣлъ и въ пасху его не кладутъ, и въ храмахъ Божіихъ не ставятъ сальныхъ свѣчей, а постныя восковыя; да помните, что храмъ внутри васъ гораздо дороже всякаго храма“.

Неожиданная проповѣдь закончилась слѣдующими словами: „богъ васъ прощаетъ и я, Перфиль, прощаю“.

На масляницу Аникѣвы поѣхали въ деревню Афанасьевку къ крестьянину Козьмину, котораго его единомышленники называли сердцевицею. Перфиль Катасоновъ былъ уже тамъ. Входи въ избу, всѣ подходили къ нему и цѣловали его руку и щеку, а онъ указывалъ входившимъ ихъ мѣста. Когда вошли въ собраніе Аникѣвы, имъ приказано было открыть рты и *настоятель* туда дышалъ. Такимъ образомъ приняты были въ богомольское общество новые члены. Послѣ этого всѣ стали пѣть канты на мотивы нищенскихъ пѣсней и бесѣдовать, величая другъ друга святыми, а съ наступленіемъ ночи богомолы легли спать, какъ попало. Въ ночной темнотѣ слышались то религіозныя канты, то молитвы, то сдержанный смѣхъ и фривольныя шутки...

Утромъ всѣ богомолы пошли къ Астафьевой и при входѣ кланялись ей въ ноги и цѣловали ее. Между тѣмъ Козьминъ началъ дѣлать изъ соломы кольца.

— На что это? спросили Аникѣвы.

— А это вѣнцы для получившихъ благодать.

Въ это время Катасоновъ вышелъ на средину избы, обнявшись съ *чудотворкою*, которая всѣхъ манила къ себѣ рукою. Катасоновъ посадилъ Астафьеву себѣ на плечо.

— Для чего это? стали спрашивать Аникѣвы.

— На нихъ сошла благодать, отвѣчали имъ.

Тогда всѣ стали на колѣни, кромѣ *настоятеля*, и начали каяться во хрѣхахъ: „я—блудница, я—обманщица, говорили женщины“. А я—клеветникъ, насильникъ, гордецъ—перебывали мужчины.

Дѣйствіе закончилось *причастіемъ*. Богомолы ѣли кусочки чернаго хлѣба и запивали ихъ теплой водой. „Какъ вода сплы-

васть,—приговаривали они,—такъ бы грѣхи сплывали, и тотъ хлѣбъ нашъ—слово Божіе, а вода—слеза народная“.

Не смотря на то, что богомолы шли къ причастію весьма охотно, Катасоновъ вооружился кнутомъ и подгонялъ всѣхъ къ столу.

Подобныя собранія стали повторяться чаще и чаще. Аникѣевы горячо относились къ нимъ. Но одинъ изъ нихъ, младшій братъ Федоръ, повялъ наконецъ свою ошибку и доносъ обо всемъ духовному и свѣтскому начальству.

Началось слѣдствіе. Слѣдователь ассесоръ Матвѣевъ дозналъ, что хлыстовщина обнаружилась у насъ еще въ 1761 году, а усиленное распространеніе ея началось въ началѣ текущаго столѣтія въ селѣ Перевозѣ, Кирсановскаго уѣзда. §

Главнымъ распространителемъ богомольскаго ученія былъ у насъ крѣпостной крестьянинъ Абакумъ Копыловъ. Въ свое время онъ самъ рассказывалъ, что ему будто бы постоянно представлялись ангелы, которые сладкогласно пѣли и говорили ему, Абакуму: постись и молись! „И я,—прибавлялъ онъ,—ничего не ѣлъ 8 недѣль и стало мнѣ легко“.

Абакумъ сталъ жить уединенно и изнурять себя постомъ. Сосѣди и домашніе постоянно видѣли его задумчивымъ и блѣднымъ. Онъ пересталъ ходить на барщину и молча переносилъ за это суровую барскую расправу. Крайній мистицизмъ Абакума Иванова породилъ наконецъ слѣдующую галлюцинацію: „однажды,—убѣжденно говорилъ онъ,—я постился 40 дней и вотъ явились ко мнѣ два ангела и понесли меня къ престолу Божію на седьмое небо. Въ трепетѣ сталъ я предъ владыкою и онъ повелѣлъ мнѣ читать божественныя книги и отыскивать въ нихъ средство, какъ людямъ спастись“.

Эту рѣчь первый выслушалъ Перфиль Катасоновъ—Абакумовъ работникъ.

Все общество Кирсановскихъ богомоловъ сразу увѣровало въ своего великаго учителя. Въ богомольскихъ хатахъ шли оживленные разговоры о томъ, какъ милостиво и любовно встрѣтилъ самъ Господь Богъ Абакума Ивановича. „Когда Абакумъ взятъ былъ на седьмое небо,—толковали крестьяне,—то по всему небу прогремѣлъ Божій гласъ: сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ... Тогда

да на богомольскихъ собраніяхъ стали будто бы совершаться чудеса: сіаль ночью свѣтъ, свѣчи сами загорались и духъ пророческій овладѣвалъ многими. То было время, когда Тамбовскіе хлысты надѣялись на всероссійское распространеніе своей секты. „Наша вѣра,—говорили они,—во истину истинная и за все умремъ мы. Темные крестьяне между прочимъ увѣрены были въ томъ, что у нихъ есть свой *патріархъ* въ Петербургѣ и что сила его у царя великая.

Ересь быстро стала распространяться въ селахъ: Уваровѣ, малой Грибановкѣ, Туголуковѣ, Афанасьевкѣ, Перевозѣ, Коптевѣ, Мосоловкѣ и Перезовкѣ. Абакумъ Копыловъ и сынъ его Филиппъ громко проповѣдывали: „вѣруйте въ новаго Іисуса, обновляя плотское духовнымъ. Вѣруйте, что Христосъ былъ богочеловѣкъ, т. е. духъ Божій входилъ въ него, но это и теперь можетъ быть“.

Во время богомольскихъ сборищъ пѣвались разныя канты, молитвы и стихи. Наибольше употребительные стихи и канты начинались такъ:

- 1) Идетъ мальчикъ по дорожкѣ,
Ко Христовой прямо ножкѣ...
- 2) Гдѣ ты, агница, сокрылась?
Что отъ Бога удалилась?
О душѣ твоей скорблю,
Потому что я люблю...
- 3) Безсмертный царь и обладатель,
Правитель неба и земли,
Всея вселенныя создатель!
Прими молитву, гласъ вземли...
- 4) Пробудись отъ сна, невѣста,
Се полунощи женихъ.
Яко тать грядетъ безвѣстно
Съ мертвыми судить живыхъ...
- 5) Потопъ страшный умножался,
Народъ видя испугался...
Гнѣвъ идетъ, гнѣвъ идетъ...

Что касается молитвъ, то главныя изъ нихъ запѣвались слѣдующимъ образомъ:

- 1) Господи Боже нашъ, введи меня раба въ духовный миръ...

2) Плачемся и ужасаемся, яко на всякій часъ помышляемъ: придуть судьи Вожья дѣла судить...

3) Да восплачется мать сыра — земля передъ образомъ и престоломъ Господнимъ...

Слѣдствіе пессора Матвѣона, при участіи духовныхъ депутатовъ и мірскихъ поитыхъ, между прочимъ, высленило, что нравственный бытъ хлыстовской секты отличался особеннымъ воздержаніемъ и сравнительною скромностію.

„По нашей вѣрѣ, — говорилъ крестьянинъ Николай Копыловъ, — не надо ѣсть мяса, курить табакъ, пить вино, ходить на игрища, ругаться скверными словами, употреблять картофель, лукъ и чеснокъ, ибо они у язычниковъ были замѣсто боговъ. Также не надо носить серегъ, ожерелій и колець. И близость имѣть съ женами тоже не надо. Лишнее мы приносимъ къ настоятелю и онъ помогаетъ бѣднымъ, и всё мы помогаемъ, но тайно“ *).

Первымъ извѣстнымъ *христомъ* въ Кирсановскомъ уѣздѣ былъ Абакумъ Копыловъ. Въ *богородицахъ* ходила у него Татьяна Черносивцова.

Вторыми *христомъ* и *богородицей* были Филиппъ Абакумовъ и Меланія Захарова.

Третьими — Николай и Анисья Копыловы. Въ это время въ Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ уѣздахъ образовались три самостоятельныя хлыстовскія собранія съ особыми настоятелями и настоятельницами. Изрѣдка *три корабля* собирались вмѣстѣ. Догматическаго различія между ними не было. Была одна нравственная рознь, зависѣвшая отъ темпераментовъ ересеначальниковъ. Такъ, у Анисьи Копыловой собранія были чинныя, а у Перфила Катасонова *творили чудеса*. Тамъ мужчины и женщины раздѣвались до нага, подражая Адаму и Евѣ, неистово плясали, вслухъ исповѣдывались во грѣхахъ своихъ, громко вскрикивали и плакали и послѣ ложились въ повалку, *духовникъ съ духовницю*. То была несомнѣнная экзальтація, какъ слѣдствіе крайняго напряженія нервовъ... На судѣ хлысты такъ оправдывали свое поведеніе: „мы исполняемъ житіе св. пророка Давида — скачемъ, играемъ, пасху славимъ вѣчную“.

*) Въ основаніи чистоты между мужемъ и женой хлысты приводили слѣдующія слова Писанія: бракъ честенъ и ложе нескверно.

Темныхъ мистиковъ осудили весьма строго. 75 человекъ посадили въ остроги, гдѣ половина ихъ умерла отъ цынги. Потомъ еще забрали 410 человекъ и всѣхъ ихъ переселили въ Закавказскій край. Но оставалось еще много тайныхъ хлыстовъ, посѣщавшихъ православные храмы и принимавшихъ духовенство. Эти тщательно укрылись и ожесточились, выражая свои протесты одними храбрыми словами *).

Противоперковная Тамбовская жизнь въ особенности выражалась въ слѣдующихъ уѣздахъ. Въ Спасскомъ и Темниковскомъ преобладалъ расколъ, въ Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ—хлыстовство, въ Моршанскомъ уѣздѣ были скопцы, въ Козловскомъ и Тамбовскомъ—молокане и духоборцы.

Послѣдніе, т. е. молокане и духоборцы, судя по консисторскимъ документамъ, отличались отъ другихъ сектантовъ крайнею злобою къ православію и духовенству. Появившись въ нашей губерніи еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, во времена знаменитыхъ Уклеина и Побирохина, они постоянно донимали епархіальное и губернское начальства массою *дѣлъ*. Не входя въ подробное нравственно-догматическое изслѣдованіе молоканства и духоборчества, мы здѣсь укажемъ только на самыя рѣзкія проявленія этихъ родственныхъ сектъ.

Молоканскіе *пресвитеры* Кубышкинъ и Хомутковъ однажды говорили священнику Алмазову слѣдующія слова: „иконы ваши—идолы. Херувимы въ скиніи и Соломоновомъ храмѣ сдѣланы были для прельщенія Израильтянъ, ибо богъ хотѣлъ погубить ихъ“.

„Смотрите,—хвалились передъ православными духоборческіе наставники,—мы трезвые, а вы всѣ пьяницы, плясуны, пѣсенники и грабители“.

„Крещеніе, причащеніе и миропомазаніе, продолжали они,—мы понимаемъ духовно и состоятъ они въ наученіи слова Божія. Покаяніе наше тайное, а бракъ у насъ по образу ветхозавѣтныхъ патріарховъ съ возложеніемъ рукъ и чтеніемъ псалмовъ. Священникъ у насъ одинъ Іисусъ Христосъ, мы же всѣ братья и равны между собою“.

Слѣдующіе факты достаточно показываютъ степень молоканско-духоборческаго озлобленія противъ служителей господствующей церкви.

*) Арх. дѣл. конс. Дѣло о хлыстахъ, томъ 4-й и 7-й.

На пасху 1837 года священник села Падовъ Ястребовъ вышелъ изъ алтаря и сталъ христосоваться съ народомъ. Въ это время духоборецъ Трофимъ Иконниковъ заговорилъ на всю церковь: „вотъ съ попомъ не цѣловались объ масляной, такъ надо подойти къ нему теперь да дернуть за бороду и сказать: вотъ тебѣ, батюшка, яйцо да и еще бы подошелъ и кулаками вотъ какъ надавалъ бы ему яицъ“ *).

Съ особенною рѣзкостію молоканская вражда къ духовенству выражалась во время самыхъ большихъ праздниковъ, когда сельскіе причты имѣли неосторожность заходить съ образами и въ молоканскіе дома. Напримѣръ, причтъ села Пахатнаго угла пришелъ однажды съ молебномъ къ молокану Илясову. Хозяинъ въ это время лежалъ на лавкѣ и притворялся спящимъ. Тогда священникъ Крыловъ сталъ будить его, но Илясовъ быстро вскочилъ, толкнулъ священника въ грудь и изорвалъ на немъ эпитрахиль, потомъ бросилъ въ него нѣсколькими мѣдными монетами и приказывалъ поскорѣй уходить прочь и не *мозолить глазъ* **).

Въ 1838 году молоканство сильно распространилось въ селѣ Вяжли, Кирсановскаго уѣзда. Главный распространитель секты Панковъ на судѣ показывалъ слѣдующее: „я у своихъ попъ и на поповство поставилъ меня самъ Богъ, а всѣ православныя—скопище нечестивыхъ и антихристы, церкви же ихъ конюшни“.

Иные молокане сами стремились къ религіознымъ диспутамъ и съ этою цѣлію вторгались въ дома православныхъ священниковъ. Такъ, мѣщанинъ Петровъ пришелъ къ священнику села Шаморги Семенову и затѣялъ съ нимъ слѣдующую бесѣду: „Христово распятіе не можетъ себя спасти, положи его на полку и оно встать не можетъ, а когда встанетъ, то я буду въ него вѣрвать; да и самый крестъ, который я на себѣ имѣлъ, по бытности моей въ лѣсу для рубки дровъ, нечаяннымъ образомъ зацѣпился за дерево и оторвался и съ того времени онаго на себѣ не имѣю“.

Съ теченіемъ времени молоканская пропаганда въ Тамбовской губерніи все усиливалась. Въ 1839 году въ одномъ селѣ Грязнупѣ было 224 молоканскихъ прозелитовъ.

*) Арх. дух. конс. № 102-н.

**) *ibid* № 77-н.

Главныхъ молоканскихъ наставниковъ сослали въ Сибирь, Закавказье и на Молочныя воды, но связь ихъ съ едновѣрцами не прекращалась. Между ними шла дѣловая переписка.

Въ 1824 году Тамбовская полиція перехватила слѣдующее письмо мѣстнаго молокана Токарева, адресованное на имя Томскаго ссыльнаго Журавцова, бывшаго Тамбовскаго пресвитера.

„Благодѣтелю преображенія Господня Петру Михайловичу добраго здравія, счастливыхъ поведеній, благословенія Божія, мира Христова и святыни. Кланяемся до стопъ ногъ вашихъ и заочно пѣлуемъ богохвально уста. А у насъ учреждень великій разбой и просимъ васъ писаніемъ своимъ подать намъ руку помощи“.

Рѣже всего въ Тамбовскихъ документахъ встрѣчаются указанія на старообрядцевъ. Тихо проживали они въ нашихъ сѣверныхъ уѣздахъ, имѣли свои часовни—тайныя и явныя, заманивали къ себѣ бѣглыхъ священниковъ и чрезъ это навлекали на себя скоропреходящій гнѣвъ духовной и свѣтской администраціи...

Въ Тамбовскихъ архивахъ мы встрѣтились только съ однимъ случаемъ рѣзкаго проявленія раскольничьей пропаганды.

Въ первый день Пасхи 1815 года въ Елатомскую Вознесенскую церковь пришелъ мѣщанинъ Макашинъ, сталъ на амвонѣ и обратился къ народу съ такими словами: „послушайте, православные! Богъ повелѣлъ всѣмъ людямъ креститься сложеніемъ трехъ перстовъ, великаго съ малыми“. Весь народъ молча слушалъ неожиданнаго проповѣдника, который высоко надъ головою держалъ руку съ изображеніемъ стообрядческаго креста. „Но многіе изъ васъ,—продолжалъ Макашинъ—христіанской заповѣди не повинуются и я за ваши прегрѣшенія уже четыре года мучусь душою“.

Послѣ этого Макашинъ сталъ на обычное свое мѣсто и въ Вознесенской церкви началась пасхальная заутреня *).

Всѣ эти противоцерковныя движенія несомнѣнно удостоверяютъ насъ въ томъ, что Тамбовское крестьянство искони отличалось своеобразнымъ исканіемъ истинной вѣры и

*) Арх. дух. конс. № 402-й.

правды и вслѣдствіе этого, по своей умственно нравственной отсталости и косности, уходило въ расколъ и ереси. Причинъ такого ненормальнаго явленія было слишкомъ много: и церковныхъ, и соціальныхъ, и экономическихъ. *Жатва у насъ была многая, а дѣлателей мало...* Эти дѣлатели въ большинствѣ случаевъ по отношенію къ искавшимъ свѣта и правды выражали не столько пастырскія, сколько полицейскія узкоэгоистическія стремленія. Неудивительно поэтому, что миссіонерская дѣятельность мѣстнаго духовенства сводилась почти къ нулю. Результаты приходско-пастырскихъ увѣщаній въ консисторскихъ документахъ большею частію отмѣчены такъ: „за всѣми увѣщаніями и убѣжденіями къ обращенію въ православіе оныесектанты оказались упорными въ своихъ заблужденіяхъ“

Систематическія гоненія противъ мѣстнаго раскола и сектъ предприняты были извѣстнымъ епископомъ Арсеніемъ Москвинымъ. Ревностными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были губернаторы Гамалѣй и Корниловъ. По словамъ самого св. синода, Арсеній завалилъ всѣ Тамбовскія присутственныя мѣста сектантскимй дѣлами и, разоряя иновѣрцевъ, билъ чуть ли не въ самую чувствительную сторону крестьянскаго быта. Грозный Тамбовскій епископъ настаивалъ даже на томъ, чтобы сектанты не смѣли ловить рыбы въ одвѣхъ рѣкахъ съ православными и чтобы они обязательно и поголовно выдавали дѣтей своихъ для крещенія въ православную вѣру. Слѣствія этихъ и подобныхъ имъ мѣръ, разумѣется, были совершенно противоположны ожиданіямъ епархіальнаго начальства... Именно при Арсеніи въ Тамбовской губерніи былъ такой случай: въ молоканство сразу совратилось 649 человекъ.

Въ настоящее время общественныя нравы переѣнились и въ недалекомъ будущемъ наша религіозная рознь, вѣроятно, прекратится. Порукую въ этомъ намъ служить постепенно усиливающееся народное образованіе въ Тамбовской губерніи, а также и неудѣржимо нарождающійся новый строй русской государственной жизни...

Въ слѣдующей, уже начатой нами книгѣ, мы постараемся дополнить тѣ пробѣлы, которые, вслѣдствіе недостаточности мѣстнаго историческаго матеріала, невольно оказались въ первомъ нашемъ выпускѣ.

И. Дубасовъ.